
ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СОВЕТСКО-РУМЫНСКАЯ ДРУЖБА — НАВЕКИ!
ЧЕТЫРЕ ЧАСА ХИРУРГА
САЙРА—рассказ А. Ткаченко
Стихи Николая Быкова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 26 (1827)

24 ИЮНЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Румыния, год 1962-й

Тому, кто давно не был в Калане, Хунедоарской области, нелегко узнать здесь многие места. В нескольких километрах от завода «Виктория» выросли новые дома рабочего поселка (верхний снимок).

Год 1962-й войдет в историю Румынской Народной Республики как год завершения коллективизации сельского хозяйства, год окончательной победы социализма в городе и деревне. Этому выдающемуся событию была посвящена внеочередная сессия Великого Национального Собрания РНР. Она проходила в недавно построенном Дворце выставок.

Фото Аджерпресс.

Вся Румыния раскрыла объятия дорогому гостю — Н. С. Хрущеву, прибывшему во главе партийно-правительственной делегации Советского Союза с визитом дружбы в РНР.

Фото специального корреспондента «Огонька» М. САВИНА.

Как самых близких друзей, как родных братьев, встретил Бухарест советских гостей.

Глава советской партийно - правительственной делегации Н. С. Хрущев и первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии, председатель Государственного совета РНР Георге Георгиу-Деж отвечают на восторженные приветствия жителей столицы.

НАШИ ЦЕЛИ ЕДИНЫ, НАШЕ БРАТСТВО НЕРУШИМО!

Переговоры между партийно-правительственными делегациями Советского Союза и Румынской Народной Республики.

ОБЪЯТИЯ ДРУЗЕЙ

Цветы... Море красных цветов... Под яркими лучами июньского солнца — розы в несметном количестве. Вокзал Бэняса кажется огромным букетом, а магистраль, ведущая к центру столицы,— исполинской живой гирляндой.

Встречать дорогих гостей вышли сотни тысяч жителей Бухареста. Сияющие лица людей, выражающие чувства любви и дружбы, сверкающие улыбки не уступают цветам. Чувствуется, что это радость, идущая от сердца, радость, рожденная нерушимой дружбой, которая связывает советский и румынский народы.

«Добро пожаловать в наш новый дом, в наш новый сад, где народ встретит вас с распростертыми объятиями по старинному обычаю — хлебом и солью»,— пишет в «Скынтейе» поэт Тудор Аргези.

С балкона высокого здания через полотнища развевающихся знамен Советского Союза и Румынской Народной Республики я смотрел на открывающуюся передо мной панораму площади. Она опоясана стройными силуэтами высотных зданий жилых домов и нового зала Дворца республики. Еще не так давно здесь находился дом, в котором 8 мая 1921 года было провозглашено, что Коммунистическая партия Румынии основана. Со своей первой резолюцией, принятой на I съезде коммунистической партии, румынские коммунисты обратились к русскому пролетариату. На месте этого дома сейчас возвышается новое здание, в нижнем этаже которого помещается цветочный магазин. Здесь были подобраны букеты, которые теперь в руках гостеприимных хозяев, переливаясь под лучами солнца всеми красками, ожидают гостей.

Не счесть, сколько букетов приготовила сегодня столица! Работницы бухарестской фабрики трикотажных изделий пришли с розами, распустившимися в саду их предприятия. Но самые замечательные цветы, которые вырастил народ,— это цветы социализма. Это новые доменные печи в Хунедоаре, новые заводы, новые здания, выстроенные на Черноморском побережье, новые дизельные локомотивы, новые магазины и стройки, новые кинотеатры, тракторы, книги.

Следуя указаниям партии и ленинскому учению, крестьяне нашей страны добились в этом году большой победы. По всей стране была завершена коллективизация сельского хозяйства.

В солнечное утро 18 июня были включены все радиоприемники и телевизоры республики. В столицу нашей страны приезжают дорогие гости, друзья, братья. Добро пожаловать!

Раздается гром приветствий. Из вагонов выходят Никита Сергеевич Хрущев, члены советской партийно-правительственной делегации. Товарищ Георге Георгиу-Деж обнимает дорогого гостя. Заработали кино- и фотоаппараты, микрофоны, телевизионные установки. Медленно движется к центру города огромный букет цветов. Это машина, в которой находятся товарищи Никита Сергеевич Хрущев и Георге Георгиу-Деж.

* * *

Наступает новый такой же солнечный день. Рабочие завода «Гривица Рошие» переживают незабываемые минуты. На их долю выпала большая честь принимать у себя посланцев советского народа. Вместе с товарищем Георге Георгиу-Деж на завод, революционные традиции которого дороги всему румынскому народу, прибыл Никита Сергеевич. Товарищ Хрущев беседовал с рабочими, интересовался их жизнью и работой. Герой Социалистического Труда Штефан Лунгу и Александру Кодеску, молодой монтер Ион Илие и весь коллектив глубоко взволнованы радостной встречей. И долгое время они и другие рабочие Гривицы будут рассказывать, о чем говорили они с Никитой Сергеевичем.

* * *

Ночь. Через Бэрэганскую степь к Бухаресту мчится вереница автомобилей. В селах и деревнях люди не спят и с зажженными факелами выходят на шоссе. От села к селу волнами несутся приветственные возгласы. И снова цветы, цветы, море цветов...

Вдалеке показываются огни Бухареста.

Михай МЫРЗА, румынский журналист.

Бухарест, по телефону,
20 июня 1962 года.

Дорога ведет в колсельхоз «Чаку».

Все село вышло встречать дорогих гостей.

С гордостью показывали румынские крестьяне свои владения.

Каждый хотел пожать руку высокому советскому гостю.

ЧУДЕСНЫЕ ДНИ

Демостене БОТЕЗ, румынский писатель

Грандиозное историческое событие в жизни румынского народа — завершение коллективизации сельского хозяйства — произошло весной 1962 года — почти на четыре года ранее предусмотренного срока. Это событие явилось прежде всего результатом мудрой политики партии.

Победа одержана не в один день. Вся страна торжественно отпраздновала ее внеочередной сессией Великого Национального Собрания, в работе которой участвовали 11 тысяч приглашенных гостей, большей частью крестьян-коллективистов. Они приняли участие в дискуссиях и в голосовании, одобрившем доклад товарища Георге Георгиу-Деж. Сессия необычного состава подтвердила нерушимую связь партии с народом, стала новым свидетельством любви и безграничного доверия к Рабочей партии.

В пейзаж нашей родины гармонично влились силуэты современных крупных предприятий, доменных печей, гидро- и теплоэлектроцентралей, нефтеперерабатывающих заводов и подъемных кранов многочисленных строек. Они — яркое свидетельство того, что Румыния уже перестала быть только аграрной страной.

«Глубокие революционные преобразования, происшедшие на селе, были осуществлены в условиях непрерывного, равномерного подъема всего народного хозяйства, гармоничного и неуклонного развития всех его отраслей», — сказал в своем докладе товарищ Георге Георгиу-Деж. В машиностроении, производстве электроэнергии и промышленности строительных материалов продукция 1961 года в 12 раз превысила уровень 1938 года, а в химической промышленности — более чем в 14 раз.

Под Галацем есть поле, где этой весной не взошли ни пшеница, ни кукуруза, а выросли фундаменты и стены крупнейшего в Румынии комбината черной металлургии. Много других новостроек украсили нашу землю, на глазах меняется облик наших городов Онешти, Галаца, Ясс, Бакэу, Плоешти, Байя-Маре и других. Теперь во всех этих городах избираются делегаты на Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир в Москве. Нам для строительства социализма нужен мир.

Так же, как мир, нужна нам дружба с великим Советским Союзом. Поэтому румынский народ с огромной радостью узнал о визите в нашу страну Никиты Сергеевича Хрущева, неутомимого борца за коммунизм и мир, верного друга, к которому трудящиеся нашей республики питают самые искренние чувства любви и уважения. Всех цветов нашего цветущего Бухареста не хватит для того, чтобы выразить эти чувства и радость встречи с дорогим гостем. Я слышу, как на станциях, на запруженных народом улицах и площадях раздаются ликующие, идущие из самых глубин народной души возгласы: «Добро пожаловать, дорогой Никита Сергеевич!»

Гляжу вокруг, и я могу сказать,
Не отступив от правды ни на пядь:
Здесь Ленин!

Не только я... Стоусто и стократ
И города и села говорят:
Здесь Ленин!

Вот пионеры песню понесли
За окоем из края в край земли:
Здесь Ленин!

По мостовой столицы командир
Ведет солдат — борцов за вечный мир.
Здесь Ленин!

Идет на стройки молодость страны,
И те два слова явственно слышны:
Здесь Ленин!

Трубой коснувшись туч, гигант-завод
Гудит, шумит и день и ночь поет:
Здесь Ленин!

Иду домой. Замедлив шаг слегка,
Я прохожу у здания ЦК.
Здесь Ленин!

По всей стране, во весь ее простор,
Поет в труде многоголосный хор:
Здесь Ленин!

Михай БЕНЮК

Перевел с румынского Дмитрий СЕДЫХ.

Прославленный коллектив бухарестского машиностроительного завода «Гривица Рошие» горячо встретил

МЫ ГОРДИМСЯ И ВОСХИЩАЕМСЯ ТРУДОЛ

СВОИМ САМООТВЕРЖЕННЫМ ТРУД

Н. С. Хрущева, Г. Георгиу-Деж, И. Г. Маурера, членов советской партийно-правительственной делегации.

ЮБИЕМ РУМЫНСКОГО НАРОДА, КОТОРЫЙ ОМ ДОБИЛСЯ ОГРОМНЫХ УСПЕХОВ

Н. С. Хрущев

КАРЛОВАРСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Участники фестиваля Т. Лаврова (Советский Союз), Т. Хамама (Египет), Я. Горничек (Чехословакия) готовятся отведать торт «Дружба».

Фото Иозефа Скали.

И. ВЕРШИНИНА,

специальный корреспондент «Огонька»

Фестиваль идет полным ходом. Впрочем, слово «идет» никак не может передать его головокружительный ритм. Фестиваль мчится. Впечатления стремительно сменяют друг друга. Звезды! Что ни день, то нарождаются новые. Фильмы! Их проходит по 8—10 в день, включая короткометражные. «Пятнадцать растерзанных мужчин» — называют в шутку членов жюри фестиваля.

Итак, фильмы... Рано еще делать выводы: впереди итальянские, чешские, американские... Впереди вольная трибуна, на которой будут обсуждаться не только достоинства и недостатки картин, но и тенденции, их породившие. Однако уже сейчас можно сказать, что наибольший интерес у публики и среди журналистов вызывает советский фильм «Девять дней одного года»...

Можно говорить о каких-то общих тенденциях фестиваля. Для большинства просмотренных картин характерна не констатация факта, не простое копирование действительности, а раздумье. Большое, серьезное раздумье о фашизме, о войне и мире. «Это не должно повториться,— говорят художники.— Людям нужен мир».

Они думают о будущем. Воспитанию детей посвящают многие из них свои произведения.

О горечи одиночества пятнадцатилетней Джо рассказывает английский фильм «Вкус меда». Известный французский актер Ив Робер выступил как режиссер фильма «Война пуговок»—о непрестанной войне мальчишек двух соседних деревень. В финале мальчишки — «полководцы вражеских армий», отправленные родителями в интернат,— счастливы встрече друг с другом. Им чужда вражда.

Необыкновенно поэтический фильм «Пигалица» — о подвиге девочки — показали вьетнамские кинематографисты...

С большим успехом прошел симпозиум молодой и новой кинематографии. Его официальные участники — 16 стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но и в кинозале на просмотрах фильма симпозиума и на дискуссиях можно было увидеть представителей любой из сорока восьми стран, участвующих в фестивале.

В один из дней заседания симпозиума мы встретились с руководителем вьетнамской делегации И Ваном. Он рассказал:

— До революции наша страна не знала кинематографа. В 1945 году были сняты первые ленты хроники. В стране не было техники, оборудования, лабораторий. Для обработки кинолент нужен был лед. Его можно было привезти только из-за границы. Чтобы лед не растаял в дороге, кинематографисты с пленкой выехали навстречу тем, кто вез лед. Встреча произошла на оккупированной французами территории. Времени нельзя было терять. Попросили у старого крестьянина, жившего здесь, лодку.

— Зачем? — спросил он.

Попытались объяснить. Старик долго не понимал, а потом спросил:

— Кино, это что, новое оружие? Можно из него стрелять по колонизаторам?

— Да,— ответили решительно кинематографисты.

Так были проявлены первые киноленты Вьетнама, ленты о варварстве колонизаторов, так родилось вьетнамское кино, так старый вьетнамский крестьянин сформулировал задачи нашего кинематографа: оружие против колонизаторов, против тех, кто разделил нашу страну, оружие, защищающее народ Вьетнама.

Мы приветствуем организацию симпозиума, мы обменялись здесь волнующими нас мыслями о задачах и путях нашей кинематографии. А это очень важно. Ведь искусство каждой страны зависит не только от национальных традиций, но и от мировых достижений.

Мнение выступавших на симпозиуме хорошо обобщил представитель Индии. Он сравнил кино с атомной энергией, которая может служить на благо человечеству, но может принести ему и большой вред.

В итоге своей работы симпозиум принял декларацию, в которой участники обращаются к кинработникам всех стран мира с призывом своим творчеством служить идеям свободы и человеческого достоинства; бороться за мир и взаимопонимание между народами, против империализма, колониализма и расизма в любом их проявлении.

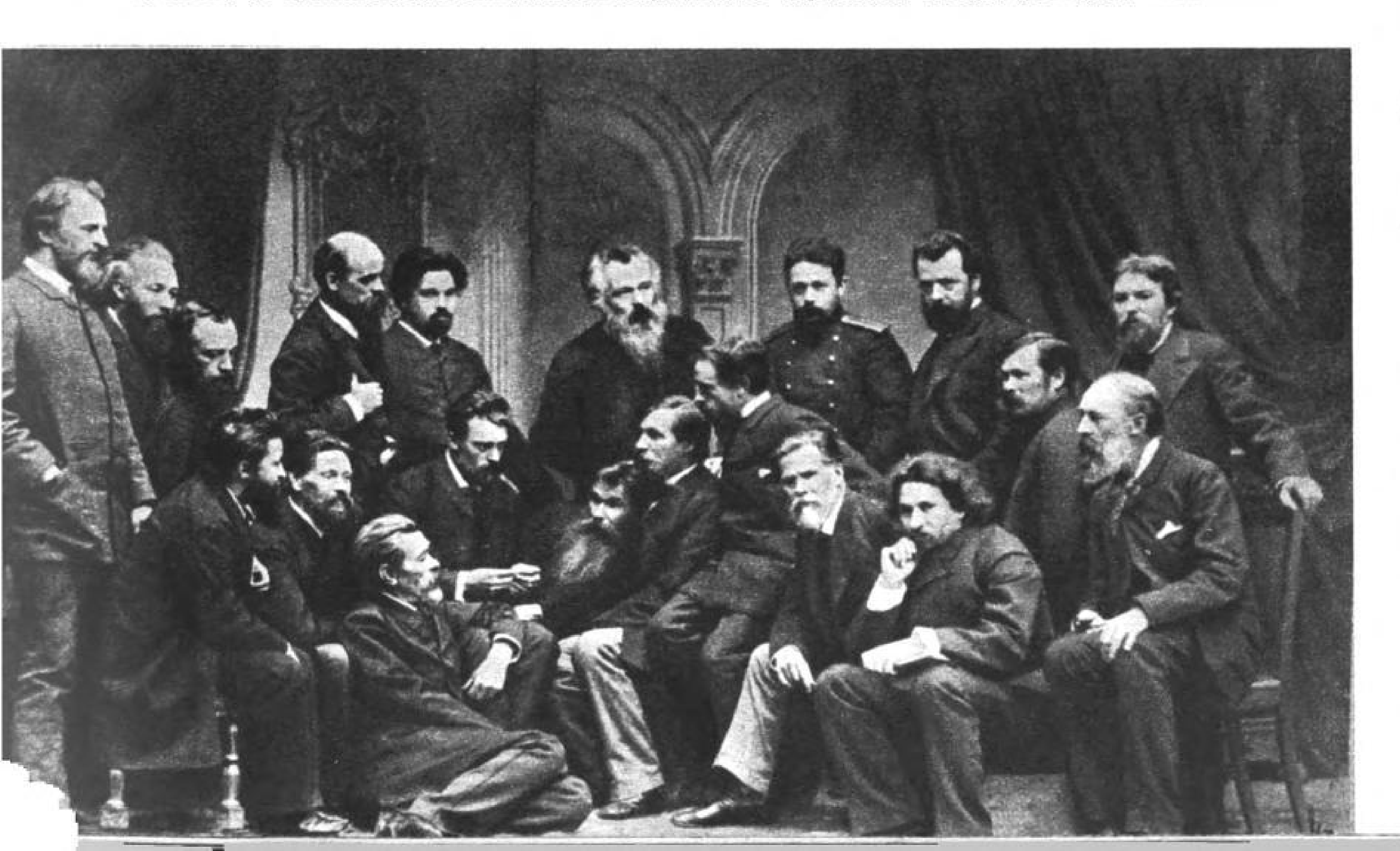
Премиями симпозиума удостоены лучшие фильмы: 1-я премия — вьетнамский фильм «Два солдата»; 2-я — алжирский фильм «Ясмина»; 3-я — кубинский фильм «Холм Ленина».

Особую премию жюри получил аргентинский фильм «Наводнение».

Карловарский международный кинофестиваль стал воротами, через которые молодая кинематография идет в будущее.

90 ЛЕТ НАЗАД

Группа членов Товарищества передвижных художественных выставок. Слева направо: стоят — Г. Мясоедов, К. Савицкий, В. Поленов, Е. Волков, В. Суриков, И. Шишкин, Н. Ярошенко, П. Брюллов, А. Беггров. Сидят: С. Аммосов, А. Киселев, Н. Неврев, В. Маковский, А. Литовченко, И. Прянишников, К. Лемох, И. Крамской, И. Репин, Ивачев (служащий в Правлении Товарищества), Н. Маковский.

Это произошло девяносто лет назад, в весенний день 1872 года. В залах Московского училища живописи, ваяния и зодчества открылась необычайная выставка.

Пожалуй, необычайной ее можно было назвать вдвойне. Это была первая Передвижная художественная выставка в Москве. Незадолго перед тем группа петербургских и московских художников образовала Товарищество со своим уставом. Весьма смелой по тем временам, прогрессивной была руководящая идея этого устава: знакомить с русским искусством самые широкие слои общества.

«Искусство перестает быть секретом,— писал по этому поводу М. Е. Салтыков-Щедрин,— перестает отличать званых от незваных, всех призывает и за всеми признает право судить о свершенных им подвигах».

Поразительным и новым было само направление творческих исканий, тем, принятых художниками, членами молодого Товарищества. Жизнь человеческая во всем ее многообразии, философские раздумья над судьбами родного народа нашли свое великолепное выражение в полотнах передвижников.

Товариществу художников-передвижников суждено было, подобно Могучей кучке в музыке, войти в историю русской культуры, остаться в ней навсегда одной из самых ярких, памятных страниц.

И. Шишкин. СОСНОВЫЙ БОР. 1872.

В. Перов. ОХОТНИКИ НА ПРИВАЛЕ. 1871.

И. Прянишников. ПОРОЖНЯКИ. 1872.

И. Крамской. РУСАЛКИ. На сюжет из повести Н. В. Гоголя «Майская ночь». 1871.

ВЕСЕЛЫМ КУРСОМ

Н. БЫКОВ

Сердце в зените

«Дай погоду, синоптик!»
Летчикам нужен ответ.
Впились в ладони ногти:
«Облачность? Ветер?..»
Нет!

Люди просят погоду...
Как ее дать? Ну как?
Мне б такую работу,
Чтобы все ветры в руках!

К старту вырулят «ИЛы».
Крикну: «Туман, от винта!»
...Дай мне такую силу,
Песенная высота!

Дай мне волю такую,
Стрелку на «ясно» гнать.
Я недаром тоскую:
Грозам еще лютовать...

Ветры!
Новость несите
Весям и городам:
Сердце поэта в зените!
Я вам погоду дам...

Письмо с дороги

Я только что вернулся из степи.
Мы пропылили сотни километров,
Вода аж в радиаторе кипит!
Лицо горит!
От солнца и от ветра.

Что видели в пути?
Поля, поля...
Лежат они, зеленые, до неба.
А в нем орлы столетние парят.

Орел — пират,
царем он сроду не был...
Молчат двужильные карагачи,
Зарылись в серый солонец их корни:
Какие тут для дерева харчи,
А с детства суховеям непокорны!

Как пахнет богородская трава!
Полынь пахуча,
только пахнет горько.
Сел журавлей короткий караван,
От моря дальнего вернулся только...

А я... Я только что вернулся из степи.
Все запахи, цветы со мной.
И люди!
Теперь сиди вот и не спи, не спи,
Пока бумага сердца не остудит.

На Волге

Теперь на Волге весла не в чести:
Моторами обзавелись волжане.
Здесь не умеют мальчики грести,
Как запрягать —
их сверстники в Рязани.

Я попросился в лодку к старику.
Он выгребал, польщенный, на стремнину.
— Ты не гляди, что без мотора,
На бегу
Она полегче.
Разомни-ка спину!

Мы сели рядом, взяли по веслу.
Я за троих глотнул речного ветра.
Вперед! Веселым курсом на весну
По гамме волн
Расхлестанного спектра!..
Был май. Разлив.
Полсвета под водой!
А Волга шла зелеными лесами.
Мы плыли, крон касаясь головой,
И тени ветел за кормой плясали.

Старик ворчал:
— Родился на реке,
А помирать приспело вот на море...
Но окала и пела в старике —
Я ж слышал! —
Гордость
и никак не горе.
— Суши! Устал, чай? Зряшный спорт.
Чем руки рвать,
сюда мотор бы добрый!
Глаза смеялись и кривился рот.

— Испей-ка на,—
достал бутыль из торбы.
Висел слоистый дизельный туман,
Волна в цветастых пятнах поневоле.
Шел книзу лесовозов караван,
А вверх спешила самоходка с солью...

К нам парень подскочил
(мотор частит)
— Что, дед? Заглох?
Ах, вы того, с вожжами...

...Теперь на Волге весла не в чести:
Моторами обзавелись волжане.

Бараки

Не все вам царствовать, бараки!
Забыл вас
ваш фанерный бог.
Обои — сорванные флаги —
Бросает ветер за порог.

Ревут бульдозеры, стараясь
Побольше захватить в заезд.
Все в кучу:
кухни, и сараи,
И скорлупу отхожих мест.

Трещите, пыльные бараки!
А заодно на слом,
на слом
Разлад,
уродливые браки
И драки с хмелем за столом.

И сор барачных сот —
за горло,
Клопам и копоти капут!
Приходит город к нам за город,
Цветов и кафеля уют...

Рисунки Н. Гордейчина.

На сельских подмостках

Николай ПЕРЕВАЛОВ

На сельских подмостках
сосновые доски.
На сельских подмостках
девчонка поет,
и голос, еще не окрепший,
не броский,
то дрогнет, то тихо замрет.

И смотрит она,
как тревожная птица:
наверно, мурашки
бегут по спине...
Мечтает взлететь
и, конечно, боится.
А песня растет в тишине.

Права эта песня,
все меньше робея
на крыльях мечты
восемнадцати лет,

Ах, будьте сегодня
как можно добрее
вы, добрые люди, в ответ!

Но мне ли учить вас?
В заполненном зале
улыбки, улыбки —
им нету цены.
Мы в жизни и сами
вот так начинали,
всеобщей заботой сильны.
И громко, ладоней
своих не жалея,
я первым взрываю секундную
тишь.
С такими друзьями —
смелее, смелее! —
коль очень захочешь, взлетишь!

Новосибирск.

С А

1

Туман работает. Ветер и дождь — тоже; трава, деревья и камни... И море, конечно.

Володька стоял у обрыва в траве и смотрел вниз, на круглую чашу бухты. Туман вливался в узкое жерло между скал, устилал воду, слизывал сейнеры и катера у пристани. Он подобрался к стенам рыбокомбината, языками полез на крышу. На той стороне бухты, на сопках, черные лиственницы бежали сквозь белую мглу. Кажется, они хотели спрятаться.

На этом маленьком острове работают туман, ветер и море. И еще камни. Везде их работа.

А человек? Он борется. С морем, ветром и туманом. Борется машинами этого рыбокомбината, домами поселка, а главное — катерами и сейнерами.

Это Шикотан. Когда-то бородатые айны[1] назвали остров «лучшее место».

Вчера Володька Букин приехал сюда, переночевал в общежитии, утром его отвели на «РС-505» и показали капитану Никанорову. Коротким, цепким взглядом окинув Володьку, как бы прицененившись к нему, капитан сказал: «Попытаем...» — и ушел, горбясь, заложив за спину руки и сразу, наверное, позабыв о новичке.

Боцман — маленький, красный и очень быстрый человек — показал в кубрике койку на втором этаже, предупредил, что на Володьку заказан ужин, и, куда-то торопясь, спросил: «Не куришь?» Володька не успел ответить. «А насчет девочек как? — и, не обратив внимания на жаркое смущение новичка, сообщил: — У нас строго по этой части, никаких флиртов. Один, правда, приволокнулся за Верочкой, да неудачно: повариха Мария такую затрещину отвесила, что твоя первая перчатка». Боцман ушел, и уже откуда-то с кормы донесся его голос: «До вечера ты свободен!» На сейнере почти никого не было, и Володька осторожно, глядя под ноги, сбежал по трапу на пристань...

Туман съел дома, проглотил крышу рыбокомбината, приглушил лязг вагонеток и скрежет транспортеров. Внизу на катерах зажгли огни, стали чаще завывать сирены. И только черные лиственницы на той стороне бухты все бежали куда-то, вытянув вперед длинные страшные руки.

Туман работает. Он враг. С ним борются люди. С ним будет бороться Володька Букин. А море? Его Володька не знает. А камни?..

Шикотан — лучшее место.

Неужели только для айнов?

2

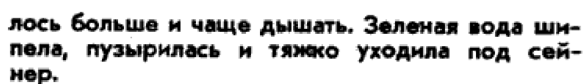
«РС-505» вышел из кратера вулкана. Да, из кратера, только вулкан этот тысячу лет назад опустился в океан, и в кратер налилась вода. Родилась бухта — глубокая, лазурная.

Позади отдалялись, врастали в туман и мертвую зыбь черные камни и зеленые сопки Шикотана. Уходили твердые мысли и привычки, уходила земная уверенность. Неустойчивость, зыбкость, туманность надвигались из тревожной огромности океана.

Сайру ловят ночью. Сколько еще до ночи?.. В море много света, оно неохотно темнеет.

А зыбь — вот она, мертвая, ровная, холодная. Сейнер качался, как люлька на веревках. Кажется, он висел над водой, плыл по зыбкому ветру. И в железной чаше судна плыл, колыхался вязкий, сладкий запах рыбы, подпаренной дневным солнцем.

Володька стоял у рубки, схватившись за холодную скобу трапа, глотал пресную, заливающую рот слюну, глотал воздух. У него болело в груди — воздух распирал ее, но хотелось больше и чаще дышать. Зеленая вода шипела, пузырилась и тяжко уходила под сейнер.

Он спал стоя, раскачиваясь и держась за холодную скобу. Это был бред — бесконечный, горячечный. Когда-то давно у Володьки была горячка и так же все плыло, смещалось, вставало на дыбы и проваливалось. Так же душила его неодолимая слабость.

Потом ослепил свет. Рыбаки стали перебирать сеть. Володька оторвал от скобы руку, подошел к ним и взялся за нижний подбор невода. Он не знал, что делать, и ему никто ничего не говорил. Его, может быть, не видели. А когда сеть, корябая ему руки, сильно пошла за борт, он отпрянул назад, не удержался и сел на мокрую палубу.

Одуряюще горел свет.

Кто-то склонился над ним — Володька вдохнул сильный запах табака и услышал голос боцмана: «Марш в кубрик!» Кто-то взял его под руку, повел, приговаривая:

— Это ничего. Это со всеми случается. Морская болезнь. Море, оно не сразу принимает...

Всю ночь его качало, изнуряло, несло море...

Утром сейнер мертво стоял в бухте-кратере. Дико кричали чайки. Володька долго умывался, лил на голову воду, терся жестким солоноватым полотенцем и больше всего боялся попасть на глаза хмурой поварихе Марии и дневальной Верочке — тоже десятикласснице и новенькой на сейнере.

Он ушел на корму и сел на мокрый от росы кнехт. Сопки, чистые и зеленые, мокрые от туманов, отсвечивали зеркалами, на них больно было смотреть. Сырое, холодное, соленое утро поднималось из океана. Черные лиственницы на камнях косыми крестами качались в воде. «Швейцария и только!» — вспомнил Володька слова писателя, побывавшего на Шикотане,— писатель выступал перед добровольцами сайровой путины в Южном — и подумал: «Вот именно «и только!» Не видел, что ли, этих крестов или тумана не нюхал...»

Послышались шаги, кто-то остановился рядом. Володька поднял голову и по маленькому белому фартуку узнал Верочку.

— А я вас искала, искала... Пойдемте завтракать. Так нельзя,— сказала она.

Володька не глянул ей в лицо — он не знал, какое оно у нее, видел Верочку только издали, — неуклюже пошел впереди.

В кают-компании ребята «забивали козла», читали газеты. Горланило радио. На столе стоял завтрак: кусок белого хлеба с маслом, три жареные сайры, кружка горячего черного чая. Володьку не трогали. Он прислушивался к голосам, и когда заговорил радист, бритоголовый, медлительный парень, Володька отметил: «Это он помог ночью спуститься в кубрик».

Часа через два сейнер причалил к пирсу. Боцман пробежал с горячим, красным лицом, объявил аврал — стали выгружать рыбу.

Володька работал, как зверь, насыпал сайру в ящики, бросал ящики на транспортер, без устали нагибался и разгибался. Пот заливал ему глаза, тек по щекам и попадал на губы.

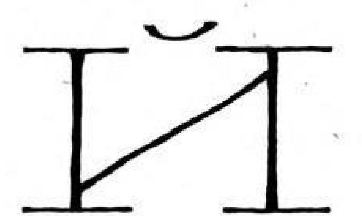
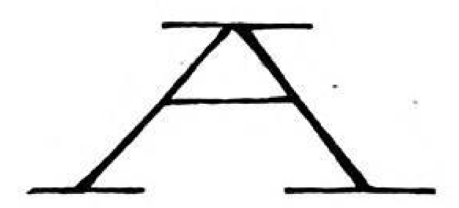
Бывалый «мореман» Петр подшучивал над ним, подбадривал. Пользуясь усердием новичка, курил папиросы. Володька молчал. Не сказал он ни слова, когда Петр поднял на его спине мокрую рубашку и вдунул под нее облако дыма.

Мимо прошел капитан, взглядом усмирил Петра, а Володьке буркнул:

— Брось жилы рвать, Букин.

Боцман отозвал Володьку, повел на корму, сказал:

[1] Айны — народность, населявшая Южный Сахалин и Курильские острова. Сейчас небольшое количество айнов живет лишь на Хоккайдо.

Рассказ

Анатолий ТКАЧЕНКО

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

— Поучись узлы вязать. Бери концы...

Узлы вязать — нелегкое дело, да еще когда руки трясутся, как у пьяницы. Боцман понаблюдал, посопел папиросой и заторопился, проговорив:

— Тренируйсь.

У самого борта шлепнулась в воду чайка, выхватила крошечную рыбешку, качнулась, пугливо глянула на Володьку круглым глазом и побежала по воде, шлепая крыльями. С ее желтых широких лап соскользнули острые капли.

Володька разделся и нырнул в замазученную воду. Плавал он легко, красиво.

На него долго смотрели повариха Мария и дневальная Верочка.

3

На «РС-505» пришел новичок. Это не событие. Не событие и в отделе кадров, где осталась его биография. Она вместилась на одном листке и написана нескладно, первый раз в жизни:

«Я, Букин Владимир Иванович, родился в 1945 году в деревне Алексеевке, Саратовской области. В семье колхозника. После войны отец по вербовке переехал на Сахалин. Стал работать в совхозе полеводом. Мать всегда была доярка. В прошлом году надоила по 4 500 литров молока от каждой коровы. Ее избрали депутатом районного Совета. Здесь у нас в семье родились две моих сестренки — Маша и Надя. Маша уже учится в 5-м классе. Я окончил 10 кл., одно лето работал в совхозе. Учился на тракториста. Потом прочитал в газете, что комсомольцы едут на Шикотан, на сайровую путину. Решил ехать. Моря не знаю, только купаться приходилось. Думаю, будет трудно, но справлюсь. Родители согласны на мой отъезд.

В. Букин».

Внизу написано:

«Прошу направить на действующее рыболовное судно. Хочу стать рыбаком».

На «РС-505» пришел новичок. Володька Букин. Это — событие для него.

4

Сейнер ходко шел, с шумом отдувался, натыкаясь на высокие буруны. От машины пахло горячим мазутом, от воды — йодом. Над облепленной чешуей палубой парили рыбные запахи.

Володька привалился спиной к мягкой бухте каната и стал смотреть на черные камни Шикотана. Второй раз они уходили на его глазах в воду, и над ними росло, громоздилось море. Сквозь жидкий невод облаков синей блесткой мчалась острая звезда. Первая звезда августа — месяца тишины и ясности на Курилах.

Володька готовился к этой ночи. Весь день много ел, хорошо спал. И теперь ему хотелось подойти к кому-нибудь и сказать: «Знаешь, вчера меня голова подвела, от простуды, наверно. Вот сегодня...»

Но ребята еще спали. Только рулевой в рубке перекатывал с руки на руку штурвальное колесо, да боцман, ловко орудуя иглицей, похожей на желтую плоскую рыбку, чинил последнюю дыру в неводе.

Подойти к нему Володька не мог: смелости не хватало. Боцман обязательно глянет так быстро и едко, будто спросит с усмешкой: «А что ты, браток, умеешь делать?» Или скажет: «Ну-ка, завяжи шкотовый». Володька станет вязать шкотовый узел и запутается. Выбленочный, беседочный он завяжет, а шкотовый... Володька с первого раза не смог его завязать. Боцман вздохнет и заключит назидательно: «Всякий моряк с узла начинается».

Сгущались, холодали сумерки. В радиорубку прошел бритоголовый радист. Зашипел микрофон — начался капитанский час. Грубоватый голос флагмана окликал «единицы». Долго звал 860-й, а когда тот «вышел на связь», прочитал ему длинную нотацию за невнимательность. Через минуту послышалось:

— 505-й, доложите обстановку.

Никаноров сипло, кажется, недовольно проговорил в микрофон:

— Вышли в район лова. Приступаем к поиску.

И тут же с мостика сейнера резанул море прожектор. Синее острие света с густой моросью водяной пыли прошлось по левому борту, пощупало волны впереди, перевалило на правый борт.

Начался поиск сайры.

Володька пробрался к правому, рабочему борту — вытянутый во всю длину, здесь лежал невод, остро пахнущий рыбой, — стал вглядываться в синее пятно прожектора на воде. На палубе черными силуэтами, кто где, застыли рыбаки. У входа в кубрик белела маленькая фигурка дневальной Верочки. Вспомнился разговор с боцманом, его слова: «У нас на судне никаких флиртов». Володьке хотелось угадать Верочкиного ухажера, и он загадал: «Кто окликнет ее...»

Верочку окликнул Петр — здоровенный парень с тяжелыми конопатыми ручищами, с якорем и синими буквами «ТФ» на рыжей волосатой груди. Даже когда он надевал рубашку, волосы выбивались поверх воротника. Петр служил в торговом флоте, бывал за границей, а теперь рыбачил на «презренной фелюге».

— Ловись, рыбка, большая и маленькая! — сказала Верочка, засмеялась и сбежала по трапу в кубрик.

Ей надо спать, чтобы вовремя приготовить завтрак. Об улове она узнает утром, когда сейнер затихнет, и только под руками рулевого будет натруженно покряхтывать штурвальное колесо.

Прожектор остро резал тьму, под бортами прокатывалась вода. Поодаль, слева и справа, полыхали прожекторы других сейнеров. Казалось, длинными огненными руками они прощупывали тревожные волны. Вот на одном, счастливом, вспыхнули синие люстры, и он, колыхаясь, лег в дрейф: там наткнулись на косяк сайры.

«РС-505» нетерпеливее, проворнее менял курсы. Рыбаки молча поворачивали головы за лучом прожектора, и только на мостике, выдавая общее напряжение, слышался задышливый от азарта голос капитана:

— Так, так держать, говорю...

У Володьки кружится голова от сырого ветра, колыхания палубы и шипения воды. Но сегодня другое дело. Сегодня сердце его упрямо бьется под холодной, обдуваемой ветром рубашкой. Он просто волнуется так, что холодеют руки. Ему первому хочется увидеть «фосфор». И когда в дымном, курящемся на воде свете прожектора заметались голубые, словно высеченные кремнем искры, Володька крикнул вместе со всеми:

— Сайра!

Звякнул звонок, послушно приглох мотор, и по левому борту на бамбуковых выстрелах вспыхнули пять люстр — синие лампы под жестяными колпаками.

На волны упал свет, они стали прозрачными и глубокими. Минута, другая... В зеленой легкой воде наискось проплывали равнодушные медузы, кальмары и звезды. И вот откуда-то со стороны, из тьмы, брызнула стайка длинных голубых рыбешек. Трепеща, прижимаясь к железному борту судна, они понеслись за светом. Казалось, они долго искали этот свет и дико рады, что нашли его, и главное теперь — не отстать, не упустить свет, как безумное, ослепительное счастье.

Из тьмы бросались на свет большие и маленькие стаи, сгущались, пенили воду. Рыбешки выпрыгивали, взблескивали белыми животами, звонко чмокали, остро резали волны. Косяк уплотнялся, рос в глубину и кипел в огромном котле света между бортом судна и краями люстр. Странно и жутко было смотреть на это необъяснимое буйство.

Боцман скомандовал:

— Невод!

Володька испугался его голоса, схватил край бамбуковой связки, к которой крепилась частая капроновая дель, перевалил ее за борт. Всплеснула вода — длинные бамбуковые жерди желто заплясали на волнах; шестами оттолкнули их от борта. Невод-ловушка вытянулся в глубину.

Слева, под светом, билась сайра, справа колыхался в темной воде невод. Слева погас свет, справа вспыхнули над неводом люстры. Рыба всем косяком перешла к свету и оказалась между сетью и бортом. Погасли синие люстры, и загорелась одна — круглая, с красными лампами.

Неведомая сила сгустила, сбила косяк в один огромный, колючий, клокочущий ком. В красном сумеречном свете рыбешки бесновались в сумасшедшем танце — бились друг о друга, лезли вверх, выпрыгивали к лампам.

Запела лебедка, нижний край невода невидимо примкнул к борту. Сайра оказалась в мешке. Припав к борту, красные под красным светом, рыбаки проворно принялись выбирать сеть. Володька не успевал, торопился, путался, вода ручьями стекала по его комбинезону и сапогам, глаза щемило от соленых брызг. Прибежал радист, стал рядом — и Володькин край невода будто сам полез на борт. В бритую голову радиста хлестко били брызги, он увертывался от них, улыбался, говорил:

— Это ничего. Это со всеми случается. Море, оно не сразу принимает.

Косяк сайры висел в неводе у борта, сочился водой, и только высокие волны лизали его снизу. В скользкую белую кипень нырнул сачок-каплёр, направленный большой рукой боцмана. Тупо поворочавшись, каплёр, выдернутый лебедкой, рассыпал на мокрую деревянную палубу живой, мерцающий блеск.

Сейнер шипел бурунами, глазом прожектора полосовал ночь.

5

На «РС-505» пришел новичок. Это не событие. Новички приходят и уходят. Их забывают.

Верочка варила кашу, жарила сайру, мыла чашки и ложки, слушала длинные рассказы Марии про ее детей, про мужа, который рыбачил на другом судне — семейных не определяют на одно судно,— и думала о новичке. Ему ведь не кашу варить. Ему бы друга. А она — что? Она может только накормить. Она кладет ему в борщ пожирнее кусок мяса, с верхом наливает в кружку компота...

Верочка хочет помочь новичку. Наверное, потому, что и ее биография, оставленная в отделе кадров, вместилась на одном листке: «Я, Иванова Вера Ивановна, родилась на Сахалине, в селе Хоэ, в 1945 году. Отец был рыбаком. С фронта вернулся инвалидом. Стал работать счетоводом. Когда выгнали японцев с Сахалина, мы переехали в гор. Южный. Здесь отец поступил домоуправом. Стал пить много водки. Говорит, от контузии. Жили плохо. Потом пошел работать на завод старший брат, Николай, потом я кончила 10 кл. и попросилась в пошивочную. Маме стало легче— у нее теперь братишка и сестренка. Мы с Николаем помогаем. Отец совсем больной, просит деньги. Дашь — все пропивает. Как я ненавижу войну! На Шикотан приехала добровольно, по комсомольскому призыву. Хочу поработать, посмотреть. Моря не испугаюсь — ведь мой отец рыбак. Потом поступлю в институт, пока не знаю, в какой.

В. Иванова».

Верочку обласкала Мария, научила варить борщ и жарить рыбу, дала для работы свои старые платья, из своей большой пуховой подушки сделала две и одну подарила Верочке. Мария редко видит своих детей, и Верочке немножко стыдно — за что ей столько ласки? Она же не ребенок, она получила свое от матери. А дети Марии... Как они живут с бабушкой?

Мужчины трудно сходятся. Долго испытывают друг друга. Мужчины бывают жесткими. Может, поэтому они умеют дружить?..

А у Верочки много нежности. Ей неспокойно, если кому-нибудь рядом трудно.

Она хочет помочь новичку.

6

Кто мерил ночь не на часы, а на выдержку, на свои мускулы, тот знает, что она бывает очень длинной. Ночь — как жизнь. Ни один день не сравнится с ней.

Володька прислонился горячей спиной к рубке и, покачиваясь, закрыл глаза. Тело остывало, сжималось и, казалось, вытесняло усталость. И все же кружилась голова, ватная, теплая слабость нудно ворочалась в животе. Володька боялся сесть: сон сразу расправится с ним, и потом, когда загремит звонок, не хватит сил подняться на ноги.

— Скис? — Володька узнал по голосу Петра.— Или о Верочке замечтался?

Володька открыл глаза, увидел волосатую потную грудь с чуть приметным якорем и буквами «ТФ».

— Об ней не думай,— говорил Петр, шумно раскуривая папиросу.— Не нам чета. Стаж зарабатывает — и в институт. Однако и женишок у нее имеется. Парень грамотный, как я, и боксер к тому же... Не советую. А потом эта карга ее оберегает.

Петр придвинулся, прямо в лицо засмеялся.

— Не обижайся. Я шучу. Так, знаешь, заведено на судах — всем за одной бабой волочиться. Тебе-то куда... Палуба, небось, на голову валится.

Пахнуло едким запахом водки, табака, пота. Володьке вспомнилась толстая баба — приемщица рыбы на пирсе, ее слова: «Я люблю, чтоб от мужчины мужественно пахло». Володька подумал: «Наверное, это и есть мужественный запах»,— но на всякий случай сказал Петру:

— От вас пахнет, капитану не попадайтесь...

Пётр приблизил свое широкое лицо, проговорил:

— Учись меньше замечать...

Он ушел, а Володьке стало обидно: за что Петр рассердился на него? И почему Верочка «не нам чета»?.. А тут еще качает, так качает — нежно, мягко, глубоко. Вот бы уснуть! Но спать Володьке нельзя: ему надо все видеть, все пережить. Хорошо бы радиста найти, услышать, как он скажет: «Это со всеми случается...»

В кают-компании на жестких диванчиках и просто на полу дремлют рыбаки; на крыле мостика поскрипывают сапоги капитана. В темной штурманской трудятся приборы: водит пером по розовой ленте эхолот — щупает глубины; бегает по круглому экрану голубой быстрый лучик радара — рисует силуэты судов, черный контур берега; трепетно указывает север стрелка компаса... И вокруг живет движется, говорит море.

Проснулся звонок. Вспыхнули люстры.

Володька подошел к борту. Прохлада поднималась от воды, из ее легкой зеленой глубины — там снова собиралась, играла и гналась за одуряющим светом юркая сайра.

Быстро приготовили и сбросили на воду невод. Перевели бурлящий котел рыбы на правый борт. Под красным, тревожным светом краснолицые рыбаки стали плечом к плечу. Красными руками выбирали красную сеть, и красная рыба окатывала их огненными брызгами.

Володька стал рядом с Петром. Решил не отходить от него ни на шаг: лучше упасть и умереть, чем показаться Петру щенком. Пусть ломаются ногти, пусть жжет острая дель ладони, пусть заливает глаза пот...

Невод-ловушку оторвали от воды, и в него окунулась деревянная рука каплера. Сетчатая ладонь пудовыми пригоршнями хватала живое месиво сайры и рассыпала по палубе. Свежее облако йода поднялось со дна моря, повисло над сейнером.

Злость помогла устоять. Злость на Петра. И Петр, удивленно посмотрев на Володьку, принялся раскуривать папиросу, сопя в свои натруженные, непослушные руки.

Петр ничего не сказал. А Володька сказал ему, только про себя и только одно слово: «Спасибо».

Снова звонок.

Опустили сеть, начали переводить сайру на рабочий борт. И тут соседний сейнер подошел так близко и так ярко ударил по воде своим прожектором, что косяк, испуганный, брызнул во все стороны и рассеялся. Голубые вспышки, зажигая волны, пошли за прожектором — часть рыбы ушла к соседу.

— Эх, что делает, стервец! — выругался на мостике капитан.— Из-под носа выхватил! — И крикнул прожектористу: — Освети ему рыбку, засеки номер!

Замет пропал.

Еще час метался «РС-505» по черной шумливой воде. А потом мутной синью пробилась на востоке заря, отделила небо от моря. Прожекторы ослабли, посерели.

Володька сполз в кубрик, тяжелыми руками нащупал свою койку, лег и провалился в сон.

7

Рыбаки спали. В кубрике было сумрачно и душно. Володька ощупью пробрался на палубу.

Сейнер, поводя железным носом, гулко, с радостью разбивал слепящие волны. Справа, где-то далеко, у самого мерцающего горизонта, корчились в теплом мареве белые японские шхуны — они тоже ловили сайру и теперь торопились домой, к полуострову Немуро. А прямо впереди росли из воды, вставали навстречу черные камни и зеленые сопки Шикотана — теплой, туманной земли, названной айнами «лучшим местом».

Капитан, сгорбившись, сидел у борта, курил, сонно щурился на воду. Увидев Володьку, сказал:

— Ну как, Букин?..— Окинул взглядом, видимо, остался доволен, с хрипом вздохнул: — А мы утром на такой косяк наткнулись — сейнер увяз. Включили люстры — куда там! — свет с неба так поливает, что наших фонариков и не видно. Ушла рыбка. А у меня вот, наверно, борода поседела. И не спится...— Он потер ладонью небритый, шуршащий подбородок, с тоской глянул Володьке в глаза.— Старею, парень. Все Каспий вспоминается, во сне снится... Скоро, наверно, на удочку перейду...

Володька подумал: далеко на западе есть море — Каспий. Там когда-то давно стал рыбаком капитан Никаноров. Какой этот Каспий? Пожалуй, голубой, тихий. Вода пресная, волны нежные... Ведь это — большое озеро. Разве можно помнить и грустить об озере здесь, на океане? Наверно, можно, не совсем твердо решил Володька и пошел на корму, радуясь своей устойчивости и усталости.

Из камбуза сочно пахло жареной сайрой.

Володька сел на мягкую, пахнущую дегтем бухту каната и стал смотреть, как быстрые струи, выброшенные винтом, широкими пенными усами расходились в стороны, слабели и терялись в гладких выгибах зыби. В кильватер 505-му шел другой сейнер, а между ними густо набились чайки — какая-то мелкая рыбешка играла в потревоженной воде.

Подошла Верочка с пылающим от камбузного огня лицом. Она спрятала под фартук свои красные руки, сказала:

— Пойдемте кушать.

Она стояла, покусывая губы, мучительно хмурилась, будто что-то вспоминая. Она была похожа на всех десятиклассниц, на Володькину сестру, у нее робко, чуть заметно были подкрашены брови. Она быстро заговорила, наклоняясь к Володьке:

— Вам скучно. И трудно... Мужчины всегда такие — сначала испытывают. Это неправильно... Они хорошие, только... слов боятся. Две ночи — это еще для них мало. Потерпите...

Верочка тронула Володькино плечо и ушла.

Красной люстрой поднималось в остывшее небо солнце. В огромном котле океана под ним кипела непойманная рыба.

Володьке хотелось что-нибудь сделать, сейчас, в эту минуту, чтобы не упустить радость, чтобы проверить себя. Он взял в руки концы гибкого, пахнущего дегтем каната, не торопясь, скрестил их и завязал узел — шкотовый, крепкий, морской...

Свидетель славы

В Ленинграде, в Центральном военно-морском музее, хранится георгиевское знамя гвардейского экипажа — единственная боевая награда морякам за участие в Отечественной войне 1812 года и кампаниях 1813—1814 годов.

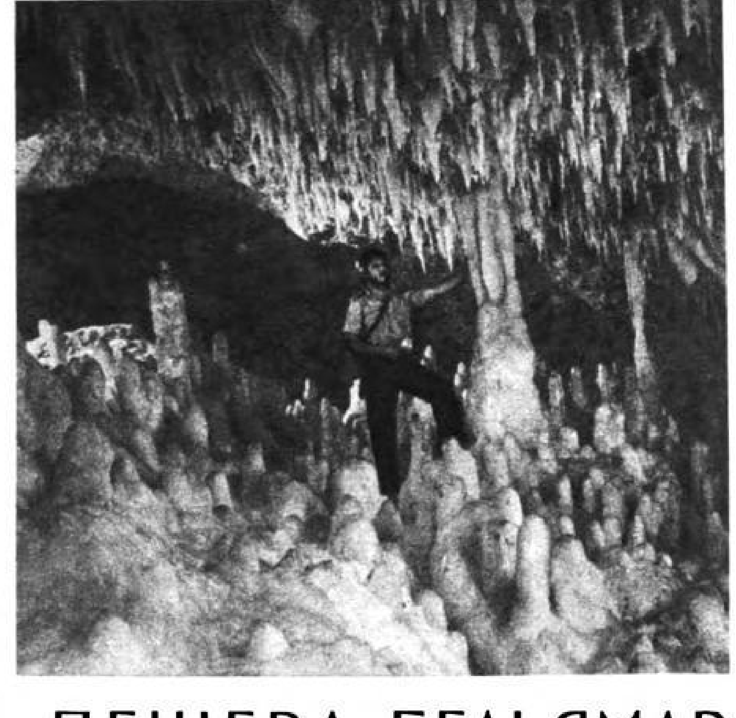
Гвардейский экипаж сражался в боях под Бородином, Бауценом, Кульмом, Лейпцигом и Парижем. Но особенно он отличился при Кульме 17 августа 1813 года. За это сражение экипажу в 1814 году было вручено георгиевское знамя с надписью: «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Кульме».

Это знамя находилось в строю 96 лет. С ним матросы и офицеры гвардейского экипажа выступали против самодержавия 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, участвовали в войне с Турцией (1828—1829), дрались с англо-французскими морскими силами при защите крепости Кронштадт, освобождали славянские народы от турецкого ига.

Матросы гвардейского экипажа участвовали в свержении самодержавия в февральские дни 1917 года и в Октябрьской социалистической революции.

Н. МЕЗЕНЦЕВ, научный сотрудник Центрального военно-морского музея

Пугачев и медаль Елизаветы

В годы Семилетней войны императрица Елизавета учредила специальную медаль для награждения русских воинов, отличившихся в сражении против армии прусского короля Фридриха. На лицевой стороне медали, выбитой из серебра, изображена в профиль императрица Елизавета, на оборотной стороне — воин, переходящий через Одер, с копьем в правой руке и российским знаменем в левой.

Пятнадцать лет спустя елизаветинскими медалями отмечались подвиги иного рода. В августе 1774 года один из повстанческих отрядов Е. И. Пугачева захватил в числе других трофеев несколько таких медалей. Пугачев награждал ими донских казаков и старшин, перешедших на сторону восставших. Захваченный царскими войсками казак Березовской станицы Иван Мелехов рассказывал на допросе, что Пугачев, пригласив его в свою палатку, «подал ему из своих рук лежавшую во оной на ленте серебряную медаль позолоченную из жалованных в Пруссии за Франкфуртскую и Пальцигскую баталии, сказывая, что «жалует тебе бог и государь», и чтоб он служил ему верно».

Но Пугачев ввел и свои наградные знаки. Мастера из Алатыря изготовили по его заказу серебряные медали с портретом Петра III, под именем которого выступал Пугачев. Этими медалями Пугачев награждал своих ближайших боевых соратников. По его словам, он роздал всего лишь около 20 медалей. До наших дней они не сохранились.

Р. ОВЧИННИКОВ

ПЕЩЕРА БЕЛЬЯМАР

Это случилось на Кубе весной 1861 года. Один из рабочих каменоломни Бельямар, которая находилась около города Матансас, пытался ломом сдвинуть большой камень. Внезапно лом выскользнул у него из рук и исчез в земле. Рабочий испугался и закричал. На зов сбежались люди.

— Это, может быть, вход в ад,— говорили собравшиеся.

Владелец каменоломни Мигель Сантос Паргас и несколько смельчаков решили исследовать провал. Мигель Сантос по веревочной лестнице спустился вниз. Так была открыта пещера Бельямар, одна из самых примечательных на земном шаре. Особенно красив ее подземный зал «Озеро георгин». Такое название он получил потому, что его стены сплошь покрыты кристаллическими образованиями, напоминающими георгины. Через прозрачную воду на дне озера видны хрустальные «лилии».

Великолепен и «Снежный салон». Блестящие, будто из алебастра, колонны упираются в высокий свод, с которого громадными сосульками свешиваются сталактиты. С пола поднимаются сталагмиты. Стены испещрены натеками, похожими на живые цветы. Вокруг все ослепительно бело.

В конце прошлого века испанцы, владевшие островом, завалили вход в пещеру, подозревая, что в ней укрываются повстанцы.

Только в 1961 году, сто лет спустя после открытия пещеры, приступили к ее тщательному обследованию. В одном из подземных залов обнаружены кости доисторических млекопитающих. Это наводит на мысль, что в очень давние времена в результате сдвигов земной коры вход в пещеру закрылся. А Мигель Сантос открыл новый вход. Остатки морских ежей, раковин, говорят о том, что в пещеру проникала морская вода. И сейчас в отдаленных галереях вода иногда бывает немного солоноватой.

Общая длина исследованных галерей пещеры — 2 364 метра.

С. КУХАРЕНКО

Как ловят слонов

Д. БЕНЕРАГАМА, цейлонский писатель

Многие из вас видели слона: одни — в зоопарке, другие — в цирке. Но я уверен, что только счастливцы видели это животное на его родине. Обычно слоны живут стадами. Правда, попадаются и одиночки. Их обычно называют «проказниками». Это бешеные животные. Они сметают все на своем пути.

Ловят слонов двумя способами: загоняют в специально огражденные места, называемые краалями, или же с помощью лассо.

В лесу строится большой загон со входом. Слоны загоняются в ловушку барабанным боем, огнями пылающих факелов и криками охотников.

А вот ловля с помощью лассо. Обычно ночью несколько охотников с веревками, сплетенными из сырой кожи, располагаются в засаде вдоль дороги, ведущей к водоему или озеру. Охота начинается по возвращении слонов с водопоя. Зажженные факелы из сухих листьев и стук барабана приводят животных в замешательство. Охотники выбирают одну из жертв и, держась позади нее, с молниеносной быстротой набрасывают лассо на задние ноги. Свободный конец веревки быстро наматывают вокруг ствола большого дерева. Слон продолжает бежать, но вот лассо натянулось — внезапный рывок, и слон падает. Охотники набрасывают лассо на передние ноги и связывают их.

Обычный период дрессировки взрослого слона продолжается от трех до шести месяцев. Наиболее легко поддаются приручению молодые животные.

Перевел Ю. Крайний.

БЫ...

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Один раз я сидел, сидел и ни с того ни с сего вдруг такое надумал, что даже сам удивился. Я надумал, что вот как хорошо было бы, если бы все вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главные и взрослые должны были их во всем слушаться. В общем, чтобы взрослые были, как дети, а дети, как взрослые. Вот это было бы замечательно, очень бы было интересно.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и командую ею, как хочу, да и папе, небось, тоже бы это «понравилось», а о бабушке и говорить нечего: она бы, наверно, целые дни от меня ревела. Что и говорить, я бы им показал, почем фунт лиха, все бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

— Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот еще новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа! Вылитый Кащей! Ешь сейчас же, тебе говорят!

И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только давал команду:

— Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась! Все решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!

И тут вошел бы папа после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

— Ага, явился! Вечно тебя надо ждать! Мой руки сейчас же! Как следует, как следует мой, нечего грязь размазывать! После тебя на полотенце страшно смотреть. Щеткой три и не жалей мыла. Ну-ка, покажи ногти! Это ужас, а не ногти. Это просто когти! Где ножницы? Не дергайся! Ни с каким мясом я не режу, а стригу очень осторожно. Не хлюпай носом, ты не девчонка... Вот так. Теперь садись к столу.

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

— Ну, как поживаешь?

А она бы сказала тоже тихонько:

— Ничего, спасибо!

А я бы немедленно:

— Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь. Золотое правило! Папа! Положи сейчас же газету, наказанье ты мое!

И они сидели бы у меня как шелковые, а уж когда бы пришла бабушка, я бы прищурился, всплеснул бы руками и заголосил:

— Папа! Мама! Полюбуйтесь-ка на нашу бабуленьку! Каков вид! Грудь распахнута, шапка на затылке! Щеки красные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать. Признавайся, опять в хоккей гоняла? А что это за грязная палка? Ты зачем ее в дом приволокла? Что? Это клюшка? Убери ее сейчас же с моих глаз.

Тут я бы прошелся по комнате и сказал бы им всем троим:

— После обеда все садитесь за уроки, а я в кино пойду!

Конечно, они бы сейчас же заныли, захныкали:

— И мы с тобой! И мы тоже! Хотим в кино!

А я бы им:

— Ничего, ничего! Вчера ходили на день рождения, в воскресенье я вас в цирк возил! Ишь! Понравилось развлекаться каждый день. Дома сидите! Нате вам, вот тридцать копеек на мороженое — и все!

Тогда бы бабушка взмолилась:

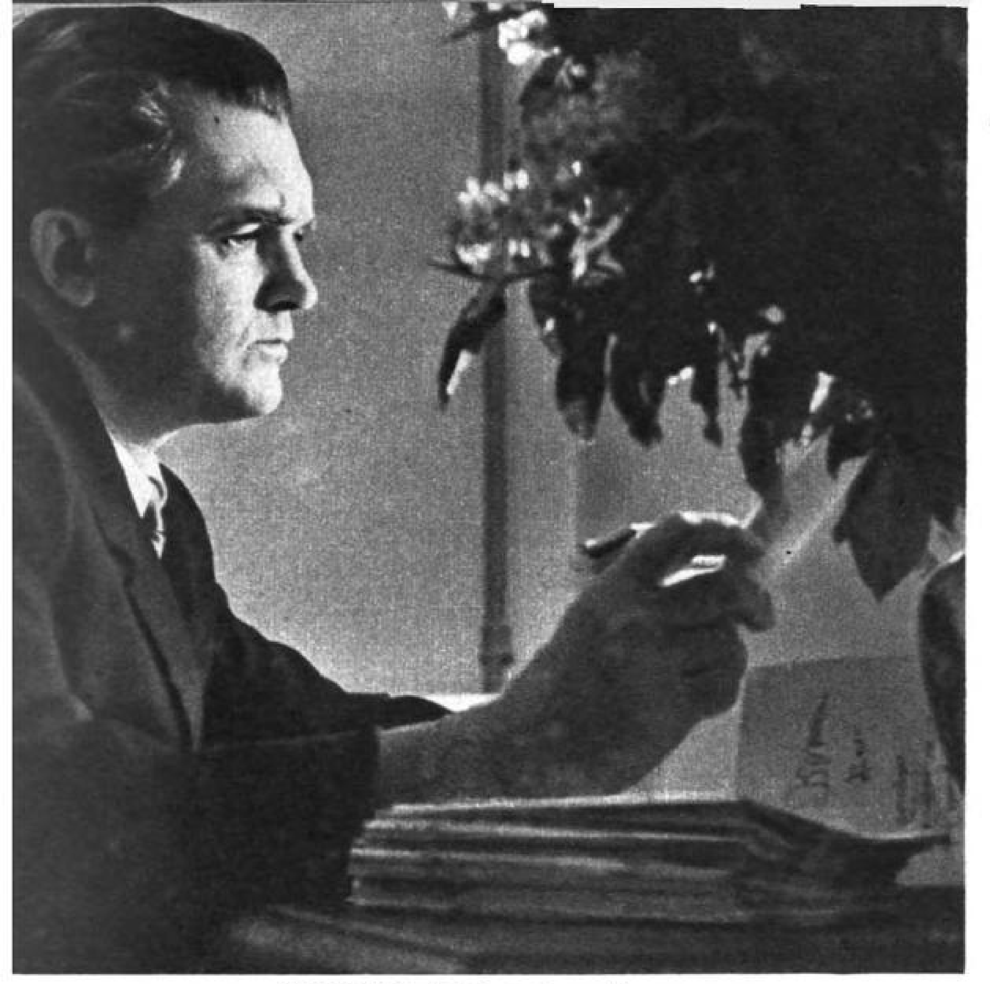
— Возьми хоть меня-то! Ведь каждый ребенок может провести с собой одного взрослого бесплатно!

Но я бы увильнул, я сказал бы:

— А на эту картину людям после семидесяти лет вход воспрещен. Сиди дома!

И я бы прошелся мимо них, нарочно громко постукивая каблуками, как будто я не замечаю, что у них у всех глаза мокрые, а я бы стал одеваться, и долго вертелся бы перед зеркалом, и напевал бы, и они от этого еще хуже бы мучились, а я бы приоткрыл дверь на лестницу и сказал бы... Но я не успел придумать, что бы я сказал, потому что в это время вошла мама, самая настоящая, живая, и сказала:

— Ты еще сидишь? Ешь сейчас же, посмотри, на кого ты похож! Вылитый Кащей!

Константин Александрович Москаленко.

Проблема пятикл

Р. ЗЕРНОВА

То, о чем я сейчас расскажу, происходило в школе № 5 города Липецка.

По коридору во время уроков бродил мальчик лет одиннадцати, аккуратно одетый, миловидный, с тем невинным взглядом, по которому сразу можно распознать шалуна. Он попался на глаза двум мамам из родительского комитета.

— Выгнали? Всю школу подводишь!

— Мать не жалеешь!

— Опять за свое!

— За что, интересно, тебя опять выдворили?..

Тут раздался звонок, а потом на уроке русского языка в пятом классе на первой парте, перед самым учительским столом, я вновь увидела моего нового знакомого и больше не теряла его из виду.

* * *

...В липецких школах уроки русского языка начинаются примерно так:

— Здравствуйте, ребята! Напишите в ваших тетрадях: классная работа. Теперь слушайте внимательно: камень, пыль, и, светится, в, драгоценный. Кто может составить из этих слов пословицу?

Лес рук.

— Коля!

— Драгоценный камень и в пыли светится.

— Правильно. Запишите эту пословицу. Кто скажет, какие фонетические особенности у слова «драгоценный»? Люба!

Ни переклички, ни вступительного нравоучения, ни опроса. Работа начинается с первой же минуты урока. И ни одна из оставшихся сорока четырех не пропадает, ни одна!

Мой «нарушитель», когда стали писать, выяснил, что у него сломано перо.

— Наташа, дай, пожалуйста, Володе перо. Он сломал свое. Теперь, Володя, сделай фонетический разбор слова «камень». Сколько тут звуков и сколько букв?

До самого звонка я уже не видела Володиной физиономии — я видела только его затылок. Володя работал весь урок, буквально не покладая рук. За сорок пять минут пятиклассники проделали семь или восемь видов работ: выборочный диктант, работу по карточкам, словарный диктант и комментированное письмо, причем написали в тетрадях сто пятьдесят слов. Откроем непосвященным, что норма письма для пятого класса — шестьдесят слов за урок. При этом учительница, обращаясь к классу с вопросами по вновь объясненному материалу, выслушала ответы пятнадцати учеников и тем, кого спросила несколько раз, выставила оценки в конце урока. Когда она прочла последнюю оценку: «Володя сегодня хорошо работал, приводил интересные примеры, хорошо комментировал — пять»,— прозвучал звонок.

Такова липецкая система преподавания строить урок, чтобы у шалунов не было времени шалить, а у отличников — скучать.

После звонка я посмотрела несколько тетрадей. Хорошие тетради. Попросила тетрадь у Володи.

— Да у меня все плохо,— буркнул мой знакомый, глядя в сторону. Однако тетрадь дал.

Не скрою, эта тетрадь не была образчиком каллиграфии. И если быть до конца откровенной, то придется сказать, что слово «короткий» Володя сперва написал через «д» (потом исправил). Но, не считая этой замысловатой ошибки, вся классная работа была написана правильно.

— Еще недавно Володя занимался неважно, — сказала учительница. — Но теперь он старается, молодец.

Володя засветился лучиками улыбки.

Учительницу, с которой я разговаривала, зовут Светлана Николаевна Львова. Она одна из первых выпускниц Липецкого педагогического института и работает всего четвертый год. Работает умно, спокойно, с огромной отдачей.

Мастерство? Но оно не приходит так скоро. Может быть, дарование? Талант? Или все-таки система?

Вероятно, вы, дорогой читатель, читали книжки про мальчика Федю или Ваню, который вначале был хулиганом, не слушал ни родителей, ни учителей, а под конец исправлялся под влиянием класса, учителя или соседей по квартире. Вы встречали такого Федю или Ваню и в детских пьесах и в детских фильмах. Но все хорошо знают, что «перековка» пятиклассника не такое простое дело.

— Пятые классы самые трудные!.. Переходный возраст, что вы хотите!.. Это же пятый класс, а в пятых классах всегда падает успеваемость!

Вы услышите такие замечания от любого учителя, прочтете — несколько иначе изложенное — в педагогической литературе, а скорее всего, вспомните сами, потому что если вы не учитель, то уж непременно—в прошлом—ученик.

В пятьдесят четвертом году при Институте психологии Академии педагогических наук РСФСР была защищена диссертация. Называлась она так: «Оценка знаний учащихся при закреплении нового материала и ее психологическое значение».

Автор диссертации Константин Александрович Москаленко, в то время аспирант Воронежского педагогического института, был несколько лет сельским учителем, потом директором школы и инспектором районо. Основываясь на собственном педагогическом опыте, на опыте многих советских учителей, на учении Павлова, он пришел к выводу, что оценка, проставляемая за усвоение только что объясненного материала, так называемый «поурочный балл», дает гораздо больший педагогический эффект, чем оценка за приготовленное домашнее задание. Ученики становятся внимательными и активными на уроках, успеваемость повышается, вопрос о дисциплине — довольно-таки больной вопрос! — просто-напросто снимается, а дома ребятам ничего не приходится выучивать заново, а остается только закрепить уже понятое.

Фокус? Чудо? Ничего подобного. Дело в том, что при таком ведении урока происходит очень простая вещь: обучение производится на самом уроке. Именно за это постоянно ратовал великий русский педагог К. Д. Ушинский.

«Если бы наставники, — писал он,— употребляли свои пять часов ежедневных занятий как следует и действительно заставляли работать детей в классе, то детям оставалось бы разве только повторить дома выученное в школе. Но на деле большею частью бывает не так. Учителя сваливают на детей всю тяжесть учения, не подумав о том, чтобы выучить их учиться; сами же или занимаются легким спрашиванием уроков, выученных дома, что даже можно делать в полусонном состоянии... а уроки и экзамены все-таки падают всей своей тяжестью на маленького ученика».

В введении «поурочного балла» К. А. Москаленко увидел возможность снять с плеч «маленького ученика» излишнюю тяжесть. Это не было его изобретением: о «поурочном балле» писали и другие советские ученые — С. И. Руновский, А. Г. Минакова... Казалось бы, что может быть яснее, проще? Дело учителя — учить, дело учеников — учиться. Обучение — процесс двусторонний, и происходить этот процесс должен в основном на уроке.

Тем не менее Константину Александровичу пришлось пережить со своей диссертацией немало мытарств. В течение трех лет, с 1950 по 1953 год, кафедра психологии Воронежского педагогического института не утверждала самой темы. «Поурочный балл» — это какое-то новшество, а кто его знает, чем оно чревато! Существует давно утвержденная структура «комбинированного урока», и никому не дано права ее менять. А не подкапывается ли автор диссертации под эту самую структуру? И его убеждают переменить тему. Москаленко отказывается. Его обвиняют в самых тяжких грехах, в числе которых фигурирует и «клевета на советскую школу».

Наконец с помощью Института психологии Академии педагогических наук РСФСР Константину Александровичу удается провести дополнительный педагогический эксперимент в пятом классе одной из московских школ, блистательно подтвердивший его тезис об эффективности поурочного балла. Мы не имеем возможности подробно изложить здесь все перипетии этого интереснейшего опыта: мы можем только пожалеть о том, что диссертация Москаленко, защищенная в ноябре 1954 года, до сих пор не издана. Та ее часть, которая посвящена московскому эксперименту, читается—да простят мне ученые педагоги, которые не любят таких словоуподоблений, как роман,— нет, как педагогическая поэма. Скажем прямо, мы не избалованы педагогической литературой такого рода.

...Наконец диссертация закончена, оформлена, защищена. Все мытарства позади. Да и юность уже позади — скоро сорок. Пора успокоиться, можно даже некоторое время почить на лаврах. Тем более, что получено назначение—заведующим кафедрой педагогики вновь организованного Липецкого педагогического института.

Куда там!

Хотите знать, какое «мероприятие» провел новый заведующий кафедрой, едва вступив в должность? Он провел с учителями 1-й школы города Липецка заседание, посвященное перестройке урока. Он не собирается сидеть в кабинете, он и тут намерен продолжать свою педагогическую пропаганду. И учителя слушают его с напряженным вниманием. Иные сочувственно — в их числе директора липецких школ. Иные настроены скептически: а не легковесен ли этот балл, а не перестанут ли дети и вовсе учиться дома? Равнодушных нет: слишком близко затрагивает учительские сердца то, о чем говорит неукротимый кандидат педагогических наук.

...Когда я собиралась ехать в Липецк, знакомые учителя старались заблаговременно ввести меня в курс дела. И все начинали так:

— Тебе надо прочесть статьи Москаленко в «Народном образовании». Там все сказано. Их две: «Как должен строиться урок» и «Ответ товарищам». «Ответ товарищам» — это действительно ответ, потому что первая статья вызвала поток писем за и против.

Я прочла статьи. И записала напутствия учителей:

— Самое главное: узнай, как они успевают столько писать на уроке? Ведь в уроке сорок пять минут, его не растянешь.

— Побывай на уроках у рядовых учителей. Маяки маяками, а как там рядовые учителя?

Я в Липецке задавала эти вопросы многим, в том числе и Константину Александровичу Москаленко (мне еле удалось поймать его: он то в районе, то в какой-нибудь школе).

— Да, да, главное — это распространение опыта. У нас тут облоно, знаете, сколько сделало?.. И институт усовершенствования. Конечно, всюду есть талантливые учителя, мастера, творцы...

Мастерство учителя? Да, мастерство необходимо. Талант? Это прекрасно, когда есть талант. Но можно ли требовать мастерства от вчерашних выпускников, а таланта от каждого представителя миллионной учительской армии? А ведь учат детей они все: и те, кто в прошлом году кончил педагогический институт, и те рядовые, которые уже не первый десяток лет потихоньку работают, не стяжав особенной славы. Их надо вооружить эффективной методикой. Чтобы они умели справляться со своим делом, то есть учить. Учить на уроке.

...Итак, педагоги стали бывать друг у друга на уроках и учиться друг у друга. Но этого мало: сами заведующие районными отделами народного образования вышли из своих кабинетов и покатили по школам районов — своих и чужих. Они перестали быть хозяйственниками, они сами стали учиться. Они тоже сидят на уроках, тоже анализируют, записывают, обобщают... Я видела их тетради—у педагогов теперь беспокойная жизнь. За одну только четверть они успевают посетить 30—40 уроков в разных школах, а ведь уроки надо еще проанализировать, записать, обсудить...

Ну, а как же обычная схема урока: опрос, объяснение, закрепление? В Липецке я побывала на многих уроках, но самое большое впечатление на меня произвели уроки Галины Ивановны Горской.

Скажу сразу, без обиняков: это одна из лучших учительниц русского языка, каких мне приходилось видеть. Ни у кого больше — даже в Липецке! — я не наблюдала такого энергичного темпа, такой гибкой методики, такой емкости урока.

Галина Ивановна—учительница и завуч восьмой липецкой школы.

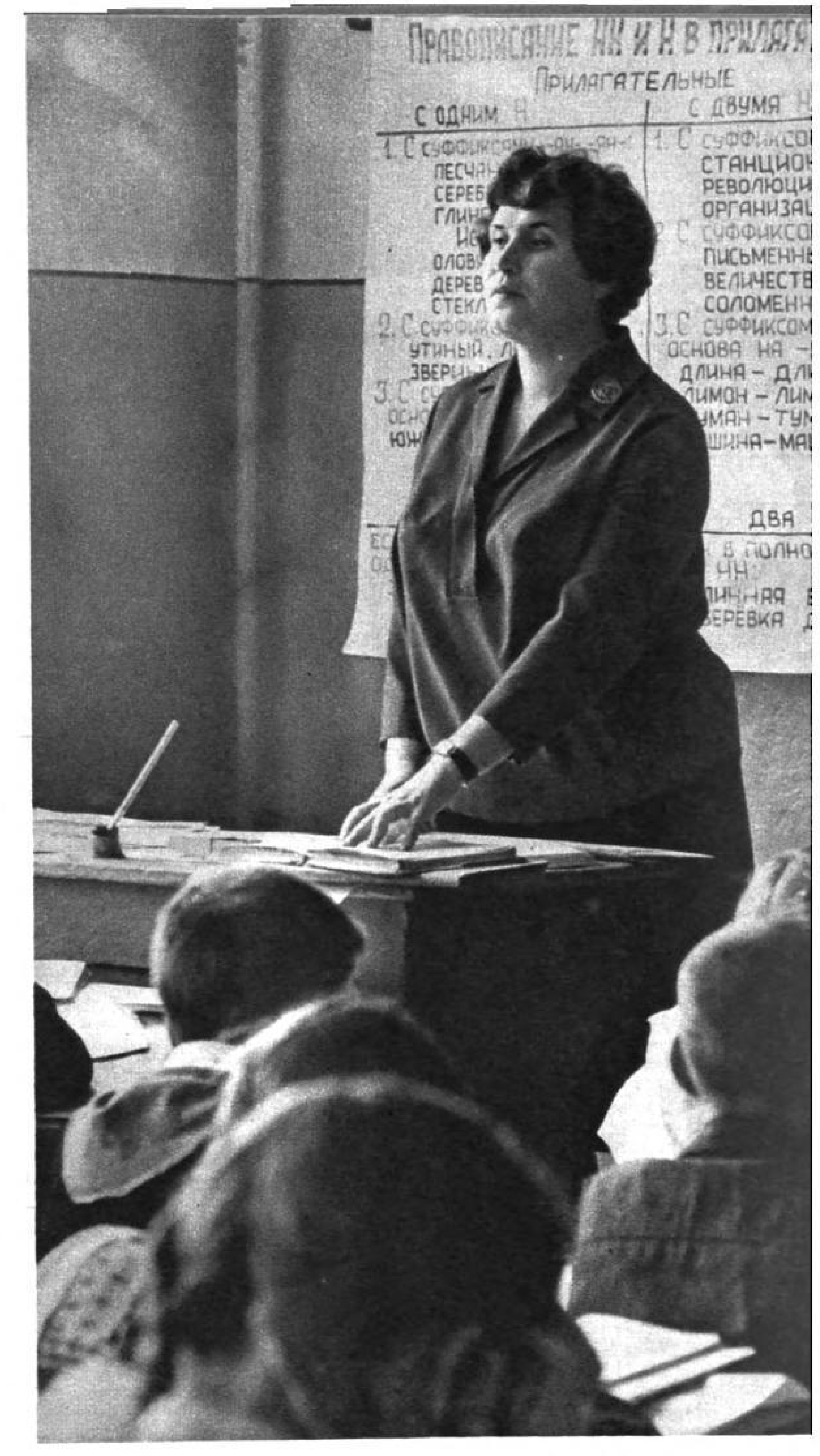
...Мы входим в класс. Мы—это Галина Ивановна, учительница из Архангельска, завучи из Москвы и Инты, директор Уфимской средней школы.

— Здравствуйте, ребята! Посмотрите на доску.

Доска занавешена. Галина Ивановна отдергивает занавеску. На доске написано: «А. К. Саврасов на своей картине «Грачи прилетели» изобразил скромный уголок русской природы.

На картине он изобразил раннюю весну».

— Нет ли здесь стилистических ошибок? Посмотрите, подумайте!

Галина Ивановна Горская ведет урок...

Фото Б. Кузьмина.

Поднимаются руки — уверенные и неуверенные.

— Аркадий!

— Два раза «изобразил». Повтор.

— Давайте подыщем синонимы.

Все руки взлетели вверх. Посыпалось:

— Нарисовал! Написал! Набросал! Передал!

— Больше нет стилистических ошибок? Таня! Правильно, два раза сказано «на картине»? Как это можно исправить?

Предпочтение отдали слову «полотно». А. К. Саврасов на своем полотне...»

В Москве, когда я рассказывала это, одна журналистка обрадовалась:

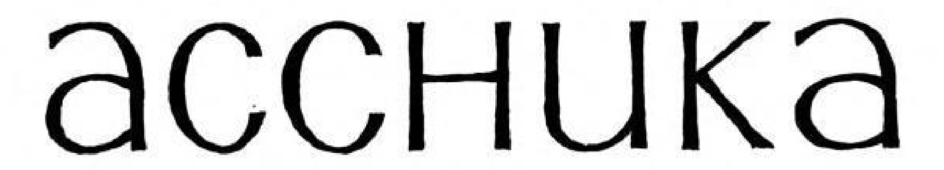
— Урок редактирования! И в пятом классе!

Не только редактирования. Это урок эстетики. Дети учатся слышать ритм и мелодию русской речи, звон и игру русского слова, они идут к пониманию глубинной красоты языка.

Было на этом уроке и комментированное письмо, и диктант на сложные слова, и маленькое сочинение — описание неба на той же картине Саврасова. Только опроса—длинного, скучно-томительного, во время которого один ученик «плавает», а другие более или менее тихо занимаются своими делами, — здесь не было. Оценки, так же, как у Светланы Львовой, были выставлены и прочитаны в конце урока.

— Представляете, какую экономию нам дает отказ от опроса? Вы не поверите! Шестьдесят восемь уроков в год. Столько, сколько в пятом классе приходится на биологию и физику.

Шестьдесят восемь уроков. Это значит, что каждый урок «удлиняется» на десять — пятнадцать минут. А отсутствие борьбы за дисциплину? А отсутствие переклички? Мы с учителями, приехавшими в Липецк поучиться,

потом признались друг другу: каждый такой урок — это полтора обыкновенных.

— Кстати, Галина Ивановна, а как же вы обходитесь без переклички?

— Дежурные кладут на стол список отсутствующих.

— А почему вы объявляете оценки в конце урока, а не сразу?

— А потому, что оценки ставятся за работу в течение всего урока. Вы заметили: я спросила Аркадия несколько раз. Посмотрела его тетрадь. Из всего этого сложилась оценка. А когда ставишь отметку сразу, то ученик обычно успокаивается. Даже, казалось бы, что в двойке успокоительного? А ученик все равно успокаивается: как-никак сегодня больше не вызовут. И так и сидит он до конца урока — слушает и не слушает. А теперь он активен все время, весь урок. Словом, учителя новой системой довольны.

— А ученики?

— Самый-то большой выигрыш, разумеется, получили ребята. Их уроки стали интереснее, отметки лучше, свободного времени, в которое можно и почитать, и поиграть на воздухе, и поработать в разных кружках, больше. Домашние задания, которые вовсе не отменены, перестали быть тяжелой обузой, потому что над ними не приходится корпеть. Ведь теперь усвоение-то проходит на уроке!

— А знания?

В декабре 1961 года в нескольких школах Липецкой области проводились контрольные работы. Их проводили представители Министерства просвещения. Большая часть работ была написана без ошибок, в остальных ошибки были, но очень мало. Средний результат проверки оказался значительно выше, чем в школах соседней области.

* * *

«Липецкий опыт» теперь становится достоянием всех учителей. После статьи Москаленко «Ответ товарищам», в которой он писал о том, что липецкие учителя приглашают своих коллег к себе на уроки, началось паломничество учителей в этот старинный русский город.

Ехали «диким образом», ехали делегациями, ехали, ехали, ехали... Из Казахстана и из Гомеля, из Ленинграда и из Ташкента, из Уфы и Краснодара, с Камчатки...

О липецких учителях стали писать. Появились статьи об уроках Горской, Провоторовой, Качериной... Но сейчас дело уже не в отдельных учителях, как бы хороши они ни были. Дело в том, что весь громоздкий корабль школьного образования снялся с якоря. И на носу этого корабля — учителя из Липецка.

Но их опыт — это не итог, а начало. У них много трудностей, много опасений. Только бы какие-нибудь чересчур ревностные новаторы не перестарались исключить важнейшие элементы комбинированного урока, например, опрос. Ведь случилось же, что кто-то из педагогов наложил «табу» на домашние задания. Сами липчане считают, что их опыт — это не окончательное слово педагогики. Предстоит еще искать, совершенствовать, улучшать. Они в пути...

ЗАВОДСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

В девять букв складывается название научно-исследовательского института — НИИТЯЖМАШ. Возник он в стенах Уральского машиностроительного завода два года назад.

Именно о таких заводских институтах говорил на июньском Пленуме ЦК КПСС, в 1959 году, Никита Сергеевич Хрущев. О том, что «жизнь от науки и науку от жизни нельзя оторвать».

Войдем же в этот мир испытаний и творческих поисков! Почти сорок лабораторий. Десятки новейших приборов и аппаратов. Внимательные, сосредоточенные лица людей... Здесь около четырех тысяч научных сотрудников, конструкторов, технологов, экономистов... Кто они, эти люди? И чем они заняты?

Мы в лаборатории горнорудников. С легким жужжанием все быстрее и быстрее вращается модель шаровой мельницы. Через органическое стекло видно, как все стремительнее перемещаются в ней металлические шары. И вдруг они словно застыли на месте... Мерно стрекочет киноаппарат...

Наконец фильм готов. Пленка вставлена в проектор.

С изумлением глядят исследователи на лабораторный экран. Сколько до этого было догадок, предположений! Теперь все становится ясным. Можно сделать важные выводы, определить режим работы мельницы, уточнить мощность источника силы — электродвигателя...

А рядом, в соседней лаборатории, наблюдают не менее любопытное явление. На экране полярископа появилось изображение детали машины, расцвеченной почти всеми оттенками радуги. Вы видите ее на нашей вкладке. Так выглядит на экране уменьшенная модель квадратной штанги буровой колонны в ее опасном сечении. Сделана она из эпоксидной смолы — оптически активного материала. По частоте полос радуги исследователи определяют величину напряжения металла.

— Конструкторы могут быть спокойны. Штанга выдержит! — говорит инженер лаборатории К. А. Оленева.

...Миниатюрные, величиной с ноготь, проводники с двумя усиками — контактами. Их много тысяч в этой просторной комнате, где разместилась лаборатория прокатного оборудования. Это тензодатчики. Все знают, что с помощью датчиков ученые узнавали о состоянии здоровья наших прославленных космонавтов в период полета вокруг земного шара. А уралмашевские тензодатчики следят за здоровьем машин. Наклеивая на их поверхность сотни этих тончайших спиралей из константантовой проволоки, исследователи измеряют напряжения, возникающие в станке или машине, и определяют начинающуюся деформацию деталей и узлов. Малейшее изменение в напряжении металла улавливается усилительной аппаратурой и регистрируется самописцами.

Однако работа заводских инженеров-исследователей совсем не ограничивается стенами лаборатории, где, как правило, испытываются только модели. Часто с небольшими чемоданчиками, словно врачи к пациентам, исследователи идут к машинам в заводские цехи или выезжают на другие предприятия, где установлены уралмашевские прокатные станы, или на стройки, где работают экскаваторы со знаменитой маркой «УЗТМ». Они внимательно выслушивают агрегаты и нередко дают свои рецепты конструкторам.

И вот почти на пятнадцать тонн легче будет теперь опорная плита шагающего гиганта-экскаватора «ЭШ-15/90». Возможность этого доказал руководитель одной из лабораторий инженер-исследователь В. И. Мазо. А группе молодых ученых лаборатории прокатного оборудования, которую возглавляет кандидат технических наук А. В. Третьяков, удалось на пятнадцать процентов повысить производительность тонколистового стана.

— В содружестве исследователей и конструкторов, — рассказал нам главный инженер заводского научно-исследовательского института, лауреат государственной премии Б. Г. Павлов, — на «Уралмаше» создаются новые типы высокопроизводительных и экономичных машин. Уже вступили в производство первые в нашей стране блюминги-автоматы, каждый из которых способен прокатывать шесть миллионов тонн стали в год. Завершен технический проект шагающего исполина-экскаватора с ковшом емкостью в 50 кубометров.

Рождаются сейчас на «Уралмаше» и уникальные дробилки-гиганты, способные переработать в течение часа около пяти тысяч кубометров горной породы, и новые агломерационные машины, производительность которых увеличена почти в пять раз.

А. ГРИГОРЬЕВ

В лаборатории горнорудного машиностроения испытывается модель шаровой мельницы (верхний снимок).

Так по частоте радужных линий изучаются напряжения на моделях, изготовленных из оптически-активного материала.

ДСКИЕ

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Однако работа заводских инженеров-исследо-
телей совсем не ограничивается стенами лабо-
тории, где, как правило, испытываются только
дели. Часто с небольшими чемоданчиками,
вно врачи к пациентам, исследователи идут к
шинам в заводские цехи или выезжают на дру-
предприятия, где установлены уралмашев-
е прокатные станы, или на стройки, где рабо-
т экскаваторы со знаменитой маркой «УЗТМ»,
и внимательно выслушивают агрегаты и перед-
дают свои рецепты конструкторам.
И вот почти на пятнадцать тонн легче будет
ерь опорная плита шагающего гиганта-экска-
ора «ЭШ-15/90». Возможность этого доказал
ководитель одной из лабораторий инженер-
ледователь В. И. Мазо. А группе молодых уче-
х лаборатории прокатного оборудования, ко-
ую возглавляет кандидат технических наук
В. Третьяков, удалось на пятнадцать процентов
ысить производительность тонколистового
на.
— В содружестве исследователей и конструк-
ов, — рассказал нам главный инженер завод-

В лаборатории горнорудного машиностроения испытывается модель шаровой мельницы (верхний снимок).

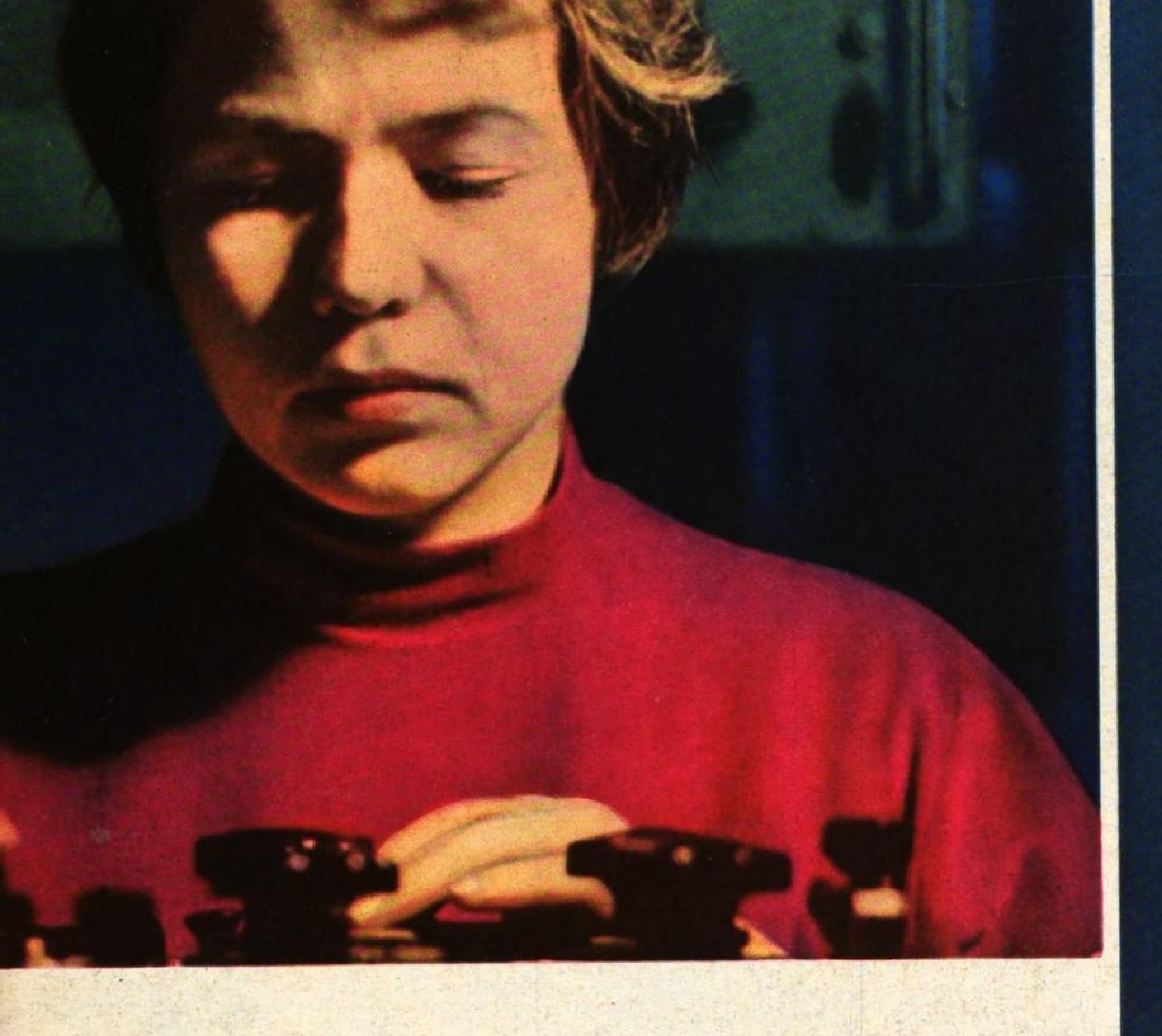
Так по частоте радужных линий изучаются напряжения на моделях, изготовленных из оптически-активного материала.

о научно-исследовательского института, лау-
т государственной премии Б. Г. Павлов, — на
алмаше» создаются новые типы высокопроиз-
ительных и экономичных машин. Уже вступи-
в производство первые в нашей стране блю-
ги-автоматы, каждый из которых способен
катывать шесть миллионов тонн стали в год.
ершен технический проект шагающего иско-
-экскаватора с ковшом емкостью в 50 кубо-
ров.
ождаются сейчас на «Уралмаше» и уникаль-
дробилки-гиганты, способные переработать в
ние часа около пяти тысяч кубометров гор-
породы, и новые агломерационные машины,
изводительность которых увеличена почти в
раз.

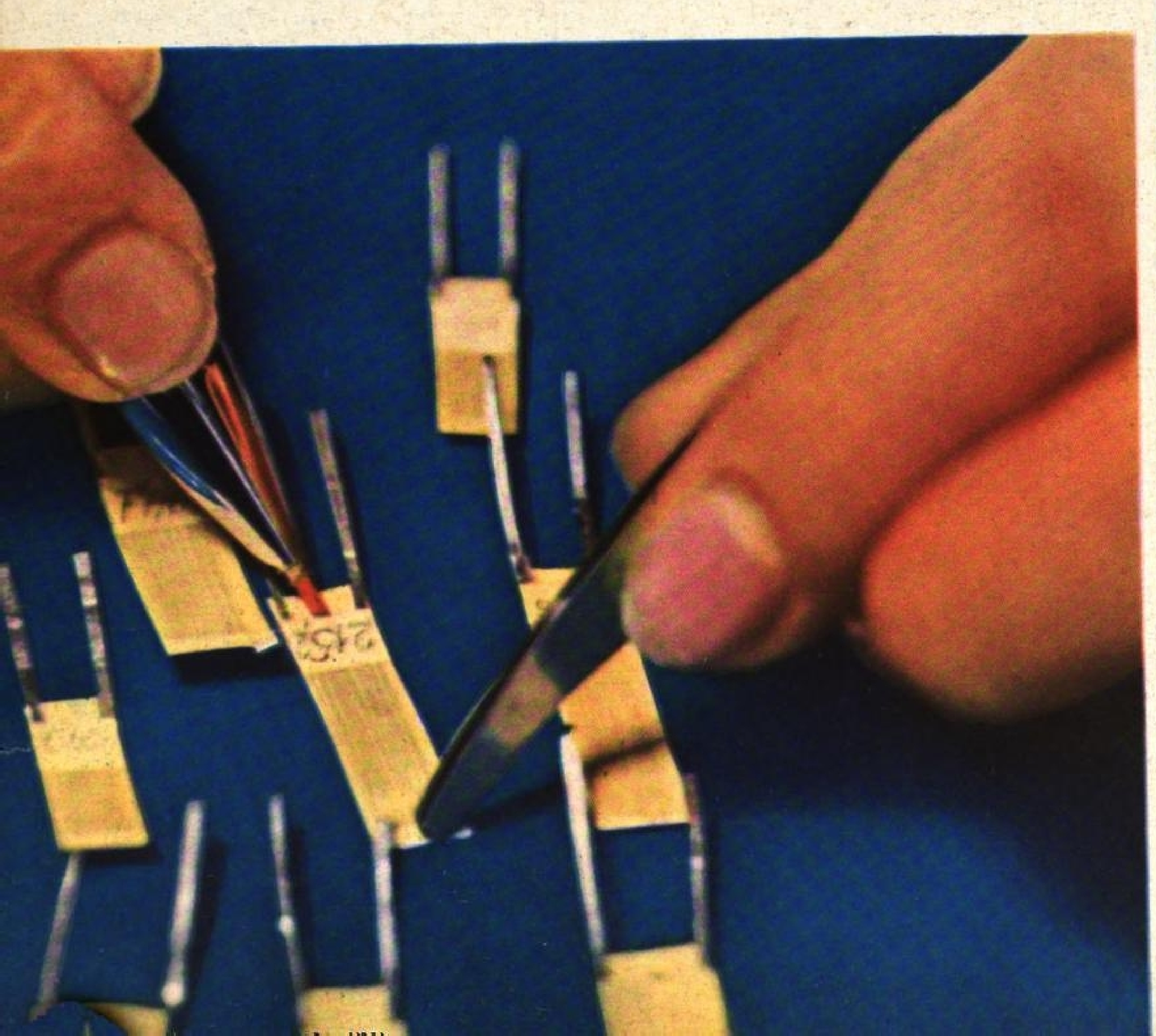
А. ГРИГОРЬЕВ

ОВАТЕЛИ

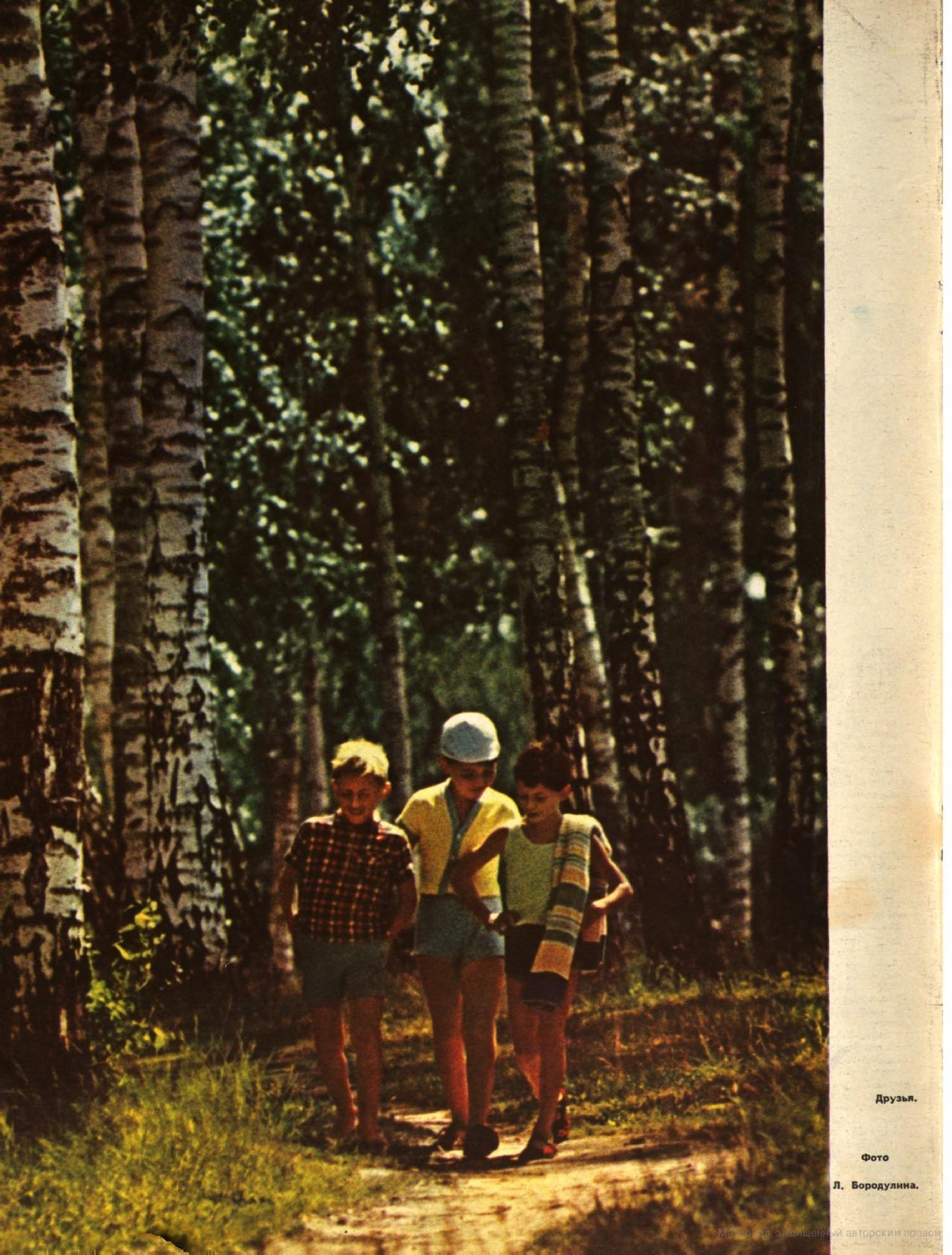
Ювелирная работа у старшего лаборанта инженерно-конструкторского бюро Полины Холостых. Через ее руки проходят тысячи миниатюрных пластинок с тончайшей проволочной намоткой — тензодатчики. Прикрепленные к различным узлам станков и машин, они сообщат исследователям о всех усилиях и напряжениях в теле машины.

Инженеры-исследователи пришли в цех. Виктор Четвериков и Анатолий Грачев «прослушивают» узлы машины при помощи тензодатчиков.

Все меньше места остается н
воде нелегкому труду сварщ
Низкопроизводительную о
цию — наплавку баббита — з
будут выполнять уральские
маты по газопламенной нап
баббита. Один из таких автом
уже проходит испытания в
ратории сварочных процесс

Друзья.

Фото Л. Бородулина.

Четыре часа

Олег ШМЕЛЕВ

Известно каждому,
наверно,
что Саваоф давным-
давно
не для закрытия
каверны,
а для души изъял ребро.

Нельзя проверить, так ли
было,—
мы очевидцев не
нашли,—
и уж потомство позабыло
о связи ребер и души.

Из шуточного адреса, сочиненного неизвестным автором.

Речь здесь пойдет о человеке, чье имя знают хирурги во многих странах мира. Вернее, об одном дне из жизни этого человека — о дне, который многое решил в его собственной профессиональной судьбе и в развитии той области медицины, которой он служит. А еще точнее, речь пойдет о четырех часах того дня.

Но прежде надо сказать хотя бы несколько слов о туберкулезе легких и о его хирургическом лечении.

Болезнь древняя и коварная, неизменно сопровождающая человечество на всем его пути от колыбели до — увы! — нынешних времен, болезнь, не щадившая ни царей, ни рабов, ни гениев, ни простых смертных, туберкулез из всех людских недугов всегда был едва ли не самым распространенным и тяжким. Война с туберкулезом не утихает ни на миг вот уже много веков подряд, но даже просвещенный девятнадцатый век не умел выходить победителем. И наш двадцатый век не сразу научился противостоять грозной болезни.

Нельзя винить врачей далекого прошлого в бездействии: ведь пока доктор Кох не открыл свою палочку — возбудителя туберкулеза, они вели борьбу вслепую, не видя, не зная того, с кем борются. Нельзя винить и тех, кто пришел в медицину после открытия Коха: они знали, с кем имеют дело, но не имели хороших средств борьбы. Лишь создание антибактериальных препаратов привело к победе — еще не полной, но решающей. Образно выражаясь, туберкулезу обрубили лапы, лишили его былой подвижности. Но он еще кусается. Лекарства, вводимые в организм больного, не убивают туберкулезные палочки. Лекарство лишь препятствует их размножению, а вторую половину задачи излечения берет на себя сам организм.

Подобно живому существу, болезнь обладает поразительным свойством приспосабливаться к условиям окружающей среды. Бацилла туберкулеза, впервые столкнувшаяся, скажем, со стрептомицином, чувствует себя на первых порах бессильной. Но, побыв с ним в долгом общении, она приходит в себя, а вскоре и совсем оправляется. И в дальнейшем стрептомицин не страшен такой бывалой бацилле.

Например, курс лечения стрептомицином или фтивазидом очень эффективно действует на больного туберкулезом. Но близкий по времени повторный курс может привести к тому, что лекарства перестанут оказывать свое действие. Это значит, что бациллы привыкли к лекарству, сделались устойчивыми. Это значит, что теперь больного можно успешно лечить лишь каким-нибудь иным, новым препаратом.

Что же делать в том случае, когда все препараты уже использованы, а болезнь по-прежнему гнездится у человека в легких, окопавшись за стенками каверн? Тогда может оказать помощь искусственный пневмоторакс — вдувание воздуха между плеврами для того, чтобы создать коллапс, то есть сжать больное легкое и тем самым зажать каверну. Но, во-первых, пневмоторакс можно наложить не каждому больному, а во-вторых, и он далеко не всегда приводит к излечению. И тут уже остается только одно средство — скальпель хирурга.

До недавнего времени смысл и цель подавляющего большинства легочных операций сводились тоже к созданию коллапса — путем уменьшения объема грудной клетки. А проще — путем изъятия частей ребер. Правда, были хирурги, которые мыслили более радикально и действовали более решительно. Они удаляли пораженные участки, доли и даже целое легкое. Но общее движение было робким. Первую успешную резекцию легкого при туберкулезе сделал француз Тюфье в 1891 году, а за последующие двадцать лет во всем мире было сделано всего четыре удачных резекции. Хирурги не имели нужных средств обезболивания. Не было хорошо разработанной методики операций. Оперируемые гибли от шока, от гнойных осложнений. Пусть простит читатель невольную игру слов, но в этой области хирургии вообще нет легких операций, потому что они производятся на легких. Первое удаление целого легкого произвел в 1931 году Ниссен.

До сороковых годов нашего века резекции по поводу туберкулеза легких многими считались — и зачастую не без оснований — крайне рискованными и весьма проблематичными в смысле отдаленных их результатов. В 1940—1946 годах в медицинской печати появились сообщения некоторых зарубежных хирургов, свидетельствовавшие о первом скачке вперед. Но чтобы сосчитать таких хирургов, хватит пальцев одной руки, и к тому же смертность при операциях оставалась очень большой — до двадцати процентов. Случаи, когда необходимо бывало целиком удалить пораженное легкое, ставили в тупик даже самых опытных хирургов. Пневмоэктомия — так называют медики удаление легкого — чтилась как вершина хирургического искусства.

К нынешнему дню статистика насчитывает тысячи удачно проведенных в нашей стране операций частичного и полного удаления легкого, и среди них наберется несколько десятков исполненных блестяще, артистически. Тот факт, что удачные пневмоэктомии исчисляются тысячами, а смертность сведена почти к нулю, никого уже не удивляет.

А между тем успех этот достигнут за какие-нибудь пятнадцать лет. Ведь до 1947 года никто у нас в стране не произвел ни одного полного удаления легкого по поводу туберкулеза. Первая такая операция была выполнена 3 октября 1947 года. Первая — всегда самая главная и самая трудная. Нужно учесть, что тогда легкое удаляли не под общим наркозом, а под местной анестезией, тогда не было таких инструментов, как сосудосшивающий аппарат или специальный ушиватель корня легкого, и вообще много чего не было.

Мы подошли к предмету нашего повествования. Но, чтобы читателю было понятно поведение людей, присутствовавших при той памятной операции, надо сделать еще одно, далеко не лирическое отступление.

Многим, наверное, известно о давно бытующих в отдельных областях медицины разногласиях между сторонниками так называемых консервативных методов лечения — терапии и приверженцами хирургических методов. Если исключить самые крайние точки зрения, то ничего плохого в споре врачей нет, когда не страдает тот, ради кого работают все они,— больной человек. Ведь старое изречение насчет спора и истины остается в силе.

В области туберкулезной медицины тоже иногда возникают разногласия между терапевтами и хирургами.

Операция, которая будет описана ниже, встретила сопротивление сторонников консервативных методов лечения. Вероятно, поведение кое-кого из наблюдавших за операцией покажется читателю нелепым, а подчас и бессердечным. Их слова могут вызвать боль, но что делать?! Так было, и мы не станем искусственно обезболивать процесс восстановления истины. Мы лишь позволим себе не называть некоторых имен, так как люди эти заблуждались, безусловно, вполне искренне и вскоре поняли свою ошибку.

А теперь отправимся из Москвы по Северной железной дороге на станцию Яузу, на шестой километр, где в окружении сосен стоит здание Центрального туберкулезного института Академии медицинских наук Советского Союза.

Профессор Лев Константинович Богуш сидел за столом в своем маленьком кабинете. Слева в уг-

лу стоял экран для просматривания рентгеновских снимков, на нем была поставлена рентгенограмма больной Д., которой профессор собирался удалить легкое.

Экран показывал удручающую картину. Правое легкое сверху донизу усеяно кавернами — на снимке оно походило на истлевшую, протертую до дыр серую тряпицу... Хронический фиброзно-кавернозный туберкулез. Испробованы решительно все средства терапии — никакого эффекта: слишком запущена болезнь. Если не сделать пневмоэктомию, через пять-шесть месяцев неизбежен летальный исход. Профессор несколько раз видел, как плакала Д., и он знал, что не о своем собственном печальном положении плачет эта женщина. У нее трое малых ребятишек.

В классической хирургии есть неписаный закон, что хирург не должен примешивать к своим профессиональным отношениям с больными чувства вроде жалости, ибо это может лишить его хладнокровия. И вообще сантименты не украшают хирурга. Но здесь, кажется, не было сантиментов. Была простая необходимость спасти человека, мать троих детей.

Профессор решился.

Он поговорил с Д. начистоту. Объяснил как можно более доходчиво всю сложность операции. Сказал, что до сих пор в России, в Советском Союзе никому еще не делали такой операции. Не утаил, что есть определенный риск.

Д. задумалась лишь на минутку. А потом сказала совсем спокойно: «Я согласна. Я вам верю». И профессор, видавший на своем веку всякие виды, порадовался за нее: не многие способны на такое мужество. И за себя порадовался: ее спокойствие вселяло уверенность.

Он распорядился готовить Д. к операции. На очередном консилиуме в институте доложил о своем плане.

Не все хирурги были на его стороне. Терапевты также сомневались. Долго обсуждали всевозможные «а если?». Рассматривали рентгенограммы больной, листали историю болезни.

Кончилось тем, что большинство решительно поддержало профессора.

Однако нашлись люди, весьма влиятельные в медицинском мире, которые сочли своим долгом предостеречь Богуша. В случае неудачи пострадает не только больная — пострадает престиж профессора. Но есть еще нечто более важное, чем личный престиж,— есть честь института, честь академии, честь всей отечественной медицинской науки, наконец! Пневмоэктомия — это вам не кусание ребрышек и даже не удаление доли. Тут нужно особое искусство. Профессор Александр Николаевич Бакулев, говорите, успешно удаляет легкие? Да, но не по поводу туберкулеза...

Доводы, что и говорить, веские. Но кто-то должен же наконец переступить черту! В конце концов с присловьем «ну, смотрите, вам виднее» профессору Богушу предоставили действовать на свой страх и риск.

И вот он сидит за столом в этом маленьком кабинете и смотрит на рентгенограмму больной Д. Вчера говорил с ней, напомнил, что она может и отказаться от операции. Но Д. настроена решительно. Чувствует себя собранной. По данным исследований, сердечно-сосудистая система без серьезных отклонений от нормы, картина крови благоприятна, функции почек и печени без нарушений. А самое главное — психическое состояние Д. отличное. Не было даже нужды давать ей бром.

Ничто не смущало профессора, он был спокоен. Оставалось только глубокое недоумение, которое, как он ни старался, развеять не мог.

Почему старшие коллеги не верят в его возможности? Может, считают недостаточно опытным, матерым хирургом для такой серьезной операции? Правда, здесь, в институте, он недавно, с прошлого года, но ведь за плечами у него кое-что все-таки есть, и, слава богу, он не мальчик: сорок третий год пошел.

Опыт... А давайте, действительно, прикинем, есть ли он.

В 1928 году Богуш окончил медицинский факультет Горьковского государственного университета (тогда он назывался Нижегородским) и сразу по окончании уехал в село Вачу, что километрах в ста двадцати от Горького. Стал работать главным врачом районной сельской больницы и одновременно заведовать хирургическим отделением.

Работы хватало. За четыре года Богуш сделал более тысячи операций, самых различных — от удаления аппендикса до вмешательств на грудной клетке. Руки его за эти четыре года окрепли и глаза стали зоркими. С 1932 года начал специализироваться в легочной хирургии.

Потом перешел в Горьковский областной туберкулезный диспансер и здесь целиком посвятил себя хирургии легочного туберкулеза. За пять лет начиная с 1934 года сделал полторы тысячи операций. И это он, Богуш, впервые выполнил в Горьком в 1938 году операцию удаления доли легкого. Разве это не опыт?

А война с белофиннами, когда он служил ведущим хирургом медсанбата 17-й мотострелковой дивизии? А четыре года Великой Отечественной войны, проведенные во фронтовых госпиталях? Надо ли подсчитывать, сколько операций приходится делать военному хирургу, когда идут кровопролитные бои?

В 1943 году Богуш защитил докторскую диссертацию. Он счастлив тем, что ему удалось многому научиться у талантливейшего хирурга-фтизиатра Николая Георгиевича Стойко. И, наконец, существует громадный опыт других замечательных хирургов-соотечественников. Разве все это и не его опыт?

...Профессор взглянул на часы— половина десятого. Вошла старшая сестра.

— Все готово, Лев Константиныч.

— Много народу в операционной? — спросил он, по-волжски кругло выделяя «о».

— Человек двадцать. Повернуться негде.

Сестра была явно недовольна.

— Хорошо, идите. Я сейчас.

Сестра ушла. Он повернул ключ в замке и переоделся. Надел белоснежный короткорукавый халат. Затем подошел к столу, снял часы и закурил сигарету. Курил с расстановкой, но быстро, затягивался жадно.

Потушив окурок, неспешно отправился в предоперационную.

Профессор тщательно мыл руки над раковиной, прислушиваясь к басистому жужжанию, доносившемуся из операционной. Двадцать человек, сказала сестра... Не в том дело, что двадцать: ему приходилось работать и при большей аудитории, дело в другом — среди сегодняшних зрителей будут и те, кто предсказывал неудачу. Прямо скажем, это не прибавит спокойствия. Да и помещение маловато для такого высокого собрания.

Сегодня он особенно тщательно обрабатывает руки. Малейшее нарушение правил асептики чревато послеоперационными осложнениями, а он не должен допустить в этом случае никаких непредвиденных оборотов.

Сестра подает и завязывает ему марлевую маску, надевает на него длинный, до пола, клеенчатый фартук. Руки протерты спиртом. Теперь в операционную.

Перед ним распахивают дверь, он входит. Толпящиеся в небольшом отдалении от стола люди в халатах, шапочках и марлевых масках кивают ему. Профессор отвечает общим кивком и проходит к столу, в зону, куда допускаются только те, кто в абсолютно стерильной одежде и кто будет участвовать в операции. Сестра помогает профессору надеть стерильный халат. Профессор при этом чуть нагибается, чтобы сестре не подниматься на цыпочки: он высок ростом. Затем он еще раз протирает руки—йодом, особенно тщательно смазывая кончики пальцев и коротко остриженные ногти. Он будет работать без перчаток.

Д. лежит на столе, до пояса укрытая простыней. Тонкая трубка от стоящего в ногах аппарата для переливания крови змеится сверху под простыню: она соединена с веной на ноге Д. Голова и закинутые за нее руки, как ширмой, отделены растянутым на каркасе полотном. Торс обнажен.

Профессор заглянул за ширму. Лицо Д. бледно, но в выражении его нет ничего страдальческого. Профессор улыбнулся, совсем слегка, и хотя из-за маски ей видны были только его густые черные брови и голубые глаза с четкими зрачками, Д. уловила улыбку и улыбнулась в ответ.

— Ну, Ольга Васильевна, начнем помаленьку? — спросил профессор тихо, так, чтобы не слышали посторонние.

Она вздохнула и молча кивнула головой.

— Шприц!

И началась анестезия. Уколов будет много. Нужно блокировать нервы на шее, обработать новокаином купол грудной клетки, анестезировать межреберья. И это только для первых, подготовительных вторжений скальпеля. А по ходу операции уколов понадобится еще больше. Ничего не поделаешь: местная анестезия...

Пока Богуш вводит новокаин, полезно будет посмотреть, как обезболиваются такие операции теперь, в 1962 году.

Раньше операции на легких у туберкулезных больных не делались под общим наркозом потому, что обычный, через маску, эфирный наркоз для этого не годится: у туберкулезного больного и без того нарушен газовый обмен, а эфир сильно угнетает функцию дыхания. Поэтому был разработан специальный метод наркоза. Он называется интубационным, имеет несколько вариантов, и один из распространенных заключается в следующем. Сначала больному вводят в вену снотворное, обычно из группы барбитуратов. Человек засыпает глубоким наркотическим сном. Но некоторые мышцы остаются сильно напряженными, в том числе и те, которые регулируют ширину голосовой щели. Щель закрыта. Напряжение необходимо снять, и для этого в вену тут же вводят курареподобное вещество, например, дитилин. Кураре, как известно, убивает человека, парализуя все мышцы, особенно дыхательные. Так зачем же вводить его оперируемому, ведь человек перестанет дышать?! Да, действительно дыхание прекращается, но одновременно раскрывается голосовая щель. Преграда ликвидирована, и теперь надо быстро ввести через дыхательное горло в трахею трубку наркозного аппарата.

Этот аппарат заставляет легкие дышать принудительно. Кураре не страшен. Автоматические мехи ритмично, с любой заданной частотой раздувают и сокращают легкие. Они вдыхают за больного, нагнетают наркотическую смесь кислорода и закиси азота, или, по-иному, веселящего газа, и выдыхают. Человек спит. За ним следит специальный врач-анестезиолог. Гуманный, щадящий больного наркоз! Но ничего подобного не было тогда. Был только шприц да новокаин...

...Между третьим и четвертым ребром вставлен расширитель. Зияет огромное, площадью с тарелку отверстие — операционное поле, по выражению хирургов. Четыре пары рук — три в перчатках, с зажатыми наготове инструментами, четвертая без перчаток — мелькают над этим горячим кровоточащим полем.

Стоящие на маленьких скамеечках, как на котурнах, наблюдатели порядком устали. Два часа длится операция, а конца не видно. Время от времени в тишине операционной раздается солидное покашливание.

— Ну как? — спрашивает профессора один из наблюдающих.

— Нормально,— бросает отрывисто Богуш.

До сих пор он вел операцию по проторенному пути: все, что сделано за два часа, ничем не отличается от того, что ему много раз приходилось делать раньше.

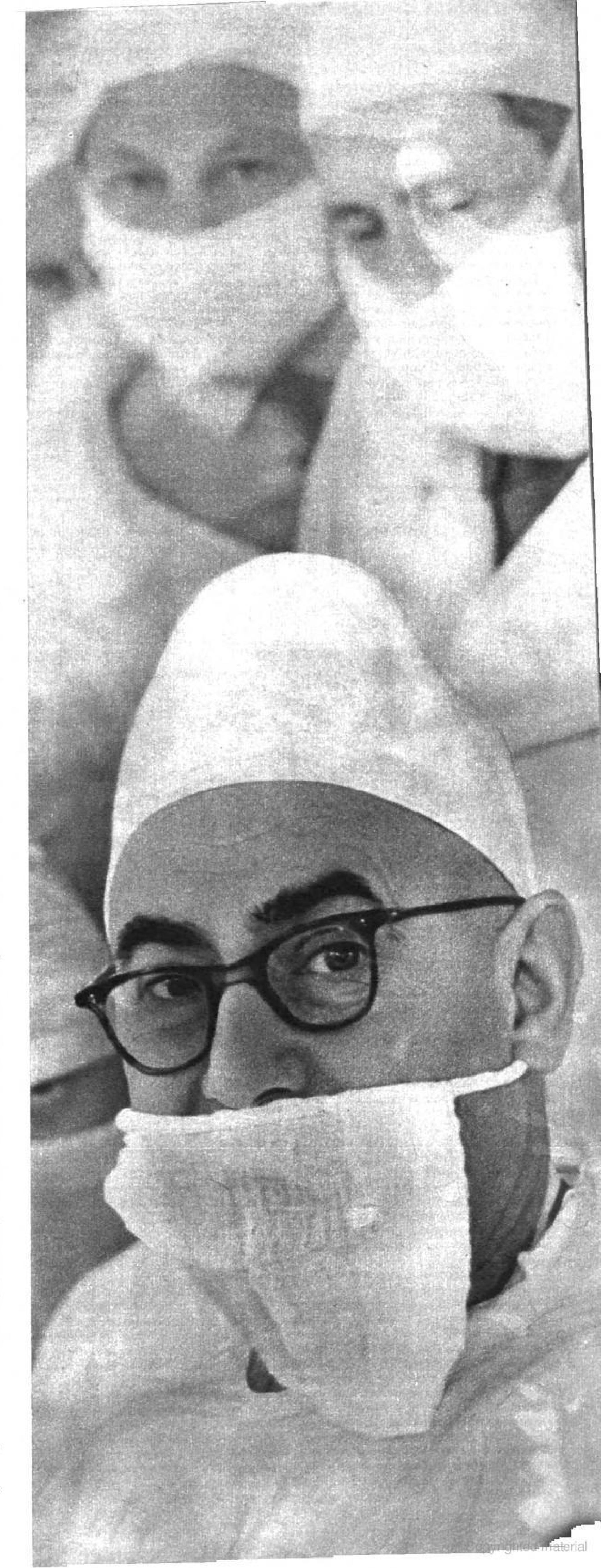
Разделены сращения, связывавшие легкое с грудной стенкой. Сколько их было! Все легкое целиком выделено, как говорят хирурги, мобилизовано. Пробит широкий и удобный доступ к корню легкого. Глазу открылось обнажившееся сердце. Его толчки часты, но ритмичны.

Профессор приступил к обработке корня. Сложная работа, очень сложная... Как через подземную трубу проходят многожильные кабели городских коммуникаций, так корень пропускает через себя все жизненные коммуникации между сердцем и легким. Вены, артерии и бронх... Корень надо пересечь, а для этого необходимо сначала наложить лигатуры, попросту перевязать, затем рассечь и зашить каждый из элементов отдельно.

Богуш начал накладывать лигатуры на верхнедолевую вену. Лицо Д. приняло восковой оттенок. Кровяное давление упало. Неужели шок? Нужно добавить анестезии.

— Шприц!
И еще команда:
— Камфара!
Надо бы сделать маленький перерыв — так вернее избежишь беды,— но ведь, возможно, это и не предвестник шока... Профессор на минуту застыл без движения, наблюдая за сокращениями сердца. В этот момент за спиной у него раздраженный голос довольно громко сказал:
— Может быть, вы прекратите операцию?
— Продолжаем! — Профессор обращался не к нему — к своим ассистентам.
Вена рассечена и зашита.
Перевязана артерия. Кровяное давление больше не понижается. Но на всякий случай усилить анестезию, ускорить переливание крови!
Наступил один из самых ответственных моментов операции. Сейчас будет рассекаться артерия. Вот профессор выделяет сосуд.
— Ножницы!
Затем:
— Шить!
Сестра подает иглодержатель с иглой и ниткой.
Быстро работают пальцы. Стежок, еще стежок... Концы нити перехлестнуты. Затянут узел. Готово! Шов крепкий.
Следующий шаг — бронх. Здесь следует наложить несколько швов, чтобы сделать культю бронха полностью герметичной для воздуха... Обработан и бронх.
Наконец, нижняя вена. И тут произошло несчастье.
Когда профессор рассек сосуд и уже готовился наложить шов, перевязка-лигатура соскочила с коротенькой, всего сантиметра в полтора, культи вены. Кровь хлынула из сердца, залив все видимое поле операции. Это была катастрофа. Как поймаешь прыгающий где-то там, в крови, скользкий маленький отросточек скользкими пальцами?! Несколько секунд — и смерть неизбежна. И виноват он, профессор Богуш, который плохо наложил лигатуру. И из-за этого погибнет человек!
За спиной профессора снова раздался голос:
— Кончайте операцию! Она мертва! Прикажите зашивать!
Богуш стоял, окаменев. Что ответить на эту чудовищно неуместную выходку, почти истерику? Ведь даже в компании играющих в городки не принято говорить друг другу под руку. Ведь человек, лежащий на столе, не под наркозом, он слышит.
— Прошу не мешать! — охрипшим вдруг голосом сказал Богуш.
Он быстро вдвинул левую руку туда, в темную бездну, где на последнем пределе билось слабеющее сердце. Чуткость всех его нервов сосредоточилась в пальцах — и он поймал трубочку вены. Сила всех его мышц перелилась в пальцы, в скользкие пальцы, нашедшие скользкий кончик вены, и он немыслимо крепко сжал их.
Это не фантазия: профессор сумел наложить шов на вену одной рукой, держа ее другой.
Конец операции прошел при гробовом молчании наблюдавших. Никто ни разу не позволил себе кашлянуть.
Когда профессор вышел из операционной, его левую кисть сводило судорогой. Еще не вымыв руки, он попросил дать ему сигарету. Он работал 4 часа 12 минут.

Минуло пятнадцать лет. За это время борьба с туберкулезом приняла самый решительный характер. Советская медицина дает болезни генеральное сражение. И, как говорится в таких случаях, в передовых рядах бойцов идут хирурги. Профессор Лев Константинович Богуш выполнил уже много сотен удачных пневмоэктомий, разработал свои оригинальные методы операции. Именем Богуша названы несколько операций, в числе их: перевязка вен, гидравлическая препаровка плевральных сращений, расширенная торакопластика при гнойных плевритах, вскрытие каверн и другие. Десятки молодых хирургов, учившихся у него, работают в самых разных концах страны и за ее рубежами.
«За разработку и внедрение в широкую медицинскую практику оригинальных методов хирургического лечения заболеваний легких» — так мотивировано присуждение Ленинской премии Л. К. Богушу и его товарищам-коллегам докторам медицинских наук Николаю Михайловичу Амосову, Николаю Варденовичу Антелаве, Ивану Степановичу Колесникову, Борису Эдмундовичу Линбергу, Виктору Ивановичу Стручкову, Федору Григорьевичу Углову. Не хотелось бы говорить громких слов, но поистине достойны награды те, кто во имя человека не боится идти нехоженым путем.
Ольга Васильевна Д. жива-здорова, чувствует себя хорошо. Она время от времени пишет Льву Константиновичу письма, обязательно поздравляет с каждым праздником. Нет-нет да и вспомнит день операции, такой тяжкий для них обоих. Но в конце-то концов все то, что окрашивало его в мрачные тона, стерлось, и у Льва Константиновича осталась лишь радость: вот жив же человек, бодр и жизнерадостен. И это ему награда, пожалуй, не меньшая, чем премия.
Теперь объясним происхождение двух строф, поставленных эпиграфом к очерку.
В день пятидесятилетия Льва Константиновича коллеги-врачи преподнесли ему шуточный адрес. Он начинался этими двумя строфами и был довольно длинный. В нем сквозило большое, искреннее уважение к профессору, восхищение перед его искусством. Кто сочинял стихи, осталось неизвестно, но, кто бы он ни был, у автора хватило вкуса избежать напрашивающегося и потому сомнительного обыгрывания слов «Богуш» и «бог». Мысль автора была проще и сводилась к следующему: для того, чтобы изъять ребро и закрыть каверну, нужна только соответствующая техника исполнения, но для того, чтобы врачевать, как Богуш, нужен великий талант и широкая душа. И мне нечего к этому добавить.

Профессор Л. К. Богуш.
Фото Г. КОПОСОВА.

Старик и генерал

Вошел старик. Комковатая, полуседая, полурыжая борода, свалявшиеся волосы, изможденное, в синеватых прожилках лицо и безмерно усталые, слезящиеся глаза... Ватник, порванный на локтях, ватные брюки с заплатами на коленях, расхлюстанные валенки, обклеенные внизу резиной от автомобильной камеры... Шапку собачьего меха, изъеденную молью, старик перебирал неестественно скрюченными пальцами.

Он молча стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу, устремив на генерал-полковника взгляд, полный безразличия. Он лишь отметил про себя, что этот сгорбленный человек — генерал-полковник, — давно не брился, что китель его сильно помят и помята шинель, а глаза, рассматривающие его, холодные, серые глаза, тоже не слишком веселы.

Адам, принесший блюдо с жареной кониной и капустой, вытянул из бутылки пробку, налил в стакан шнапса.

— Ауфвидерзеен? — тихо сказал старик.

— Варум? — Генерал-полковник пожал плечами.

— Ауфвидерзеен,— повторил старик, пожевал губами и, поглядев на потолок, замолчал.

— Он что, не хочет разговаривать со мной, Адам?

— Нет, эччеленца, старик повторяет это слово просто так. Думается, это — единственное, что он знает по-немецки. — И, предваряя вопросы шефа, добавил: — Ему шестьдесят три года. По его словам, он работал на тракторном заводе слесарем, сейчас на пенсии. Его зовут Иван Скворцов. Точнее, Иван Фомич Скворцов. Он живет в землянке, в сорока минутах ходьбы отсюда. Хайн украл гуся у него. Я обнаружил в землянке связку дров и ничего больше.

— Ничего?

— Да. Он спит в том, в чем ходит. Ни подушки, ни одеяла. Ничего.

Старик все еще стоял, понурив голову, не проявляя никакого интереса к людям, разговаривавшим на языке, ему непонятном. Пальцы, перебиравшие шапку, привлекли внимание генерал-полковника.

— Подагра? — спросил он, обращаясь к Адаму.

Адам перевел старику вопрос. Он неплохо говорил по-русски.

Старик поглядел на пальцы, помотал головой.

— Проволока.

Адам спросил еще что-то, старик отвечал нехотя.

— Он сказал, что пальцы скрючены от проволоки. Его допрашивали, связав руки проволокой.

Генерал-полковник на миг закрыл глаза.

— Наши допрашивали?

— Разумеется, эччеленца.

— Спросите его, почему ему перекручивали пальцы во время допроса и были ли такие случаи с другими русскими.

Старик присел на краешек табуретки, провел ладонями по волосам, приглаживая их. Шапку он положил на стол. Адам взял ее двумя пальцами и осторожно переложил на подоконник. Потом заговорил со стариком.

— Он сказал, эччеленца, что у него хотели узнать, где прячутся комиссары и евреи. Он говорит, что так допрашивали всех русских, но тем не повезло, а его отпустили. Он три дня провел в бункере эйнзатцкоманды со скрученными пальцами.

— Так.— Глаза генерал-полковника снова закрылись.— Пусть он поест, потом я поговорю с ним.

Адам перевел.

Старик принялся есть. Ел он медленно, основательно; не поморщившись, выпил стакан шнапса.

Адам молча прохаживался по комнате, изредка бросая взгляд во двор, где густо шел снег, закрывая все видимое. В городе гулко ухали орудия и слышалось визжание мин.

Старик ел, не обращая внимания на то, что происходило в комнате и на улице. Он аккуратно цеплял вилкой капусту, отрезал куски мяса и прожевывал их неторопливо. Ему некуда было спешить. Хотя он не знал, зачем его позвали к немецкому генералу, но был спокоен: немцы не кормят тех, кто должен умереть. Стало быть, смерти не будет. Остальное не тревожило старика. Всякие слухи доносились до него. Он знал, что гитлеровцам скоро конец. «Едят конину. И, поди, не от сладкой жизни генерал забрался в эту собачью конуру. Сидит на койке, нахохлившись, думает что-то про себя. Думай не думай, каюк вам. Вам каюк, а я выживу, если не рассерчают и не прикажут застрелить. Да не стоят они того, чтобы за неосторожное слово отдавать жизнь! Он хочет увидеть конец этого горя, он хочет увидеть с в о и х. Они скоро придут. Тогда можно помереть».

От выпитого шнапса старик повеселел.

— Благодарствую.— И отодвинул очищенное им блюдо, после чего вытянул из кармана бумагу и принялся свертывать цигарку.

— Он благодарит вас, эччеленца.

Генерал-полковник перебрался к столу. Старик, поняв, что с ним будут разговаривать, сел так, чтобы быть лицом к лицу с генералом.

Тот взял со стола бумагу, сложенную для цигарок, как складывают ее курильщики махорки, и машинально развернул. Немецкий текст. Листовка. Подпись коменданта — штандартенфюрера СС. Приказ о том, что каждому, кто перейдет Аральскую улицу, уготован расстрел.

— Вы читали это, Адам? — передав бумагу адъютанту, спросил генерал-полковник.

— Да, эччеленца. Такие приказы развешаны почти на каждой улице.

— Значит, русским запрещено ходить на любой из здешних улиц?

— Вероятно.

Молчание.

— Спросите, чем он занимается в настоящее время.

— Живу,— ответил старик.—Живу.— И широко улыбнулся.— Вот живу, значит.—Шнапс и еда согрели его, поговорить с генералом можно... Почему бы и нет?

— Приболел, видно, генерал? — обратился он к Адаму.

Узнав, что генералу нездоровится, старик соболезнующе покачал головой.

— Климат не тот для вашего брата. Слышал, у вас там таких зим в глаза не видывали. Лютые у нас зимы. А уж в степу в студеный день да при ветерке!.. Боже упаси быть в такие дни в степу! Сразу в сосульку преобразуешься. Нам-то привычно. Твердые мы, очень твердые. Нас не согнешь.—Он поглядел на свои пальцы и добавил: — Не согнешь.

Адам переводил речь старика. Генерал-полковник слушал. Старик затянулся и закашлялся. Табачного запаха генерал-полковник не ощутил.

— Спросите, что он курит.

Старик с готовностью снова вытянул засаленный кисет, вынул из него щепоть чего-то бурого, вовсе не похожего на табак.

— Это лопушок, с лета заготовленный. Ботва тыквенная и еще кое-что. Одним словом, сборная солянка.—Он подмигнул генерал-полковнику.— Если желательно, отведайте нашего военного табачку, господин генерал.

Генерал-полковник пожелал отведать, но свертывание цигарки ему не удавалось. Старик ловкими движениями изуродованных пальцев свернул козью ножку.

— Может, господин генерал брезгует, так что пусть сам послюнявит кончик.

Генерал-полковник, видевший, как старик слюнявил конец цигарки, последовал его примеру, затянулся и сразу зашелся отчаянным кашлем.

— Вот то-то и оно! — поучительно проговорил старик.— Не для вашего это естества. Не скажу, чтоб оно какое-то особенное, но все-таки... Так сказать, приучены к всеразличным обстоятельствам. Мы тут лет двенадцать назад ставили тракторный завод. Что мы пережили в те времена в отношении трудностей — пересказать возможности нет. Однако пережили. Конечно, власть очень содействовала, чтобы все-таки люди жили по-человечески, невзирая на героизм. Особенно молодежь была с энтузиазмом. Но мы тоже не отставали. Все утруждали себя до седьмого пота. Погодя обучались, да и техники поприбавилось. Одним словом, легче стало.

Адам вполголоса переводил. Генерал-полковник с лицом, ничего не выражавшим, слушал, не перебивая старика.

— Тракторный завод наш, кабы вы его не разбили, стоял бы по сию пору. Простите за слово, вот теперь, как покончим с вами, опять придется тракторный ставить. И город, надо думать, воспроизведем сызнова. Ямки сравняем подчистую.— Старик задумался.— А может, кое-какие ямки оставим для показа поколению,— добавил он, глядя вдаль.

— О каких ямах он говорит, Адам?

— Обыкновенные, господин генерал, земляные,— заговорил старик, выслушав Адама.—

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—25.

Народ там захоронен. То есть те, кому, значит, не повезло после допросов. Много тут таких ямок, господин генерал, ох, много! Мужчины наши до последнего вздоха были вашими супротивниками, как, скажем, двое моих ребят. Хотели уйти к своим, а их поймали ваши — и, значит, в ямку, поскольку ребята добровольно объявили, что они коммунисты, хотя и не состояли до того в партийных рядах. И всяких других безвинных — женщин и детей, к примеру,— туда же отправляли, в ямки, ваше высокопревосходительство.

— Как? — переспросил Адам.

— Виноват, употребил выражение из царской армии. Служил в пехоте, дрался с вами в четырнадцатом, генерала мы обыкновенно звали «ваше высокопревосходительство».

— Что такое, Адам?

Адам объяснил.

— Хорошо, пусть говорит. Пусть говорит все, что хочет.

— Слушаюсь. Господин Скворцов, продолжайте.

— Да какой же я господин? — рассмеялся старик.— Сроду им не был. Господами у нас заводчики были, да и тех прогнали. Я Скворцов. Другой статьи вы люди... Да если б я узнал, что сын мой загнал безвинную женщину в бункер, руки ей назад заломил и прочие надругательства совершил, я бы задушил его собственными руками. А деток? Деточек зачем губили? Для чего деточек-то умучи-

Николай ВИРТА

Повесть

Рисунки И. Гринштейна.

вать? — Старик повысил голос и вдруг замолк.— Не пристрелит он меня за такие выражения?

— Нет,— заверил его Адам.— Не беспокойся.

— И на том спасибо. Но скажи ты ему, своему генералу: не только перед людями придется ему держать ответ за умученных деточек и безвинных женщин, но и перед богом, если таковой, как доказывают попы, существует. И скажи еще: не хватит у вас рабочей силы, хоть со всех краев ее сгоните, и лопат не хватит, чтобы выкопать ямки для всей России. Много нас, очень нас много, господин немецкий генерал. Всех в ямку не утрамбовать.

Генерал-полковник молчал. Левый глаз дергался, причиняя ужасную боль. В бога он не слишком верил: существует он или не существует, как сказал этот старик, кто ж знает! Ответ перед людьми — вот что его страшило.

— Я хочу посмотреть ямы,— сказал он Адаму.

— Не стоит, эччеленца.

— Я пойду к этим ямам. Молчать! — гаркнул генерал-полковник.

Старик вздрогнул от бешеного крика немца, но, поняв, что это не относится к нему, не спеша свернул еще цигарку.

— Извините, Адам, нервы,— пробормотал генерал-полковник.— Вызовите людей с лопатами, пусть вскроют ямы, которые покажет старик. Приказываю, чтобы штандартенфюрер СС и начальник эйнзатцкоманды присутствовали при вскрытии ям.

— Разрешите доложить, эччеленца. Начальник эйнзатцкоманды был найден повешенным месяца два назад. Повесили его, разумеется, русские. Начальство над эйнзатцкомандой из-за нехватки людей принял на себя штандартенфюрер СС, комендант города.

— Тем лучше. Тем лучше, черт побери! Итак, скажите старику, чтобы он проводил меня, вас, Шмидта и людей с лопатами к любой яме.

— В городе идет бой, эччеленца,— еще раз попытался Адам отговорить шефа от опасного путешествия.

— Это не имеет значения. Переведите старику мое желание. И скажите ему, что я готов к ответу перед богом и людьми, если то, что он говорит, правда.

Адам перевел.

Старик усмехнулся.

Ямка

Шел двенадцатый час. Снег перестал идти. Грохотали пушки и выли мины, взрывая снег и сея смерть.

Советские наблюдатели заметили офицеров, идущих гуськом, обходивших бомбовые воронки, развалины домов и перебиравшихся через согнутые трамвайные рельсы. По квадрату, отмеченному наблюдателями, открыли огонь.

Генерал-полковник шел за стариком. Позади шагали комендант и Адам, потом мрачный, втянувший голову в плечи Шмидт, Хайн, и восемь саперов с лопатами и кирками. Все «кланялись» несущимся пулям или бросались наземь, когда снаряд взрывался близко.

Только генерал-полковник шел, выпрямившись во весь рост, нахлобучив мохнатую шапку на уши.

Он молил бога прикончить его снарядом, пулей или миной, но бог, если он «существовал», выражаясь языком старика, очевидно, вознамерился на этот раз проявить мудрую справедливость, заставив генерала сначала предстать перед людьми и перед ними держать ответ.

Снаряды и мины неслись и рвались кругом. Один сапер, схватившись за живот, упал. Генерал-полковник не обернулся. Он шел вперед, а смерть обходила его стороной.

Старик, равнодушный к смерчу, свирепствовавшему вокруг, шлепал по снегу, с легкостью перепрыгивал через груды кирпича. Пули, цокавшие о замерзшие трупы солдат, осколки мин, разрезавшие воздух с злобным шипением, рвущиеся снаряды, вздымающие тучи снежной пыли, казалось, забавляли его. Он посмеивался в бороду и время от времени останавливался, чтобы выбить из кремня искру и закурить.

Минут через пятьдесят старик повернул в тупик, заваленный остатками кирпичного здания. В глубине двора он остановился и показал на кучу щебня.

— Вот тут ямка.

Генерал-полковник, прислонившись к полуразрушенной стене, пропустил мимо себя штандартенфюрера СС, Адама, сумрачного Шмидта, беззаботно посвистывавшего Хайна и саперов.

— Рыть! — приказал он.

Старик отошел от груды щебня и стал рядом с генерал-полковником. Генерал вынул две сигары, одну передал старику. Тот недоуменно повертел ее в руках. Генерал-полковник надкусил кончик сигары. Старик сделал то же. Генерал-полковник поднес ему зажигалку. Старик прикурил. То же сделал генерал-полковник.

Хайн, попыхивая сигаретой, стоял рядом с генерал-полковником; Адам на противоположной стороне ямы вполголоса переговаривался со Шмидтом. Комендант присел на отвалившуюся часть стены и, повесив голову, молчал. Он не глядел на саперов, которые били кирками смерзшуюся землю, выворачивая глыбы ее и отбрасывая в сторону щебень.

Яма оказалась большой: пока ее вскрыли, прошло не меньше часа. Канонада не прекращалась.

— Похоже, что на этот раз они действительно готовятся к атаке,— сказал, ни к кому не обращаясь, генерал-полковник.

— Скорей бы,— интуитивно догадавшись, о чем идет речь, со вздохом проговорил старик.

— Готово! — Один из саперов бросил кирку, отошел от ямы, сел и закурил. Остальные саперы присоединились к нему.

Генерал-полковник с трудом оторвался от стены. Ноги казались ему слоновьими, внутри все сжалось, сердце бешено колотилось: он знал, что увидит в яме.

Трупы лежали вперемешку, навалом: мужские, женские и детские. Руки трех женщин были заломлены назад и перекручены проволокой.

Вот женщина, распластавшись и раскинув руки, лежит, устремив глаза к небесам, словно моля их и людей об отмщении, а рядом, прижавшись к ней, синеватое тельце годовалого ребенка с размозженным черепом и ручонкой, крепко зажавшей клок материнских волос.

К яме подошел Хайн и, поглядев вниз, свистнул. Генерал-полковник закатил ему пощечину.

Хайн, схватившись за щеку, охнул. Что-то хрюкнул стоявший на противоположном краю ямы Шмидт. Старик не подошел к яме: сколько видел он их! Сколько ям пришлось рыть ему и хоронить убитых или повешенных в комендатуре! Вон тот толстый сукин сын выгонял старика из землянки, совал ему в руки кирку, вел куда-то и приказывал рыть. Однажды кто-то из тех, кого послали рыть ямы, сказал, косясь на коменданта:

— Скотина!

— Скотина? Да разве скот позволит себе такое, что делает этот сукин сын?! — ответил тогда старик.

Генерал-полковник, вспомнив, что здесь присутствует свидетель его справедливости, медленно снял шапку и постоял несколько минут молча над ямой.

— Сколько там людей? — спросил он потом.

— Кто ж знает, эччеленца?

— Должен знать штандартенфюрер СС. Комендант, подойдите!

Комендант, помедлив, поднялся и подошел к командующему, лицо которого застыло, как лица трупов, что были там, в яме.

— Сколько их в яме?

— Н-не знаю.— Дрожь проняла коменданта от мертвенного взгляда генерал-полковника.

— Но ведь вы убивали, вешали и терзали этих людей и детей, негодяй! — во всю силу легких выкрикнул генерал-полковник.— Переведите старику, Адам! Вот этот человек губил невинных русских людей, и он понесет ответ.

Адам перевел. Старик усмехнулся.

— Да все вы виноваты,— отмахнулся он.— Что этот, что тот. Один в одного.

Этих слов Адам не перевел. Он не хотел вконец портить настроение шефу.

— Рыть глубже, что ли? — недовольно буркнул один из саперов, берясь за кирку.

— Не надо,— остановил его Шмидт.

— Сколько их здесь? — повторил генерал-полковник голосом ровным и скучным.

— С полтыщи наберется,— сказал старик.

— Что он говорит, Адам?

— Около пятисот человек, эччеленца.

— Прошу вас ответить, господин штандартенфюрер: сколько тут евреев, коммунистов и комиссаров? Быть может, эта женщина — комиссар? Или вот тот ребенок был коммунистом? Адам, переведи все это старику.

Комендант молчал.

— Хайн, маузер!

Хайн трясущимися руками вытащил маузер из кобуры и передал генерал-полковнику.

— Адам! Когда этот человек будет мертв, вы поставите его труп в центре города, а на шею повесите извещение, что он расстрелян за злодейскую расправу над мирными русскими людьми.

— Господин генерал-полковник...— начал Шмидт.

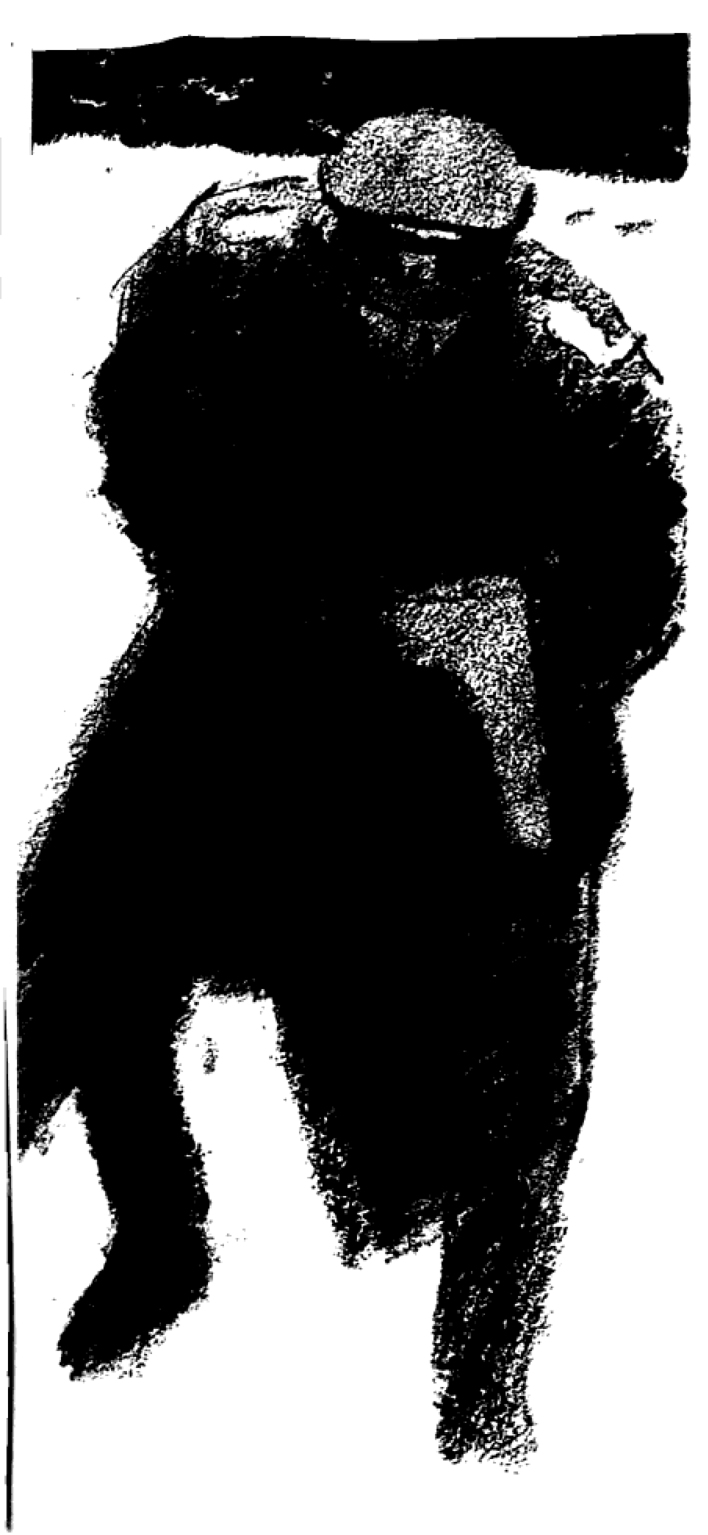
— Молчать! — сквозь зубы проговорил генерал-полковник.— Комендант, что бы вы хотели сказать на краю могилы?

— Что вы ответите за мою смерть. Что вы р-разделите со мной ответ на том свете, в-вернее всего, перед сатаной. Что я с радостью прыгну в эту яму, будучи счастливым, что на м-моей душе по м-меньшей мере д-двести тысяч душ этой падали!

Генерал-полковник сказал:

— Стойте прямо и глядите мне в глаза. Я хочу видеть, как умеют умирать лучшие люди германской расы. Адам, переводите. Да переводите же, черт побери! И когда ваша

душа, комендант, если, разумеется, она есть у вас, вознесется к сатане, скажите ему, что вы достойны занять первенствующее положение среди самых отъявленных негодяев, попавших в ад.

Генерал-полковник поднял маузер. Штандартенфюрер СС закрыл лицо ладонями. Сквозь пальцы струился пот. Шмидт, Хайн и Адам отвернулись. Саперы курили. Попыхивал сигарой старик. Грохали и грохали орудия и несли из-за Волги смерть и разрушения.

«Кого я хочу убить? — молнией пронеслась мысль в голове генерал-полковника.— И зачем мне убивать его? Мертвые молчат. А этот должен жить, попасть к русским в плен, уж об этом-то я позабочусь... И пусть там ответит за эти ямы!»

Выстрела, ожидаемого всеми, не последовало: генерал-полковник опустил маузер.

— Нет,— заговорил он.— Нет, для вас это будет слишком легкий расчет. Адам, скажите старику,— генерал-полковник кивнул в его сторону,— что я приказывал и приказываю убивать вооруженных русских, равно как и они убивали и убивают нас. Но я не приказывал пытать, вешать и стрелять мирных людей. Однако я должен был знать, что делается рядом со мной и за моей спиной. Я не знал, точнее, знал не все. Итак, если мне не суждена смерть от русской пули или бомбы, я, и этот мерзавец, и еще кое-кто из стоящих рядом со мной ответим перед судом людей.

Адам переводил. Хайн вздыхал. Шмидт сидел, насупившись. Намек генерал-полковника на «стоящих рядом» озадачил его. По-прежнему молча курили саперы, а штандартенфюрер СС как упал на насыпь, так и лежал без движения.

Хмурые небеса нахохлились над городом. Шел реденький снег. Канонада сотрясала воздух, в ушах рвалось, пахло гарью.

— Так что прощайте пока! — Старик выплюнул сигару и неторопливо ушел.

Отдав маузер Хайну, поплелся к себе и генерал-полковник. В молчании следовали за ним Адам и Хайн.

Командующий вышел на площадь к фонтану. Его окружали детские фигуры, сделанные из гипса. Снаряды оторвали им головы. Этот безголовый детский хоровод напомнил генерал-полковнику яму.

Его тошнило.

Перед концом

Разговор происходил в приемной.

— Перестаньте морочить мне голову, Шмидт! — с презрительной гримасой говорил генерал от артиллерии Зейдлиц-Курцбах, командир 51-го корпуса.

Это был, пожалуй, единственный человек, сохранивший здравый смысл, давно утерянный офицерами штаба армии.

— Мне надоели ваши нравоучения. Я не мальчик в коротких штанишках, черт побери, и не мне слушать ваши моральные наставления! В нашем положении возможны только два решения: или Брежно, когда войска генерала Лицмана, окруженные под Лодзью — это было, если не ошибаюсь, в феврале 1915 года,— вырвались из котла, подобного нашему... Или же нам предстоят Канны. Ничего другого быть не может.

— Да, да, я читал преступную докладную записку, составленную вашим начальником штаба полковником Клазиусом. Командующий дал санкцию снять Клазиуса, назначить его командиром полка, чтобы он кровью искупил вину перед фюрером! — в бешенстве проговорил Шмидт.

— Вина перед фюрером! — взъелся Зейдлиц-Курцбах.— Вина перед фюрером, вы слышите, Адам?

— Я прошу вас говорить потише. Генерал-полковник спит. Он очень плохо себя чувствует.

— Какая заботливая нянька вышла бы из вас, полковник Адам! — пробурчал Шмидт.

Зейдлиц-Курцбах сидел верхом на парте. Шмидт стоял, вжавшись в угол. Вокруг было темно и пахло плесенью.

Зейдлиц-Курцбах понизил голос.

— От того, снимете вы моего начальника штаба или нет, положение не изменится. Нельзя было с самого начала идти наобум вперед и вперед, не имея резервов и обеспеченных флангов. Русские разгромили румын, итальянцев, теперь принялись за нас. Мы потеряем на днях последний аэродром и останемся даже без того чудовищно мизерного рациона, которым пользуемся сейчас. Операция Манштейна провалилась. Наши отходят с Кавказа... Может, вы предложите выход?

— Именно? — процедил Шмидт.

— Да ведь нас обрекли на гибель во имя престижа одного человека.

— Я не желаю слушать подобные речи! — взвился Шмидт.— Вы недалеки от измены, господин генерал!

— Ш-ш! — Адам поднял палец.

— Я гораздо ближе к смерти, господин Шмидт. Вы сидите за толстыми стенами — я в землянке, выкопанной в балке.— Зейдлиц-Курцбах гневно отбросил окурок.— Называйте, черт побери, мои слова, как вам вздумается, но я стою на своем: наше командование совершило трагическую ошибку, недооценив мощь Советов.— Возвращаясь к ранее высказанной мысли, он добавил: — В военном деле не должно быть места вопросам престижа. И я вам заявляю, после чего вы вольны расстрелять меня, что слова фюрера о том, чтобы немецкий солдат стоял здесь и здесь остался, преступны.

— Что ж,— с напускным хладнокровием пробормотал Шмидт,— уж теперь у меня нет никаких сомнений в том, что вы изменник. Вы ответите за эти слова перед фюрером.

— Вряд ли мы его увидим,— с невеселым смешком сказал Адам.

— Фюрер, фюрер! — в бешенстве заговорил Зейдлиц-Курцбах.— Я уверен, черт побери, что недалеки те времена, когда миллион преступников, окружающих фюрера, чтобы обелить себя, все свалят на него.

— Вам остается только одно: сдаться русским.

— Да, это был бы самый разумный шаг в моей жизни, Шмидт,— сумрачно заметил Зейдлиц-Курцбах.— Но во мне еще сидит вовсе не нужное теперь чувство долга. Не перед фюрером, я отрекаюсь от него, слышите, Шмидт? Я солдат и, увы, привык к подчинению. Но если бы командующий сказал мне: вы свободны в своих действиях, Зейдлиц,— я бы стянул с себя панталоны, ибо другой материи для белого флага у меня нет, и, прицепив их к палке, вышел бы к передовым позициям русских.

Адам, как ни тяжел был разговор, рассмеялся, представив генерала с развевающимися на палке подштанниками. Шмидт тоже фыркнул.

Зейдлиц-Курцбах слез с парты, размял плечи, прошелся по комнате.

— Долго будет спать командующий, Адам?

— Кто знает.

— А морозы все сильнее,— заметил Зейдлиц-Курцбах.

— Господи! Страшно представить, что только терпят солдаты там,— заметил, сурово нахмурившись, Адам.

— Да, да, холод ужасный, и я решил не бриться,— сказал Шмидт.— С бородой как-то теплее, вы не находите?

— Очередная оригинальность,— сквозь зубы процедил Адам.— Вам холодно! А каково тем, кто в блиндажах и траншеях?

— Они начинают потихоньку вылезать из своих нор и сдаваться,— заметил Зейдлиц-Курцбах.— Кстати, Адам, спросите командующего, что делать с русскими пленными. Мне нечем кормить их. Конина на исходе.

— Хорошо.

— Я принес подарок командующему.— Зейдлиц-Курцбах вынул из кармана продолговатую пачку.

— Что это? — спросил Шмидт.

— Печенье.

— Позвольте, позвольте! — заторопился Шмидт. Он вынул очки и принялся рассматривать пачку печенья.— Чье это изделие? Не французское ли?

— Нет.— Адам прочитал надпись на пачке.— Это русское. Как оно попало к вам?

— Адъютант нашел в блиндаже, покинутом русскими солдатами.

Шмидт вскрыл пачку, попробовал печенье.

— Прелесть, черт побери! Что-то с кофе или с какао. Однако они мастера, эти русские!

— У русских вообще превосходная еда,— авторитетно заметил Адам.— Я как-то обедал у русского военного атташе в Берлине. Какие там блюда, какая рыба!.. А водка!..

Шмидт сладострастно зацокал языком. Русскую водку он пил не раз и находил, что лучше ее ничего из спиртного во всем мире нет.

Вошел офицер и что-то шепнул Шмидту на ухо. Тот вскочил, судорожно рванул дверь и выбежал в коридор.

— Что такое? — насторожился Адам.

— Может быть, какой-нибудь радиоперехват.— Зейдлиц-Курцбах прикурил от сигареты Адама.— Скажу по секрету, Адам, в армии началось повальное разложение. Только такие негодяи, как Шмидт, озабоченные спасением своей шкуры, не хотят замечать чудовищного упадка дисциплины в армии. Вчера вы слышали: генерал Даниэльс сдал свою дивизию русским.

— Полно вам!

— Да, да, с дивизионным оркестром вышел на передний край, выкинул белый флаг и первым отдал русским оружие. Неужели это скрыли от командующего? Да, слушайте, мне рассказали историю с комендантом города... Чем все это кончилось?

— Назначен новый комендант. На днях он получил приказ Гиммлера сжечь все трупы, а кости раздробить. Прислана специальная костедробильная машина. Это они посылают нам вместо еды.

— Все ямы не вскроешь, Адам, и все трупы не сожжешь. Тяжел будет ответ нашего народа за все это. Мы восстановили против себя почти весь мир.

Шмидт бурей ворвался в приемную.

— Немедленно будите командующего,

Адам! Русские предлагают нам почетную капитуляцию.— Руки Шмидта тряслись, тряслась листовка, которую он держал.— Вот это они сбрасывают с самолетов.

Адам торопливо ушел в комнату командующего.

— Хо-хо! — весело сказал Зейдлиц-Курцбах.— Пока мы думали-гадали о выходе из положения, его придумали за нас русские.

— Отстаньте! — окрысился Шмидт.— Впрочем, теперь у нас есть шанс...

— Спасти шкуры?

— ...жизни тысячам солдат, с вашего разрешения.

— Полно вам притворяться, Шмидт! Много вы думаете о солдатах, покуривая сигары, попивая бразильский кофе и французский коньяк!

— Генералу надлежит быть там, где его часть,— с намеком прошипел Шмидт.

— Ничего, я еще успею попасть в свою часть к моменту капитуляции.

— Господи,— вдруг прорвалось у Шмидта,— хоть бы кто-нибудь из разумных людей посоветовал фюреру принять капитуляцию!

— Ага! — рассмеялся Зейдлиц-Курцбах.— И вас проняло?

— Прошу,— сказал Адам, появляясь в дверях.

Шмидт первым вбежал в кабинет командующего. Неторопливо прошел за ним Зейдлиц-Курцбах. Адам прикрыл дверь.

— Вот... Вот бумага!— глотая слова, прокричал Шмидт.— От командования русского фронта...

Генерал-полковник поморщился.

— Ну, это еще не предлог, чтобы кричать на весь подвал, Шмидт.— Он обернулся к Зейдлицу-Курцбаху, протянул ему руку.— Спасибо за новогоднее шампанское.

— Я не мог прийти к вам, как обещал. Был болен, господин генерал-полковник.

— Бумагу, Шмидт!

Вооружившись очками, генерал-полковник сел за стол и начал читать листовку. Остальные стояли за его спиной в полном молчании.

Листовка читалась долго. Потом генерал-полковник, аккуратно сложив ее, отдал Шмидту.

— Они требуют безоговорочной капитуляции, гарантируют солдатам и офицерам сохранение жизни и сразу же после окончания войны возвращение в Германию.— Генерал-полковник помолчал.— Завтра, девятого января, в десять ноль-ноль мы должны дать ответ. Если он будет отрицательным или если мы не пошлем парламентеров... Господа генералы, вы сами понимаете, что за этим последует.

— Стало быть, их разведке известно, в каком мы положении,— задумчиво сказал Зейдлиц-Курцбах.

— Нет, нет, вздор! Им просто очень важен этот узел железных дорог,— поспешно возразил Шмидт.

— Какая разница! — отмахнулся Адам.

— Большая, очень большая.

— Перестаньте! — остановил их генерал-полковник. Он сидел, устремив взгляд во двор. Долго он молчал, потом повернулся к Зейдлицу-Курцбаху: — Вы верите их словам о том, что они озабочены прекращением кровопролития?

— Почему бы и нет? Разве им не дорога жизнь каждого солдата, как и нам с вами, господин командующий?

— Это не в лесть вам,— начал генерал-полковник,— но я считаю вас, Зейдлиц, самым порядочным и самым благоразумным человеком из моих генералов. Как бы вы поступили на моем месте?

— Я бы употребил все красноречие,— с жаром отвечал Зейдлиц-Курцбах,— чтобы убедить фюрера в бесполезности сопротивления. Господин командующий, армия разлагается, люди сдаются в плен без всяких приказов, генерал Даниэльс сложил оружие и оголил фронт...

— Я не был осведомлен об этом.— Генерал-полковник перевел суровый взгляд на Шмидта.— Почему мне не сообщили об этом?

— Даниэльс сдался с дивизией утром. Вы еще спали. Я не успел сказать вам.

Шмидт порозовел, ибо лгал.

— Скажу больше,— спрятав насмешку, продолжал Зейдлиц-Курцбах.— Если начнется наступление, оно будет жестоким: русские поставят целью как можно быстрее разделаться с нами, высвободить свои армии и усилить натиск на фронте, который и так уже трещит.

— Мы могли бы пробиться к своим,— задумчиво сказал генерал-полковник.

— Возможно. С громадными потерями и не без риска провала. Скажу еще: в первый же день наступления русские заберут последний аэродром, которым мы еще располагаем для получения продовольствия. Половину тех крох забирают русские: они каждый день подбивают наши самолеты, они едят наш шоколад, пьют наш кофе и стреляют по нас из наших орудий и пулеметов. Господин командующий, голод налицо. Я хочу спросить: чем мне кормить военнопленных? У меня кончается конина.

— Сократите пленным рацион наполовину,— сказал Шмидт.

— То есть уморить их?

— Пусть помирают русские, но не наши, так я думаю.

— Еще одно преступление, не так ли, Шмидт? — усмехнулся Зейдлиц-Курцбах.— Впрочем, их столько, что одним больше, одним меньше — какая разница! И прошу подумать о раненых, господин командующий. Медикаментов нет, врачи, не выдерживая ада госпиталей, кончают самоубийством.

— Что, возможно, предстоит и нам,— глухо сказал генерал-полковник.

— Полно! — Шмидт задрожал от мысли, что в таком случае и ему придется пустить пулю в лоб.— Они не посмеют посягнуть на вашу жизнь, господин генерал-полковник.

— Вы уверены, что они не посягнут на жизнь и генерал-лейтенантов? — улыбнулся Адам.

— Итак, господа?

— Немедленная радиограмма фюреру, господин командующий.

— Да, Зейдлиц, только так.

— Я сейчас же... О, это будет сделано немедленно! — Никогда еще не видели Шмидта таким прытким.— Пишите донесение фюреру, я вызову по радио ставку.— Он стремглав выскочил от командующего.

— Он, оказывается, умеет бегать! — проворчал Адам.

— Садитесь, Адам, я буду диктовать, Зейдлиц, вы поможете мне. Боже, пошли мне слова, которые тронули бы сердце фюрера!

Продолжение следует.

СТРАСТНОСТЬ ХУДОЖНИКА

Анатолий Никифорович Яр-Кравченко недавно отпраздновал пятидесятилетие. Он принадлежит к поколению тех советских художников, которые пришли в искусство в пору больших индустриальных строек первой пятилетки, в годы обширных технических и культурных преобразований страны, не так-то давно выбравшейся из разрухи после империалистической и гражданской войн.

Было много работы, партия звала советских людей на преодоление неисчислимых трудностей, вела их вперед и вперед. И Яр-Кравченко работал, и тоже вместе со всеми преодолевал трудности, и тоже шел вперед.

Партийную, страстную убежденность А. Н. Яр-Кравченко, как знамя, пронес через первое свое пятидесятилетие и под этим же знаменем вступил во второе. Когда-то его видели рабочие Днепрогэса, он рисовал героев боев на озере Хасан, защитников Ленинграда. Теперь в его альбомах — портреты строителей Волжских и Ангарских гидростанций, ударники коммунистического труда, покорители космоса...

О Яр-Кравченко говорят: «Блестящий рисовальщик, мастер портрета». Это совершенно точно. Прекрасно владея рисунком, он умеет создать очень похожий портрет. Но будучи художником передового мировоззрения, он вместе с тем умеет проникнуть во внутренний мир человека и сообщить портрету верную психологическую насыщенность. Чтобы убедиться в этом, всмотритесь в портреты В. Д. Бонч-Бруевича, дирижера А. В. Гаука, польки Ядвиги Мачея.

Яр-Кравченко — мастер рисунка, мастер точного мазка; интересны его поиски цвета и света, особенно в пейзажных работах, привезенных из поездки по Болгарии. Но форма у него никогда не была самоцелью. Она для него, как и для всякого художника-реалиста, только средство передачи содержания, воплощения на полотне взволновавшей его идеи. Художник, который понимает свою ответственность перед временем, перед народом, не уйдет от реализма ни в один из модных «измов». Я не говорю уж о так называемом абстрактном искусстве — его время от времени гальванизируют, оно на какой-то срок пленяет кучку «ценителей» и затем исчезает до следующего «пришествия»,— но даже и простое манерничанье якобы «в рамках реализма» — этакие желто-оранжевые пятна, небрежные броски — все это приходит, уходит и не остается.

Остается то, что продиктовано большой, человечной, светлой идеей. А большая, поистине человечная, светлая идея никак не сможет вместиться в оранжевые круги и фиолетовые зигзаги, в кривые и косые линии, наляпанные кое-как на полотно краски. Почему-то каждому понятно, что нельзя «шалить» с законами природы, с законами наук. Но «пошалить» с законами художественного творчества любители находятся. Почему? Да потому, видимо, что стоит затеять «шалость» с законами природы, например, с законами сопротивления материалов, как рухнет только что построенный дом, распадется в воздухе самолет, вода прорвет плотину. А «пошалил» кистью, пером,— ничего особенного не случится, ничто с грохотом не рухнет, никто телесно не пострадает. То, что пострадает искусство,— это ничего, оно стерпит, оно уже многое терпело.

Яр-Кравченко прочно стоит на почве социалистического реализма, на почве народности, партийности искусства.

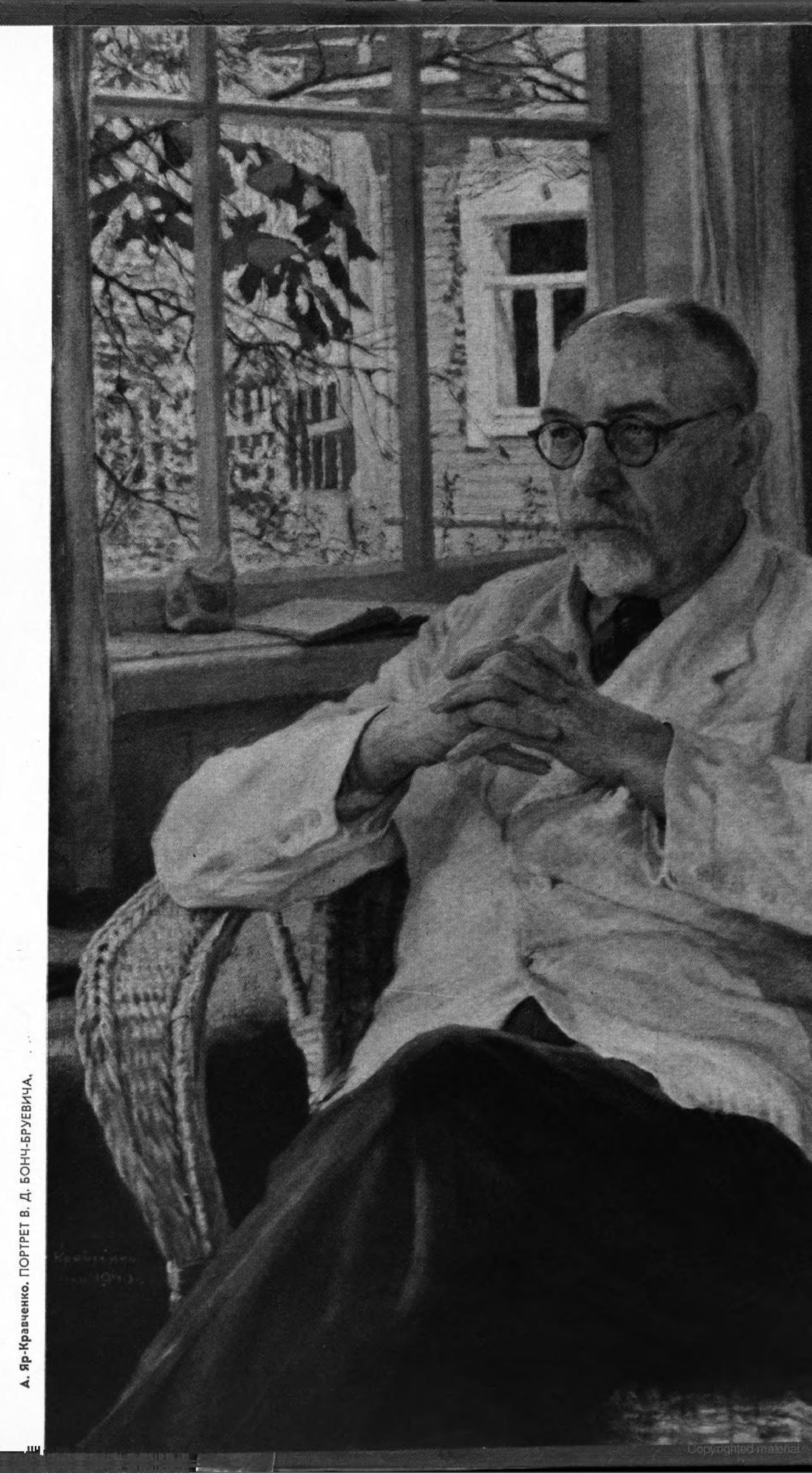
В. КОЧЕТОВ

— Мы могли бы пробиться к своим,— за-
мчиво сказал генерал-полковник.
— Возможно. С громадными потерями и не
риска провала. Скажу еще: в первый же
нь наступления русские заберут последний
родром, которым мы еще располагаем для
лучения продовольствия. Половину тех крох
бирают русские: они каждый день подбива-
наши самолеты, они едят наш шоколад,
ют наш кофе и стреляют по нас из наших
удий и пулеметов. Господин командующий,
под налицо. Я хочу спросить: чем мне кор-
ть военнопленных? У меня кончается ко-
на.
— Сократите пленным рацион наполовину,—
азал Шмидт.
— То есть уморить их?
— Пусть помирают русские, но не наши, так
думаю.
— Еще одно преступление, не так ли,
мидт? — усмехнулся Зейдлиц-Курцбах.—
рочем, их столько, что одним больше, од-
м меньше — какая разница! И прошу поду-
ать о раненых, господин командующий. Ме-
икаментов нет, врачи, не выдерживая ада
спиталей, кончают самоубийством.
— Что, возможно, предстоит и нам,— глу-
сказал генерал-полковник.
— Полно! — Шмидт задрожал от мысли, что
таком случае и ему придется пустить пу-
ю в лоб.— Они не посмеют посягнуть на ва-
у жизнь, господин генерал-полковник.
— Вы уверены, что они не посягнут на
кизнь и генерал-лейтенантов? — улыбнулся
дам.
— Итак, господа?
— Немедленная радиограмма фюреру, гос-
один командующий.
— Да, Зейдлиц, только так.
— Я сейчас же... О, это будет сделано не-
медленно! — Никогда еще не видели Шмидта
таким прытким.— Пишите донесение фюреру,
вызову по радио ставку.— Он стремглав вы-
скочил от командующего.
— Он, оказывается, умеет бегать! — про-
ворчал Адам.
— Садитесь, Адам, я буду диктовать, Зейд-
лиц, вы поможете мне. Боже, пошли мне сло-
ва, которые тронули бы сердце фюрера!

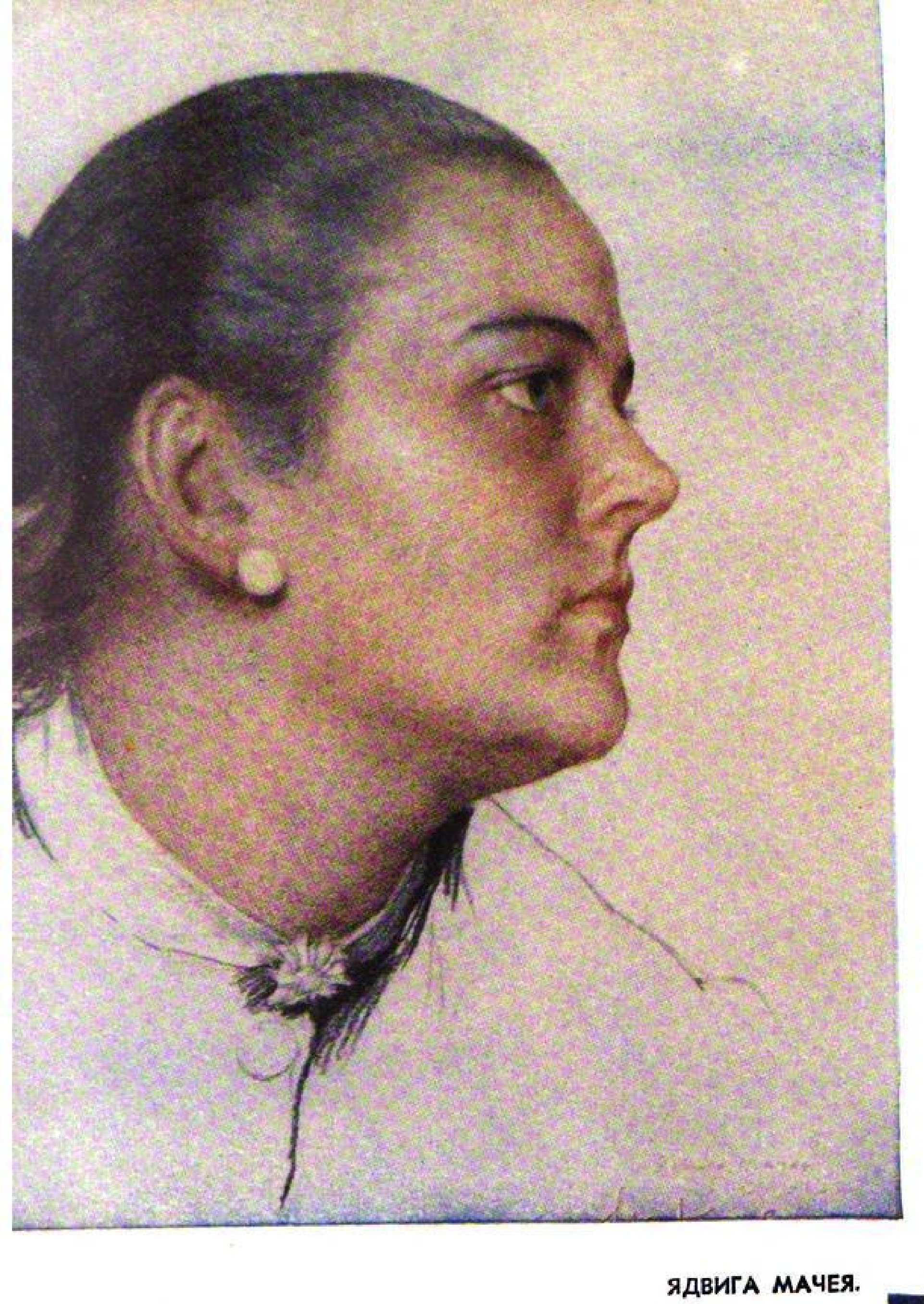
Продолжение следует.

поездки по Бол-
орма у него ни-
ыла самоцелью.
го, как и для
ожника-реалиста,
ство передачи со-
воплощения на
волновавшей его
нник, который по-
ответственность
енем, перед наро-
дет от реализма
из модных «из-
говорю уж о так
абстрактном
его время от
гальванизируют,
ой-то срок пле-
«ценителей» и
зает до следую-
шествия»,— но да-
ое манерничанье
рамках реализ-
не желто-оранже-
тна, небрежные
се это приходит,
не остается.
то, что продикто-
шой, человечной,
деей. А большая,
человечная, свет-
никак не сможет
в оранжевые
круги и фиолетовые зигза-
ги, в кривые и косые линии,
наляпанные кое-как на по-
лотно краски. Почему-то
каждому понятно, что нель-
зя «шалить» с законами при-
роды, с законами наук. Но
«пошалить» с законами ху-
дожественного творчества
любители находятся. Поче-
му? Да потому, видимо, что
стоит затеять «шалость» с
законами природы, напри-
мер, с законами сопротивле-
ния материалов, как рухнет
только что построенный
дом, распадется в воздухе
самолет, вода прорвет пло-
тину. А «пошалил» кистью,
пером,— ничего особенного
не случится, ничто с грохо-
том не рухнет, никто телесно
не пострадает. То, что пост-
радает искусство,— это ни-
чего, оно стерпит, оно уже
многое терпело.
Яр-Кравченко прочно сто-
ит на почве социалистиче-
ского реализма, на почве
народности, партийности ис-
кусства.

В. КОЧЕТОВ

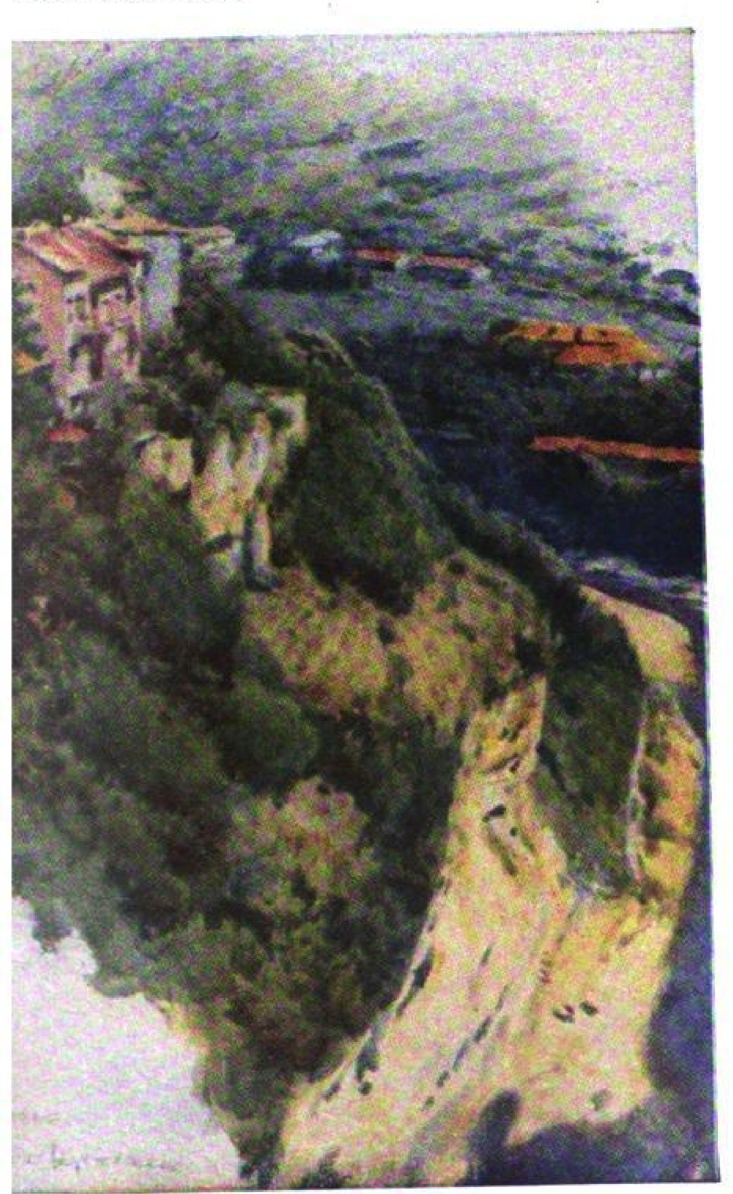
А. Яр-Кравченко. ПОРТРЕТ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА.

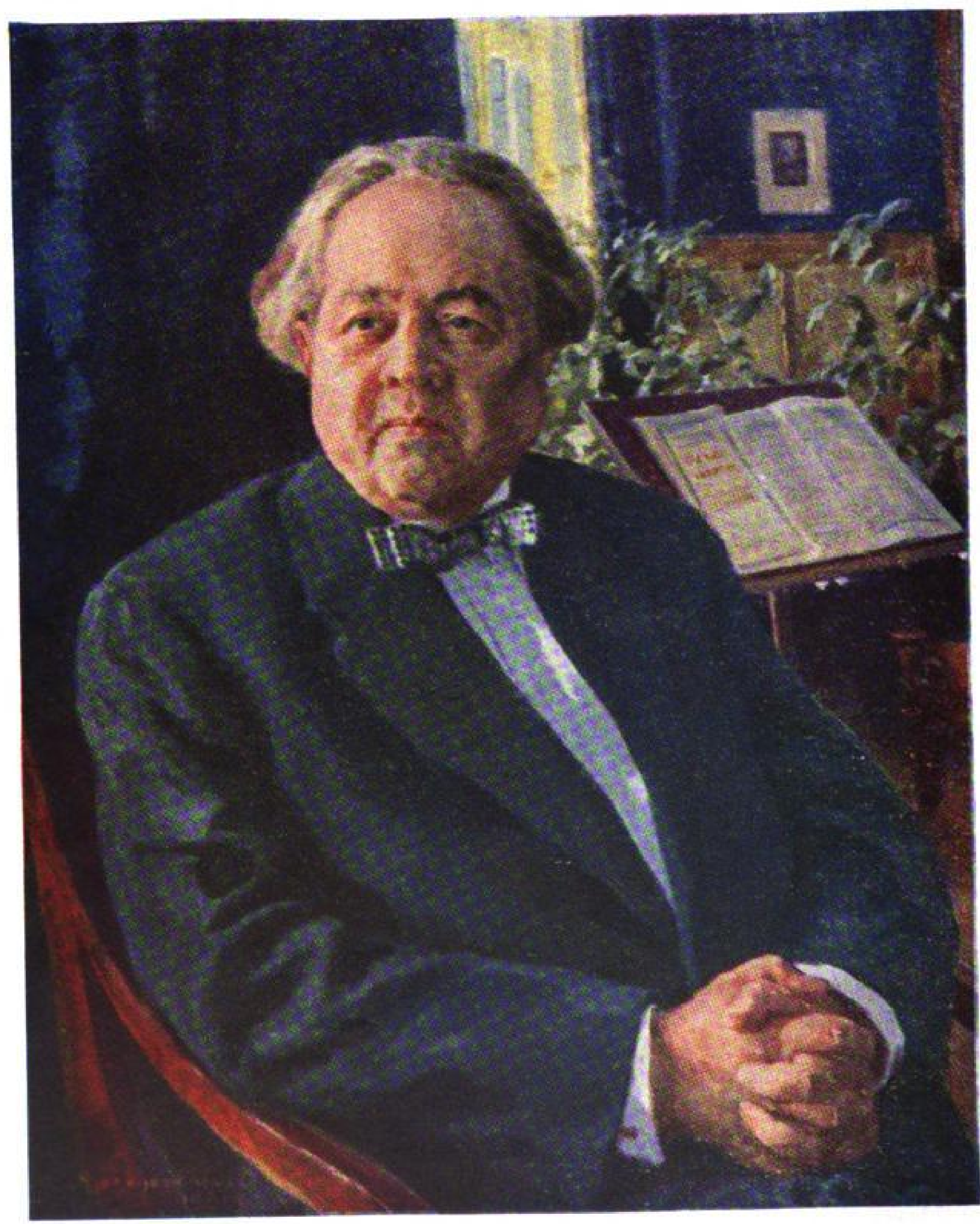
БЕСЕДКА. КРЫМ-ФОРОС.

А. ЯР-КРАВЧЕНКО.

ЯДВИГА МАЧЕЯ.

ТЫРНОВ. БОЛГАРИЯ.

ПОРТРЕТ ДИРИЖЕРА А. В. ГАУКА.

СВЕТ И ТЕНИ ЖИЗНИ

Ник. КРУЖКОВ

Литература, действующая по касательным, избегающая больших жизненных проблем, оставляет читателя равнодушным, несмотря на профессиональную ловкость и мастерство автора. Читатель захлопнет книжку и через полчаса забудет о ее существовании, если книжка не затронет его душевных струн, не призовет к размышлениям, не осветит бушующую кругом жизнь светом художнического видения.

Майские номера журналов дают обильную пищу для разума и сердца.

В № 5 «Нового мира» опубликовано окончание романа «Тишина» Юрия Бондарева, писателя, удачно вошедшего в литературу своими военными повестями «Последние залпы» и «Батальоны просят огня». «Тишина» — едва ли не первое произведение писателя на «гражданскую», мирную тему. Мирную ли? Последние залпы действительно отгремели, и батальоны не просят больше огня, но впрямь ли наступила тишина?

Новый роман Юрия Бондарева охватывает тяжелый, трудный период послевоенной жизни, когда советский народ, победивший в смертельной схватке мировой фашизм, приступил к восстановлению разрушенного войной хозяйства. Лежали в развалинах города, обезлюдели деревни и села, народ устал от лишений и бедствий, устал от войны, от запахов порохового дыма и крови. Но каким гигантом-творцом предстал перед всем миром наш народ, какую огромную, невиданную энергию вызвал он из своих глубин, когда в срок, исторически крайне малый, восстановил порушенное и двинулся вперед, радуя друзей и повергая в страх недругов. И все это происходило в ту пору, когда культ личности Сталина, дошедший до геркулесовых столпов, вязал творческие силы народа. Это было трагическим осложнением, это подмешивало горечь к вдохновению, боль к полноценному ощущению жизни, создавало дополнительные трудности. Но, несмотря ни на что, мы шли вперед.

Юрий Бондарев избрал основным фоном своего романа именно то, что так мучительно осложняло нашу жизнь. Иначе говоря, на свои плечи писатель возложил ношу огромную, требующую от автора глубокого осмысливания всего происходившего, глубокого постижения души человеческой. Тема эта такова, что к ней надо приступать с полной творческой выкладкой.

Герой романа капитан артиллерии Сергей Вохминцев пошел на войну прямо со школьной скамьи. Он доблестно воевал, а когда вернулся домой, в свое Замоскворечье, то растерялся, трудно искал самого себя, своего места в новой жизни. Окружают его какие-то неприкаянные люди: трепач Константин, впрочем, честный малый, прячущий свою душу под маской весельчака-выпивохи; Нина — женщина, тоже что-то ищущая и не находящая, с неясными стремлениями и чувствованиями; друзья-товарищи, усердно посещающие закусочные. Все они шумят, кричат, предаются фронтовым воспоминаниям, но очень мало работают, так же, как и Сергей, не найдя для себя настоящего дела. Сергей поступает в горный институт не по влечению сердца, а так, случайно, чтобы куда-то деть себя,— впрочем, как будто он увлечен новым для него занятием. Но и тут подстерегают его злые люди: подлец Уваров, трус на фронте и ловкач в мирной жизни («тихоня с плечами боксера»); тупой и ограниченный Свиридов, секретарь парторганизации; ко всему барственно-равнодушный директор института профессор Луковский. Вот только Морозов, декан, — хороший человек, что-то понимает, стремится помочь, научить, ободрить, но и он свои чувства и доброе сердце старательно прячет от постороннего глаза, словно бы стесняясь самого себя.

Есть у Сергея отец — старый коммунист, он любит сына, но сын не любит его, то осуждая его, то споря с ним; есть сестра Ася — милый подросток. Только когда арестовывают ни в чем не повинного отца, Сергей прозревает в своем отношении к нему, остро почувствовав, как дорог ему этот единственный по-настоящему близкий человек.

Сцена ареста отца (кстати сказать, отлично написанная автором) и есть кульминационная точка романа. Создается впечатление, что весь роман написан для этой сцены, ибо именно в ней голос автора прозвучал сильно и мужественно, прозвучал совсем по-иному, чем в других главах, где немало скороговорки, эскизных набросков, небрежных и поверхностных зарисовок характеров.

Участвует в повести бывший моряк — фронтовик Григорий Косов — парень, судя по всему, решительный, всегда готовый «трахнуть кулаком по столу», личность колоритная и примечательная: огромный клеш, расстегнутый бушлат, «синие глаза с усмешливой недобротой». Он товарищ Сергея по институту, его приятель, парторг курса.

Но на партбюро, где Сергея после ареста отца исключают из партии, он воздерживается.

Косов делится с Сергеем своими мыслями о его судьбе.

«— Знаешь, что главное сейчас — бороться, но не натворить глупостей, не подставлять под удар задницу».

Кто же он? Трус, приспособленец?

И почему его сентенция чуть ли не буквально совпадает с замечанием майора из приемной МГБ, который многозначительно предостерегал Сергея: «Не будьте чересчур смелым, иногда это опасно»?

Но тут же рядом Косов говорит:

«— А надо действовать. Бог не выдаст, свинья не съест».

Опять вопрос: кто же он?

Читатель так и не может разобраться в характере Григория Косова, ибо и сам автор, торопливо перебегающий от одного эпизода к другому, не успел его разглядеть.

Быстро расправились с Сергеем в институте его недруги. Морозов благословил его отъезд в Казахстан, на шахту,— с глаз долой, из сердца вон. Там Сергея встретил Гнездилов, секретарь райкома, почему-то накричал на него («Я все дела твои изучу, парень, и запомни: глаз с тебя спускать не буду. Я сто потов с тебя сгоню...»), и таким образом Сергей оказался пристроенным к жизни.

«И в эту минуту,— сообщает автор,— он почувствовал себя непобежденным».

Так ли это? Верить в утверждение автора невозможно, ибо Сергей Вохминцев — человек, конечно, слабый, как вообще слабы многие хорошие люди в романе Юрия Бондарева. Зато мерзавцы у него на редкость сильны — и Уваров, и Свиридов, и особенно Быков — мошенник, спекулянт и доносчик, который, несмотря на все превратности, так и стоит непоколебимо до конца романа.

За пределами повествования осталась большая, напряженная, трудная, мужественная жизнь нашего народа, который, повторяем, **несмотря ни на что**, строил и созидал, творил и боролся. Тот период нашей жизни, который мы называем периодом культа личности, отныне принадлежит истории. Партия свалила со своего пути этот тяжелый камень, мешавший жить и идти вперед. Но и тогда, в период культа, в партии и народе зрели те силы, какие впоследствии его сокрушили. Обо всем этом в романе Юрия Бондарева нет ни слова. Соблазнившись большой темой, автор подошел к ней с малой выкладкой.

В том же номере «Нового мира» опубликована небольшая повесть Константина Ваншенкина «Авдюшин и Егорычев», скромно названная в подзаголовке «Эпизоды из жизни двух солдат». В повести описывается война со всеми ее тяготами и опасностями, в ней гибнут люди, и тем не менее после чтения повести остается впечатление светлое и чистое. Простые русские солдаты живут в ней — души их раскрыты нараспашку, кажется, что они даже не сознают своего геройства, и уж, во всяком случае, не выставляют его напоказ: скромно и честно несут они свой долг. Погибает Николай Авдюшин, в конце войны гибнет и Алексей Егорычев, но у Николая растет сын Миша, и вот через двадцать лет он тоже в армии. Отец был солдатом боевого сорок первого года, а сын — сорок первого года рождения. Сын оберегает и охраняет Родину и мир, то, что защищал его отец. И в этом замкнутом круге видишь утверждение жизни. И потому повесть оптимистична, хоть в ней и описываются события грозные и тяжелые.

Константин Ваншенкин в своей прозе, новом для него жанре, остается лириком, наделенным тонким поэтическим видением, и это вносит в повесть теплоту и нежность.

* * *

Мир мелкого собственничества, стяжательства, жадности, своекорыстия, теснимый со всех сторон новой жизнью, ее могучей порослью, стремительно рвущейся к солнцу, тем не менее цепляется кривыми корнями за нашу землю, и не так просто выкорчевать их.

В майской книжке журнала «Знамя» опубликован тонкий и умный рассказ Эм. Казакевича «Приезд отца в гости к сыну».

Иван Ермолаев давным-давно уехал из деревни — «маленьким мужичком с льняными волосами, в лаптях и посконной рубахе» — и прошел тот путь роста, который характерен для тысяч и тысяч наших людей: из чернорабочего превратился в знаменитого металлурга, мастера плавки. Он строил завод своими руками, «а завод, в свою очередь, тесал и плавил его самого, незаметно тесал и плавил его по своему образу и подобию».

Безропотный житель самых холодных углов строительных бараков стал одним из тех, кто мог бы называться почетным гражданином Магнитогорска. И вот после двадцати восьми лет разлуки к знаменитому сыну приезжает погостить деревенский житель, папаня Тимофей Васильевич. Сын искренне рад отцу, отец тоже взволнованно бубнит в усы: «Ну, вот и встретились, и слава богу». Они по крови родные люди, но какая гигантская пропасть лежит между ними!

«— А ты кем в колхозе работаешь? — спросил Иван.

Старик сказал хмуро:

— Я? Чего я там не видел...

— А как же? — удивился Иван.

— А так, живем потихоньку, — ответил Тимофей Васильевич уклончиво, однако тут же, искоса взглянув на Ивана, добавил торопливо: — Ну, и хвалиться особенно нечем...»

Старика в доме Ивана потчевали и угощали, ухаживали за ним с любовью и вниманием, ради отцовского приезда собирались друзья и товарищи сына, возили старика на завод, с гордостью говорили об Иване, желая доставить приятное отцу. Старик был всем

доволен и говорил сыну раздумчиво:

«— Хорошо живешь...»

А когда, погостив, уехал к себе домой, провожаемый с почетом всей семьей и всеми друзьями Ивана, подал на сына заявление в суд: так, мол, и так, член партии, депутат, а оставил родных на произвол судьбы — алиментов не платит.

Симпатичный, тихий старичок оказался мелким стяжателем, забывшим, как он когда-то взашей выгнал своего сына-мальчишку «зарабатывать деньгу».

Это не Тимофей Васильевич так подло взыграл на старости лет, это взыграла в нем душа собственника, жадного к деньгам человечка, готового за двугривенный наплевать в лицо родному сыну, опозорить его перед друзьями и товарищами.

И, прочитав рассказ, ощущаешь прилив ненависти к старому, уходящему, но еще не ушедшему миру собственничества, калечащему людей, превращающему их в дрянь.

В майской книжке «Молодой гвардии» на подобную же тему выступил Юрий Гончаров. Его повесть «На тихом плесе» рассказывает о Харитоне Уткине, тоже «индивидуальном мужичке», который, как и Тимофей Васильевич, говорит о колхозе: чего я там не видал? — и живет на тихом плесе, в тихом углу, жизнью браконьера, ловчилы и торгаша, занимаясь «частной коммерцией», обслуживая заезжих дачников и набивая себе мошну неправедными доходами. Кончается эта повесть тем, что Харитон Уткин убивает ставшего на его пути Сеньку Пояркова — колхозного активиста, общественного инспектора по борьбе с браконьерством, и идет в тюрьму. Кончилось зыбкое счастье Харитона Уткина, наступила расплата. Так в стиле традиционного детектива решается проблема столкновения зла с добром.

Автор повести, несомненно, способный человек и полон благих намерений, но сложные явления жизни он берет с поверхности, не затрудняя себя долгими раздумьями. Все в повести угадывается сразу же, и сразу, как только появляется Сенька Поярков, предвидишь конец Харитона. Правда, не быстро приходит на ум, что Харитон окажется еще и убийцей,— это завершение повести вряд ли необходимо. Такой мелкий собственник, как Харитон, обычно отличается и мелким характером, он труслив, способен на какую-нибудь безопасную для самого себя пакость, а ведь от убийцы как-никак требуется сильная воля.

Семьдесят три страницы занимает повесть; она рыхла, растянута, в ней присутствуют лица, не играющие решительно никакой роли в развитии сюжета и определении внутреннего мира действующих лиц, вроде заезжего рыболова, инженера-экономиста Михайлова с его сыновьями. Автор вынужден заниматься ими в ущерб основным персонажам, тратить на них драгоценные страницы. А они в ответ на эти усилия потоптались в повести и ушли, оставив читателя в недоумении: зачем же он с ними познакомился?

Для того, чтобы подчеркнуть духовную ущербность своего героя Харитона Уткина, автор наделяет его языком нарочито архаическим, на котором теперь и не говорит никто, разве только в плохих пьесах «на деревенскую тему», сочиненных заведомыми горожанами: «Оно, конешно, чего же не отдохнуть, кому позволяет... Ежли, скажем, отпуск с производства... Опять же — рыболовство, ежли кто расположен... Оно, конешно, тута ни лавки, ни сельпа... Картошка, она нонешний год, ежли взять в пример, как в том годе, — то куды там, далече не та!.. Опять же дожжи...»

Вот какая темнота, этот Харитон! А он вовсе не темнота, он в прошлом солдат, пол-Европы прошел. И вовсе он не сер, а умен, ловок — словом, как говорят, «пройди свет». И погубила его не темнота, а тот же подлый, звериный, гипертрофически разросшийся инстинкт собственности и стяжательства.

* * *

В ленинградской «Неве» опубликована поэма Сергея Викулова «Преодоление» — произведение сильное и острое, хоть и не всюду ра́вно выразительное.

В запущенный, захудалый колхоз приезжает новый председатель — молодой агроном. Встретили его кисло: много было здесь председателей.

Плюнь сейчас — обязательно
угадаешь... в кого?
Или в экс-председателя,
или в зама его.

Нелегко пришлось молодому агроному, а тут еще на пути стояли жулики Фомичи, братаны из Дубровки, и их приятели, те самые, которые

Не жнут, не пашут, краснорожие,
а, смотришь, весело живут.
То дымовые — печку сло́жили,—
то встречные, то подорожные,
то черт поймет какие пьют!

И незадачливые районные руководители были помехой колхозу. Терял колхозник, дубровский и сосновский, веру в свою землю и любовь к ней:

Мы ей наше непочтенье,
а она нам, на беду,
непотребное растенье —
и осот и лебеду.

Молодой председатель пошел к людям искать у них правды и помощи. И нашел: старинные, исконные крестьяне, они помогли ему, молодому, своим опытом, умением.

Тут еще и влюбился молодой председатель (как обойтись без этого в поэме!), но влюбился неудачно: учительница Лариса предпочла ему заезжего лейтенанта, собираясь уехать с ним в город. Слабенькая любовь эта не повредила председателю, хоть нескол ько и повредила поэме, сила которой вовсе не в любовных чувствах ее героя, а в той гражданской страстности, какая в ней заключена.

Приехав в Москву по колхозным делам, молодой председатель отправился на Красную площадь — главную площадь великой страны, — и высокие мысли волновали его.

Стоял Валерий.
Горячо
звезда Кремля пылала
над ним. А сердце с Ильичем
беседу продолжало.
И силой полнилось оно
и жгучим непокоем.
И утверждалось в нем одно
и рушилось другое.
И все вставало на места...
Да, человеку надо
бывать для пользы дела там
не то́лько в дни парадов.

Хорошую поэму написал Сергей Викулов. Есть в ней черты, заставляющие вспомнить «Страну Муравию» Александра Твардовского, произведение необычайной силы, живущее до сих пор в сердцах людей, хоть и написано оно четверть века назад.

* * *

Вторжение в жизнь! Просматривая майские книжки журналов, видишь, как наша литература рвется к животрепещущим проблемам нашего бытия. Путь этот правилен, хоть и нелегок. Не всякого на этом пути ждут розы и лавры. Проще, конечно, идти по проторенным дорожкам извечных тем, путаться в любовных историях, усложненных старанием авторов, описывать охотничьи и рыболовные утехи, перелицовывать и переиначивать классиков.

Наша бурная, кипучая, нелегкая и такая великолепная жизнь требует от литературы и писателей высоких качеств бойца передовой линии фронта. Да и сама литература без вторжения в гущу жизни мертвеет, застывает, превращаясь из яркого цветника в гербарий.

ПРЕДТЕЧА ВЕЛИКИХ БУРЬ

Мир отмечает 250-летие со дня рождения Жан-Жака Руссо, великого французского философа и писателя. Проживший жизнь трудную, полную скитаний и бедствий, то взбиравшийся на вершину, то низвергаемый в пропасть, то балуемый, то преследуемый, он оставил после себя творческое наследство, плодами которого человечество пользуется до сих пор.

В своем знаменитом «Рассуждении о происхождении и основах неравенства между людьми», написанном в 1754 году, Жан-Жак Руссо пришел к выводу, что несчастья людей начались с момента, когда появилась собственность, и в особенности частная земельная собственность. Он писал: «Первый, кто огородил клочок земли, осмелился сказать: «эта земля принадлежит мне» — и нашел людей, которые были настолько простодушны, чтоб поверить этому, был истинным основателем гражданского общества. Сколько преступлений, сколько войн, сколько бедствий и ужасов отвратил бы от человеческого рода тот, кто, вырвав столбы или засыпав рвы, служившие границами, воскликнул, обращаясь к людям: «Берегитесь слушать этого обманщика! Вы погибли, если забудете, что плод принадлежит всем, а земля никому!»

Строй, основанный на частной собственности, это строй бесправия и насилия, и он должен быть заменен другим, более совершенным — таков лейтмотив философии Ж.-Жака Руссо. Мысли Руссо составили один из важнейших элементов идеологии монтаньяров — знаменосцев Великой французской буржуазной революции 1789 года. Его идеи, как таран, сокрушали стены феодализма и абсолютизма, найдя горячий отзвук в сердцах восставшего народа.

Утверждение философа, что деспот является господином, пока на его стороне сила, а потому, «когда его изгоняют, он не может жаловаться на насилие», было истинно революционным по своему духу. В его учении можно различить контуры социалистической мысли — еще неясные, неопределенные, но открывающие далекие перспективы.

Во взглядах Руссо было много противоречий: он идеализировал патриархально-ремесленнический строй, никогда не призывал к уничтожению столь ненавистного ему мира частной собственности, ошибочно предписывал возникновение его злой воле отдельных лиц. Но он искренне любил простых людей труда и мечтал об их свободе и счастье. Он боролся против всего, что угнетало, унижало и уродовало человека. Его мысли о воспитании молодежи составили основу для целой педагогической школы. Его блестящий литературный талант, затрагивавший чувствительные струны сердца, приобрел огромное количество последователей и во Франции и в других странах. От влияния Руссо не ушли такие философы, как Кант и Фихте, такие писатели, как ранний Гёте с его «Вертером», Шиллер, Уго Фосколо, Гольдсмит, Бернс.

В России идеи Руссо нашли свое отражение в творчестве Карамзина, Радищева. Пушкинские «Цыганы» написаны не без воздействия идей Руссо. Глубоко симпатизировал учению Руссо великий Толстой.

Прах Жан-Жака Руссо, предтечи революционных бурь, покоится в Пантеоне, но книги его еще долго будут служить человечеству, ибо они до сих пор — оружие в борьбе против угнетателей.

Н. НИКОЛАЕВ

ДОРОГА К МИРУ

К. ЗИЛЛИАКУС,
член английского парламента

Я пишу эти строки после Брюссельской конференции «круглого стола», состоявшейся в начале мая, и незадолго до Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир, который откроется в Москве 9 июля. И еще одна дата сливается в моем сознании с этими двумя: уже ставший традиционным у нас в Англии ежегодний Олдермастонский марш — внушительное шествие протестующих англичан по дороге протяжением в 56 миль от места, где куется ядерное оружие, до столицы страны, Лондона.

Думая о предстоящем Московском конгрессе мира, я с сожалением думаю о препятствиях, поставленных перед лейбористами, которые пожелают на нем присутствовать. Правое руководство партии вынесло «мудрое» решение: присутствие на конгрессах или конференциях, созываемых Всемирным Советом Мира, несовместимо с пребыванием в рядах партии! Я говорю об этом решении «устами моей зияющей раны», как выражаются испанцы, ибо был исключен из партии в 1949 году за то, что присутствовал на Парижском конгрессе мира, хотя конгресс еще и не числился тогда в списках «запрещенных организаций». В брошюре «Почему я был исключен» я привел те вопросы, которые были мне заданы Национальным исполнительным комитетом партии, и мои ответы на них:

«**Вопрос.** Почему вы поехали на Конгресс мира?

Ответ. Потому что я глубоко обеспокоен тем, что человечество катится к войне, и жажду сделать все, что могу, в интересах мира.

Вопрос. Разве вы не знали, что конгресс — дело рук коммунистов?

Ответ. Я, конечно, знал, что на конгрессе будет немало коммунистов. Но, в конце концов, третья часть человечества идет за коммунистами, хотим мы этого или нет. Если мы хотим жить в мире с ними, нам надо с ними разговаривать».

Я вспоминаю об этом сейчас потому, что знаю: некоторые из нас, членов лейбористской партии, считая важным бороться за мир в рядах массовой рабочей партии, вынуждены будут в силу указанного выше запрета отказаться от приглашения на Московский форум мира, хотя всем сердцем хотели бы присутствовать на нем и от души желают ему полного успеха. Они желают конгрессу, чтобы голос его зазвучал еще громче, помогая более эффективному сотрудничеству Востока и Запада в нашей общей борьбе за мир...

Я возвращаюсь теперь мысленно к Олдермастонскому маршу этого года. Он был самым мощным с тех пор, как в 1958 году начались такие демонстрации под руководством Национального совета борьбы за ядерное разоружение. Фрэнк Казенс, руководитель профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих, сказал мне, что в Гайд-парке, на конечном пункте марша, собралось на этот раз не меньше ста пятидесяти тысяч человек.

Был мягкий весенний день, солнце ярко освещало молодую траву и деревья Гайд-парка, огромную массу людей, которая, как пестрая река, текла в парк через Ланкастер Гэйт, разливалась широким озером, перехлестывала через лужайки, застывая вокруг трибуны для ораторов и гостей, вокруг дубов, на которых были развешаны громкоговорители. Уже все было заполнено вокруг людьми — казалось, до самого леса, синеющего вдали.

И вот появились **они.** Одни шагали устало, другие бодро отбивали шаг, некоторые — храня суровое молчание, другие — распевая песни и выкрикивая лозунги. Меж расступившихся толп лондонцев они двигались к центру парка, где стояла трибуна, и опускались на благодатную землю, сбрасывали заплечные сумки, приветствуя взмахом руки друзей, вслушиваясь в музыку оркестров. Три с половиной часа прошло, пока прибыли последние участники Олдермастонского марша, колонны которого растянулись на девять миль...

— Если это не самое большое собрание в новейшей английской истории,— сказал с трибуны Фрэнк Казенс,— то это самый большой слет английской молодежи.

И действительно, среди участников марша явно преобладали молодые лица, были и молодые родители, которые везли в колясочках детей. Развевались знамена студентов Оксфорда, Кэмбриджа, Лондона, Эдинбурга, Бристоля, Манчестера, Дублина. Шли колонны социалистической молодежи, молодых коммунистов, молодежи кооперативной партии. Неизмеримо выросло число знамен профессиональных союзов — это отметил в своей речи каноник Коллинз, один из руководителей движения за ядерное разоружение.

В колоннах шествия шли японские юноши и девушки, представители народа, в истории которого атомные взрывы уже оставили ужасные, незаживающие раны.

Я видел знамена Франции, Италии, Западной Германии, Норвегии, Австралии, Кипра, Индии, Танганьики — всех не перечислишь! Теплая встреча была оказана группе, которая шла под плакатом «Соединенные Штаты Америки». Это были американские женщины, возвращавшиеся через Лондон из Женевы, где они участвовали в демонстрации за мир.

Горячими аплодисментами были встречены слова Коллинза, когда он передал собравшимся привет от шестерых англичан — пятерых мужчин и одной женщины,— отбывающих годичный срок тюремного заключения за то, что они устроили демонстрацию у военно-воздушной базы.

Таков был этот солнечный, весенний Олдермастонский день. Однако его омрачало чувство тревоги и разочарования. Возобновились испытания ядерного оружия. Негодование, вызванное возобновленной гонкой ядерных вооружений, нашло у англичан самое разнообразное выражение — вспомним «сидячие» демонстрации, протесты у баз ракетных бомбардировщиков, у базы подводных лодок «Поларис» в Холи-Лох и т. д. Вспомним, как негодующая молодежь, размахивая флагами «Движения за ядерное разоружение», прервала речи лейбористских лидеров на первомайских митингах — Гэйтскелла в Глазго и Брауна в Гайд-парке. Обстановка становится все более накаленной. Крайне правые элементы в руководстве лейбористской партии заговорили даже... об исключении из партии всех лейбористов — членов Комитета за ядерное разоружение. Но в широких кругах партии и английской общественности подобные несуразные намерения встречают осуждение, а нападки правых клеймятся как безответственные и глупые...

Здесь я хотел бы вернуться к Брюссельской конференции «круглого стола».

Конференция в Брюсселе была шестой по счету. В центре внимания находилась резолюция, совместно выработанная советским генералом Таленским, бывшим министром обороны Франции и экспертом по вопросам разоружения Жюлем Моком и бывшим членом английского кабинета, лауреатом Нобелевской премии мира Ф. Ноэль-Бэйкером. В этом документе содержались разумные и выполнимые предложения, намечающие путь для решения вопросов, стоящих перед Женевским совещанием по разоружению. Предложения были единогласно подтверждены всей конференцией и направлены членам Комитета 18 государств по разоружению, заседающего в Женеве. Хороший пример того, как в открытом и честном обсуждении можно достигнуть сотрудничества Запада и Востока в общем для человечества деле предотвращения ядерной катастрофы.

На конференции в Брюсселе присутствовали американский общественный деятель и промышленник Сайрус Итон и его супруга. Итон рассказывал, что оказалось невозможным пригласить в Брюссель хотя бы одного сенатора или члена палаты представителей США. Каждый боялся обвинения в «общении с красными», а в США, как известно, нынешний год — год выборов в конгресс! У нас в Англии участие парламентариев в таких встречах деятелей Востока и Запада — дело более простое. Даже наш премьер, мистер Макмиллан, которого уже начал охватывать сезонный недуг — предвыборная лихорадка,— может быть, потихоньку стонет на манер чеховских «Трех сестер»: в Москву, в Москву! Во всяком случае, «Дейли экспресс» выступила на эту тему с бестактной прямотой: газета объяснила, что боссы консервативной партии, охотясь за выборными козырями, начинают пускать в ход намеки на «совещание в верхах», с предварительной «поездкой Макмиллана в Москву», и что за океаном готовы-де ему способствовать в этом маневре.

Подобные маневры — лучшее доказательство того, что массовое движение за ядерное разоружение, стремление народов к миру стали важнейшим фактором современности, с которым вынуждены считаться правящие круги.

Голос Японии

Японские борцы за мир пришли к американской военной базе в Итацуке, чтобы заявить: «Долой войну!». Сто тысяч человек приняли участие в демонстрации.

Фото Джапан пресс.

Александр Иванович Вишняков:— Все вернем сторицей!

СОКОЛОВКА ИДЕТ НА

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ

Фото Н. Козловского.

Мы познакомились с председателем колхоза «Украина» Александром Ивановичем Вишняковым на зеленом лугу, где паслось стадо коров. Он сидел на траве под вербой.

— Присаживайтесь, — приглашает председатель. — Я говорю хлопцам: тут за одной коровой присмотреть надо, не заболела ли... А нам теперь, сами знаете, с молоком и мясом буксовать нельзя. Кому много дается, с того много и спросится.

Вот так и начался у нас разговор о деле, которое в эти дни привлекает всеобщее внимание, беспокоит и руководителей страны и каждого рядового труженика.

В колхозе уже давно подсчитали, что повышение закупочных цен на животноводческую продукцию только за оставшиеся до конца года 7 месяцев даст дополнительного дохода 23 тысячи рублей. На них можно приобрести машины, которые заменят ручной труд 70 колхозников. Повысится производительность труда, снизится себестоимость продукции.

Александр Иванович Вишняков рассказывает нам:

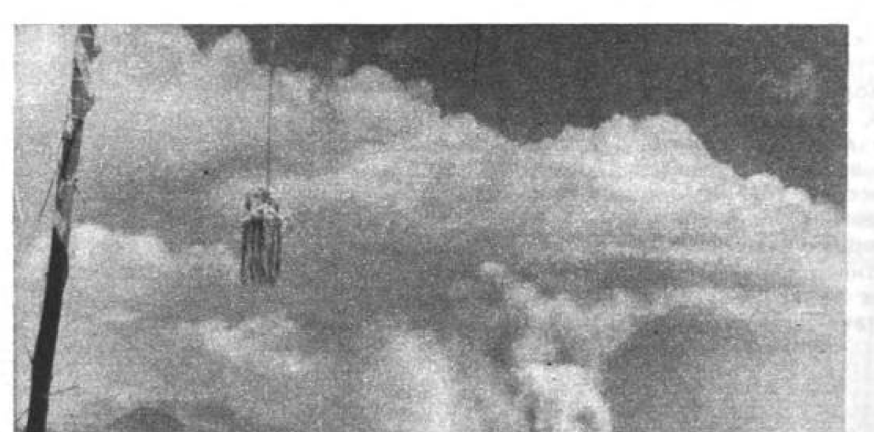
— Наши колхозники правильно понимают свое место в походе за увеличение производства мяса, молока. Мы обещали дать 64 центнера мяса на 100 гектаров, а после Обращения ЦК партии и правительства решили дать 75 центнеров. Хотим взять первый рубеж по производству мяса и прицелиться на второй рубеж. Считаем так, что в будущем году возьмем и его. Поголовье есть, необходимо только откормить его до нужного веса. А это теперь уже не проблема.

Не проблема потому, что в колхозе создана кормовая база.

МИРНЫЕ ВЗРЫВЫ

Походный мастер и походная мастерская...— «наследство» колонизаторов. На смену ему приходят заводы-гиганты. Что запечатлел на втором снимке объектив фотоаппарата? Взрыв? Да, в 140 километрах от Джакарты, в местечке Чилегон, недавно состоялась церемония закладки сталеплавильного завода, который будет построен здесь, на земле Индонезии, с помощью СССР. Три мирных взрыва возвестили об этом.

На водопой...

ВТОРОЙ РУБЕЖ

За разговорами мы и не заметили, как оставили зеленый луг, где встретились. И председатель колхоза водил нас теперь по полям. Вот строгие квадраты кукурузы. В прошлое лето ее собрали по 62,8 центнера с гектара в зерне, а нынче будет не менее 65. Да на силос удвоили посев. Обещает большой урожай горох. Хорошо выглядит и сахарная свекла на корма.

Показал нам Александр Иванович птичник, показал и овец. Потом повел в свинарник. Колхозные свиньи — это часть того стада Гребенковского района, Киевской области, о котором говорится в Обращении ЦК партии и Совета Министров СССР к труженикам деревни. Колхозы района в этом году утроят производство свинины. За год откормят 28 тысяч свиней — 1 свинью на каждый гектар пашни.

Познакомил нас председатель с лучшими людьми, чьими руками обеспечивается успех: заведующим фермами Виктором Коваленко, с доярками Марией Оноприенко, Ольгой Хоренко, Екатериной Бутовенко, Аней Куценко, Надей Заболотной, зоотехником Любовью Ничипоренко. Люди такие, что на ветер слов не бросают.

— За заботы спасибо партии. И рабочему классу спасибо,— говорит на прощание Александр Вишняков.— Все, что нам дали, вернем сторицей, и очень скоро, пусть не сомневаются!

Президент Индонезии д-р Сукарно в День Пробуждения тепло говорил о советской помощи, и взрывы в Чилегоне, мирные взрывы, убедительно подтверждали его слова...

На праздник в Чилегон съехалось много гостей. Были здесь и представители детских организаций республики (снимок 3).

О помощи Советского Союза здесь теперь знают все — от мала до велика. Стадион в Джакарте (снимок 4) помогли построить советские друзья. И потому оригинальное спортивное сооружение здесь часто называют «московскими Лужниками»!

Фото Б. БУРКОВА.

Воспитание искусством

Знакомое серое здание с классической колоннадой. Тысячи людей проходят ежедневно его залами, и новые миры открываются перед ними. В эти дни над входом появилась громадная римская цифра L. Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина празднует свое первое пятидесятилетие!

Еще в XIX веке передовыми художниками и учеными вынашивалась идея создания «эстетического музея». «Желательно было бы, чтобы изящные искусства не ограничивались одними мастерскими художников, но вошли бы непосредственно в круг общественного воспитания и образовали бы в народе чувство эстетическое» — так говорилось в проекте. На осуществление этой идеи ушло почти столетие.

При поддержке широкой общественности профессору искусствоведения Ивану Владимировичу Цветаеву в 1912 году удалось довести до конца дело создания музея. Автором проекта здания был архитектор Р. Клейн.

Только в наши дни начала широко осуществляться музеем задача «образования в народе чувства эстетического». Большая пропагандистская работа, экскурсии и лекции, научные исследования, передвижные выставки в отдаленные районы Советского Союза, народный университет культуры — таков многообразный круг его деятельности.

Здесь с удивительным успехом проходили выставки картин Дрезденской галереи, французского и английского искусства, Мексики, выставки Рокуэлла Кента и Ренато Гуттузо.

Коллекции музея год от года пополняются. Недавно открыта новая экспозиция — Греческий дворик. Для Гравюрного кабинета реставрируется особняк начала XIX века, так называемый «Дом Верстовского», расположенный рядом с основным зданием. На очереди стоит важная задача широкого коллекционирования произведений современного прогрессивного искусства.

Музей живет полной жизнью, он дорог каждому, кто любит искусство.

Ю. СОЛОВЬЕВ

ПОСЛЕДНИЙ КРУГ

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

Как известно, Михаил Таль поехал на Кюрасао после болезни, не успев как следует поправиться. Он находился под неусыпным медицинским наблюдением, и вот, когда закончился третий круг, врачи потребовали, чтобы экс-чемпион мира вышел из игры. Шахматы, конечно, очень важный фактор в жизни гроссмейстера, но со здоровьем шутить нельзя.

Таким образом, дистанция турнира неожиданно сократилась. Теперь ценность каждой потерянной половины очка еще больше возросла. Это сразу почувствовал Керес: в первом туре последнего круга он должен был довольствоваться лишь ничьей с М. Филипом. Так отставшие регулируют движение к победе.

Очень важным был 23-й тур, сложившийся в пользу Т. Петросяна. Он нанес второе поражение В. Корчному, и, таким образом, матч между ними закончился со счетом 3 : 1 в пользу Петросяна. Резко затормозил продвижение к победе Е. Геллера Бобби Фишер. Слишком рискованная игра одесского гроссмейстера привела к тому, что ему записали первый ноль в турнирную таблицу. Абсолютно неподходящий момент для этого выбрал Геллер. Ведь одесситы, провожая своего любимца в дальний путь, говорили ему: «Ефим, если будешь проигрывать, то постарайся делать это в первых турах».

В 24-м туре многие ожидали увидеть Геллера, жаждущего крови Петросяна. Но, потеряв очко, он не решился на риск. Ведь еще одно поражение ставило бы под угрозу не только первое, но и второе место, а, как известно, по правилам ФИДЭ, второй призер попадает в следующий турнир претендентов прямо, без всяких пересадок.

В день доигрывания партии П. Керес и Р. Фишер все остальные столики были свободны, и участники с огромным интересом следили за исходом этой упорной борьбы. Особенно волновались Геллер и Петросян: ведь от исхода этой исключительно важной партии зависели шансы претендентов на первое место. Но Пауль Керес еще раз продемонстрировал высокую технику и в конце концов заставил Бобби Фишера капитулировать.

Да, эта победа очень многое значила для Кереса: добившись ее, он в предпоследнем круге набрал шесть очков из семи, а, главное, догнал Петросяна.

Какой же молодец старейший участник турнира Пауль Керес!

Итак, в тот день, когда пишутся эти строки, до конца турнира претендентов нас отделяет всего четыре тура, а вопрос остается по-прежнему открытым: кто победит — Керес, Петросян или Геллер?

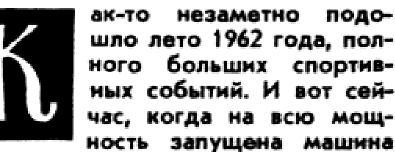
Как бы там ни было, никак нельзя завидовать лидерам этого важнейшего турнира. Последняя его неделя меньше всего будет походить на беспечный отдых под сенью экзотических пальм. Сейчас решают нервы. У кого они окажутся сильнее, тот и станет счастливым победителем, именно счастливым, ибо достоин победы каждый из этой великолепной тройки...

Когда читатель «Огонька» получит этот номер, над Кюрасао уже пронесется девятый вал шахматных страстей и, возможно, мы узнаем имя того, кто сядет за один столик с Михаилом Ботвинником в будущем году.

За Белградом

Г. КОРОБКОВ,
заслуженный тренер СССР

Две кульминации

ак-то незаметно подошло лето 1962 года, полного больших спортивных событий. И вот сейчас, когда на всю мощность запущена машина всесоюзного и международного календаря соревнований и до главных кульминаций сезона остались считанные дни, хочется еще раз поразмышлять над судьбами легкой атлетики.

21—22 июля в городе Пало Альто, на стадионе Стэнфордского университета (40 минут автомобильной езды от Сан-Франциско), состоится четвертый традиционный матч команд легкоатлетов СССР и США, а через пятьдесят один день после этого на белградском стадионе взовьется флаг VII чемпионата Европы.

Да, главные события этого года произойдут в Белграде на европейском чемпионате. Это признают сейчас не только в Европе. Недаром из номера в номер на страницах американского журнала «Трэк энд Филд ньюз» печатается следующая реклама: «Смотрите первенство Европы по легкой атлетике 1962 года — величайшее соревнование после Олимпийских игр, которое состоится в Белграде, Югославия, 12—16 сентября. Стоимость поездки 775 долларов».

А ведь, кроме этих двух соревнований, сезон богат и другими событиями. В Москве будут разыграны призы братьев Знаменских, матч Польша — США состоится в Чикаго, игры стран Британского содружества наций в Перте.

Накануне матча гигантов

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что четвертый матч с американскими легкоатлетами будет для наших спортсменов самым трудным. Почему? Во-первых, расстояние от Москвы до Сан-Франциско равно примерно 14 тысячам километров. Когда в Пало Альто в три часа дня откроются соревнования, в Москве будет уже час ночи. Даже учитывая современную реактивную авиацию, длительный перелет за несколько дней до начала матча не пойдет на пользу нашей команде. Трудно, как всегда в этих случаях, приспособиться к быстрому изменению климата, времени, условий стадиона и другим на первый взгляд незначительным деталям, от которых часто зависят решающие секунды и сантиметры. А команды СССР и США настолько равны, что в этом матче каждое очко на вес золота.

В 1959 году в Филадельфии наши прыгуны впервые узнали, что такое специальная асфальтовая дорожка. Теперь в Стэнфорде нашим спортсменам предстоит прыгать с травяных дорожек, а этот грунт для нас также необычен и требует времени, чтобы к нему приспособиться.

В прошлом году в Москве матч закончился общей победой нашей команды со счетом 179 : 163. У мужчин победили американцы — 124 : 111, у женщин — мы — 68 : 39. Прошел год. Изменилось ли за это время соотношение сил двух сильнейших команд? Из 22 видов мужской легкой атлетики американцы выглядят сильнее нас в десяти видах. Мы сильнее в девяти видах. Трудно сказать, кто победит в прыжках в длину, в беге на 800 метров, в метании диска. В этих трех видах легкой атлетики наши результаты подошли вплотную к американским.

Таким образом, чувствуется некоторый перевес американцев в мужской части программы. За женскую часть соревнований мы беспокоимся меньше. Из десяти видов легкой атлетики американки способны нанести нам поражение лишь в беге на 100 и 200 метров и эстафете 4×100 метров, если в их команде будет выступать Вильма Рудольф. Впрочем, заочное сравнение сил противников не раз подводило прогнозистов. Не будем строить прогнозов и мы. Ведь до матча еще несколько недель и... 14 тысяч километров.

VII чемпионат

Советские спортсмены впервые вышли на старт чемпионата Европы в 1946 году в Осло. Тогда они привезли на родину 6 золотых медалей. В командном зачете наши мужчины заняли шестое место. Перелом произошел в 1954 году в Берне на V европейском первенстве. Мы привезли из Швейцарии 18 золотых медалей (половина из них мужские) и первое командное место. Так же успешно выступала советская команда и на VI первенстве Европы. Но вот что интересно: мы привезли в Стокгольм команду более сильную, чем в Берн, а она хоть и заняла первое место, но золотых медалей завоевала намного меньше — одиннадцать. В два раза более сильная команда — и более трудная победа. Я уверен, что в Белграде у нас будет в три раза более сильная команда, а победа потребует в шесть раз больших усилий. Таков темп роста европейской легкой атлетики.

Где же предел!

Бурный рост мировых рекордов во всех видах легкой атлетики постоянно обесценивает результаты, недавно казавшиеся феноменальными. В самом деле, из 36 мировых рекордов один (в беге на 5 тысяч метров В. Куца) установлен в 1957 году, три — в 1958 году, два — в 1959 году, тринадцать — в 1960 году, девять — в 1961 году и уже восемь — в 1962 году.

Мы стали свидетелями того, как американец Уильям Нидер толкнул ядро за 20 метров, как советский спортсмен Владимир Трусенев метнул диск за 61 метр, американец Гарольд Конноли метнул молот за 70 метров, немец Армин Хари достиг рубежа 10 секунд в беге на 100 метров, новозеландец Питер Снелл пробежал 800 метров за 1 минуту 44,3 секунды, а Брумель прыгнул в высоту на 2 метра 25 сантиметров.

И все же эти великолепные результаты, судя по всему, скоро останутся позади. Совершенствуются методы тренировки на основе таких наук, как физиология, психология, биомеханика, улучшаются беговые дорожки и спортивный инвентарь.

За последние месяцы во всем мире много говорят и пишут о новозеландском тренере Артуре Лидиярде и его учениках Мюррее Халберге, Питере Снелле, Барри Мэги, которые на XVII Олимпийских играх завоевали 2 золотые и одну бронзовую медали на дистанциях 800, 5 тысяч метров и в марафоне, а после Олимпийских игр установили ряд рекордов мира.

Лидиярд, развивая методы тренировки Затопека — Куца — Эллиота, открыл перед нами новые возможности улучшения результатов в беге на средние и длинные дистанции.

В его группе тренируются вместе средневики, стайеры и марафонцы. И все они получают одинаковую, на много лет спланированную солидную физическую подготовку. По существу, каждый бегун Лидиярда — марафонец, способный бежать в оптимальном темпе, не чувствуя утомления в течение многих часов. Для всех них состояние бега столь же обычно, как простая ходьба.

Если для здорового человека не представляет большого труда пройти 5—6 километров, то для Питера Снелла пробежать 7 километров от дома до места работы столь же естественно. После установления Снеллом мирового рекорда в беге на 1 милю спортивный обозреватель, интервьюировавший его через несколько секунд после финиша, буквально не мог перевести дыхания, в то время как Снелл говорил так спокойно, словно это не он только что пробежал 1 609 метров за 3 минуты 54,4 секунды. Между прочим, чтобы рассказать родителям о своем рекорде, Снелл сбегал к ним за 24 километра.

м — Токио

Владимир Трусенев — новый рекордсмен мира по метанию диска. Еще одно мгновение — и диск, пущенный его рукой, опустится на отметке 61 метр 64 сантиметра.

Фото В. Галактионова.

Мировые рекорды в беге на средние и длинные дистанции в 1962 году под большой угрозой. Думаю, что основное нападение на них произойдет в сентябре в Белграде и в октябре — в Перте (Австралия), где состоятся игры стран Британского содружества наций. К сожалению, с таким интересом ожидавшаяся встреча Питер Снелл — Герберт Эллиот не состоится. Чемпион XVII Олимпийских игр Эллиот в двадцать три года решил закончить свою короткую, но яркую спортивную карьеру. Я хорошо знаю его и всегда удивлялся, как он сравнительно мало сделал, несмотря на свои колоссальные возможности. Он не стремился к рекордам на дистанциях выше 1 мили, а ведь рекорд в беге на 5 тысяч метров уже в 1958 году был у него буквально «в ногах».

Теперь на рекорд Владимира Куца претендуют Мюррей Халберг, Питер Снелл и Ханс Гродоцки... Вероятно, появятся и новые имена. Хочется, чтобы среди них были и наши спортсмены.

За последние годы солидная физическая подготовка многое изменила не только у бегунов, но и у метателей. Техника Далласа Лонга и Билла Нидера, толкнувших ядро за 20 метров, не очень отличается от техники мирового рекордсмена 1952 года Джеймса Фукса, которому так и не удалось достигнуть 18 метров. Колоссальная скоростно-силовая подготовка — вот один из главных секретов современных метателей. Еще в 1958 году Пэрри О'Брайн как-то сказал мне: «Я теперь уж и не знаю, кто я: метатель или штангист». И он прав. Современный толкатель ядра, метатель молота или диска — это быстрый силач, то есть штангист. Ведь не случайно нашим лучшим метателям молота Василию Руденкову и Юрию Бакаринову по ходу своей подготовки как метателей приходится выполнять нормы мастера по штанге.

А знаете ли вы, сколько набрал в классическом троеборье по штанге двадцатилетний американский толкатель ядра Гарри Губнер? 517 килограммов! Выходит, что как штангист он уступает сейчас лишь Юрию Власову.

Как мы уже писали, рост рекордов связан не только с совершенствованием методики тренировки, но и с улучшением инвентаря. Технический прогресс властно вмешивается в область спорта. Как сравнить теперь бросок финна Ирье Никканена на 78 метров 70 сантиметров, который он совершил в 1938 году с помощью деревянного «пикирующего» копья «Карху», и прошлогодний результат итальянца Карло Лиевоpe — 86 метров 74 сантиметра, достигнутый благодаря цельнотянутому металлическому планирующему копью «Сеефаб»?

К сожалению, техника использована еще не во всех видах легкой атлетики. Вряд ли в ближайшее время кто-нибудь сможет пробежать 100 метров за 9,9 секунды и быстрее. Быстрота — решающее качество спринтера — труднее всего поддается значительному улучшению. Не пора ли в связи с этим использовать секундомеры, которые фиксировали бы время не в десятых, а в сотых долях секунды? Ведь мы не требуем от метателей, чтобы при установлении ими мирового рекорда их копья пролетели бы дальше не менее метра. Достаточно метнуть копье лучше хотя бы на сантиметр. В беге же на 100 метров бегун может стать мировым рекордсменом лишь в том случае, если он опередит Хари на 0,1 секунды, то есть ровно на метр. Результат 9,99 секунды все равно будет зачтен как 10 секунд ровно.

Да, пора уже открыть счет на сотые доли секунды в беге на короткие дистанции. Кстати, надо сказать несколько слов о судьбе Армина Хари. Мы уже никогда не увидим на беговой дорожке этого замечательного спринтера. Теперь его имя и фотографии украшают рекламы фирмы спортивной обуви «Пума», которой он решил продать свои спортивные лавры. Обычный конец спортсмена в мире капитализма. А жаль! Хари, как и Эллиот, рано ушел из спорта. На финише своего спортивного пути Армин Хари выпустил книгу «10,0», очень интересную и полезную для молодых спортсменов. Прочитав ее, видишь, сколько лет и сколько труда нужно для того, чтобы стать настоящим спринтером.

Впереди Токио

После окончания чемпионата Европы в Белграде впереди останется уже ничем больше не заслоненная столица Японии — Токио. Там в октябре 1964 года откроются XVIII Олимпийские игры.

Осенью прошлого года я побывал в Японии на месте будущих олимпийских «боев». Главное, что я вынес из этой поездки, — то, что наших легкоатлетов ждут там большие испытания. Им придется вести борьбу не только с сильнейшими соперниками, но и с совершенно непривычным для них климатом.

На всю жизнь, наверное, запомнятся мне соревнования олимпийских кандидатов, в которых 28 октября 1961 года приняли участие в городе Сендай трое наших легкоатлетов: Валерий Брумель, Василий Руденков и Анатолий Михайлов.

Когда мы утром проснулись в отеле «Матсусима-парк», над устричными отмелями Залива тысячи островов сияло солнце. Последняя тренировка в Токио позволяла надеяться, что Брумель возьмет высоту 2 метра 26 сантиметров, Руденков был готов к тому, чтобы метнуть молот на 70 метров, а Михайлов намерен был пробежать 110 метров с барьерами за 13,5 секунды...

Через сорок минут в Сендае мы поняли, что рекордам не суждено состояться: шел дождь. Нет, это не то определение. Точнее — в воздухе висела вода и дул ветер. Вода поэтому текла на вас и сверху, и снизу, и сбоку. Зонтики и плащи не имели смысла. Каждый чувствовал себя, как в бассейне. Смысл имели бы лишь водолазные костюмы. А на стадионе японцы вели себя так, будто сияло солнце. Трибуны были переполнены, судьи энергично занимались своим делом. Соревнования шли точно по намеченной программе. И в этих условиях, когда грунт буквально превратился в болото, Валерий Брумель смог преодолеть 2 метра 5 сантиметров, Анатолий Михайлов пробежал свою дистанцию за 14 секунд, а Василий Руденков, раскручивая молот с бетонированного круга, по щиколотку залитого водой, показал 63 метра 31 сантиметр.

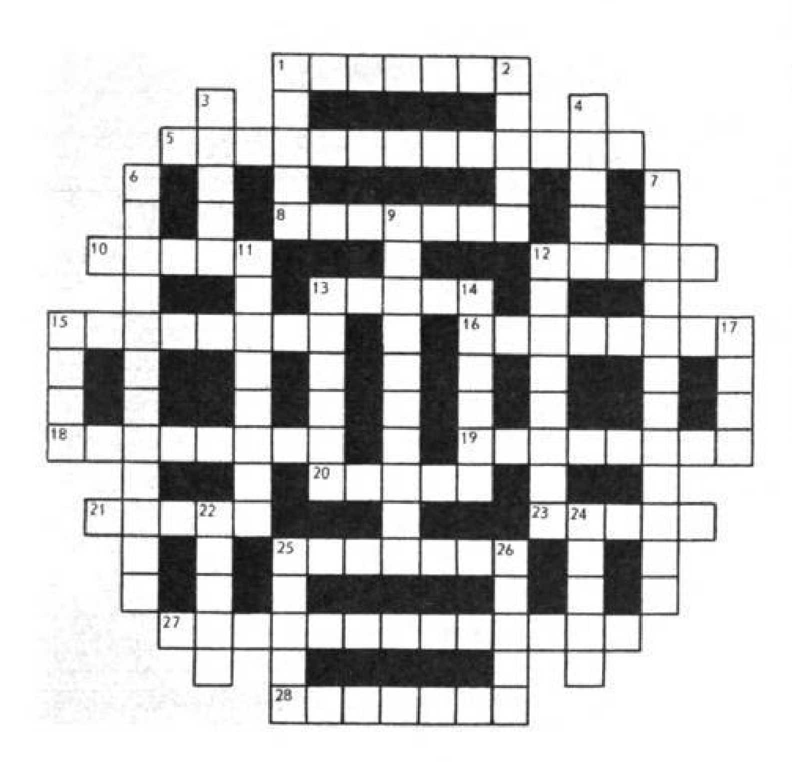
Когда мы покидали Сендай, над городом, будто в насмешку, ярко светило солнце, и я подумал: «Надо, чтобы в нашей олимпийской команде было побольше таких ребят, как Брумель, Руденков и Михайлов. Только такие спортсмены способны добыть победу в Токио».

ОТВЕТЫ НА ФОТОВИКТОРИНУ «КТО ЭТО!»

(См. 32-ю страницу)

1. Лев. 2. Гамадрил. 3. Черная пантера. 4. Филин. 5. Пума. 6. Леопард. 7. Марабу. 8. Тигр. 9. Зебра. 10. Крокодил. 11. Ягуар. 12. Удав. 13. Лама. 14. Носорог. 15. Бегемот. 16. Лиса. 17. Слоновая черепаха.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Соединительное звено двух частей механизма. 5. Музыкальное учебное заведение. 8. Декоративное дерево или кустарник. 10. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 12. Машина для обработки давлением. 13. Корытце. 15. Печать. 16. Площадка для взлета и посадки самолетов. 18. Врач. 19. Один из создателей фильма. 20. Химический элемент. 21. Единица измерения силы света. 23. Цветок. 25. Русский певец. 27. Научно-технический журнал. 28. Вьющееся растение.

По вертикали:

1. Река в Польше. 2. Пьеса А. Н. Островского. 3. Название холмов в Забайкалье и на Дальнем Востоке. 4. Кровельный материал. 6. Переделка литературного произведения для театра. 7. Астрономическое научное учреждение. 9. Раздел зоологии. 11. Первое представление. 12. Занавес. 13. Привилегия. 14. Толстая бумага. 15. Административное деление некоторых государств. 17. Мера длины. 22. Одно из основных понятий в математике. 24. Единица речи. 25. Хищное животное. 26. Созвездие южного неба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

1. Планк. 5. Лепешинская. 6. Парус. 8. Оскол. 10. Ширин. 15. Печерица. 16. Веретено. 17. Накат. 18. Черенок. 19. Галерея. 20. Бивак. 22. Кольраби. 23. Искандер. 24. Гаити. 25. Капор. 27. Ларга. 29. Коэффициент. 30. Явата.

По вертикали:

1. Прессшпан. 2. Космонавт. 3. Фетр. 4. Маяк. 6. Понедельник. 7. Кручковский. 9. Лиственница. 11. Телефон. 12. Синодал. 13. Ярмарка. 14. Интерес. 20. Биография. 21. Кириллица. 26. Плов. 28. Ринг.

На первой странице обложки: Ударница коммунистического труда, комсомолка Юля Макарова работает на Рязанском электроламповом заводе. Недавно она награждена почетной грамотой обкома ВЛКСМ как лучшая пионервожатая подшефной школы.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Малыш заблудился... Лежбище котиков на острове Медном (Командорские острова).

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00484 Подписано к печати 21/VI 1962 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 890. Заказ 1756.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ОСТРЫЙ УГОЛ

От этого Угла никому в учебнике не было покоя. Ох, и доставалось же от него геометрическим фигурам! Треугольнику попало за угловатость, Окружности — за обтекаемость, Квадрату — за отсутствие разносторонности.

Как всегда бывает, тут же находились охотники, которые подхватывали остроты Угла,— и начиналась критика. Эта критика из-за Угла приняла такие размеры, что к нему стали относиться с уважением.

Так пришла к Углу слава, а с ней и все остальное. Угол раздался, стал солидней, внушительней и — куда девалась его былая острота! Теперь уже никак не поймешь, отчего он отупел — от градусов или от всего остального.

Ф. КРИВИН

ФИЛАТЕЛИСТ СООБЩАЕТ

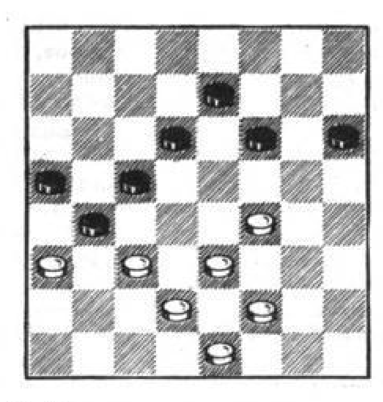
Предлагаю вниманию читателей «Огонька» новую австрийскую марку. На ней изображена крупнейшая в стране электростанция.

Мартин ШТИГЕР
Вена.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

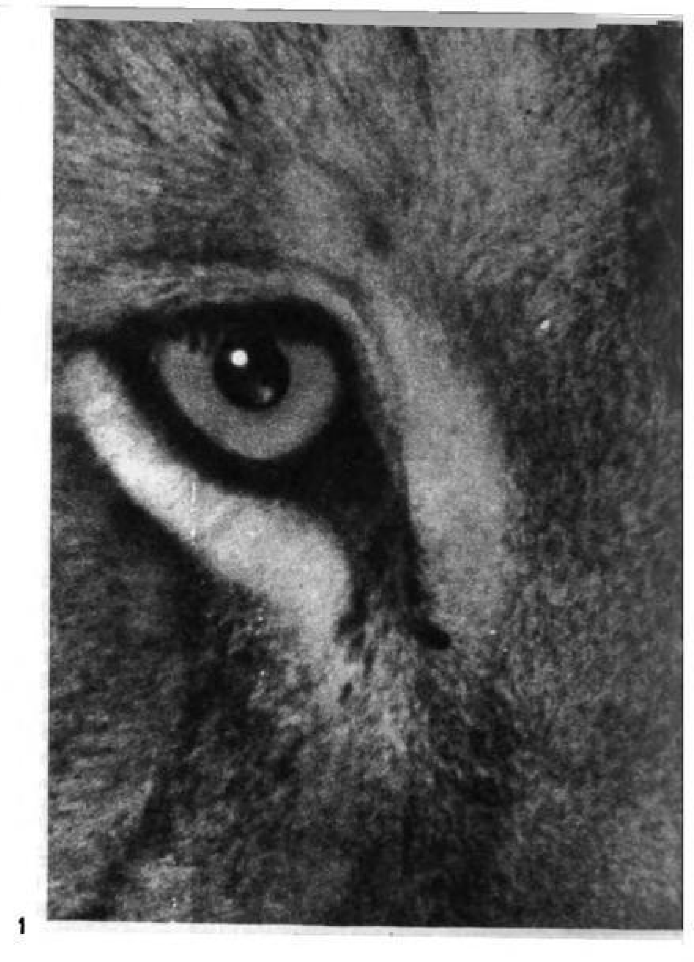
УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Позиция, показанная на доске, встретилась в партии московских мастеров А. Купцова и В. Шнера. Игравший черными В. Шнер ответил здесь 1. ... f6 — e5?, и после 2. f4 — g5 h6 : f4 3. e3 : g5 партия закончилась вничью. А между тем, как это показал по окончании партии А. Купцов, белые могли выиграть, проведя красивую комбинацию. Ему следовало играть 2. f2—g3 e7—f6 3. e1 — f2! f6 — g5 4. c3 — d4!! e5 : e1. 5. g3—h4 e1 : e5 6. h4 : b6 a5 : c7 7. a3 : e7 и выигрывают.

●

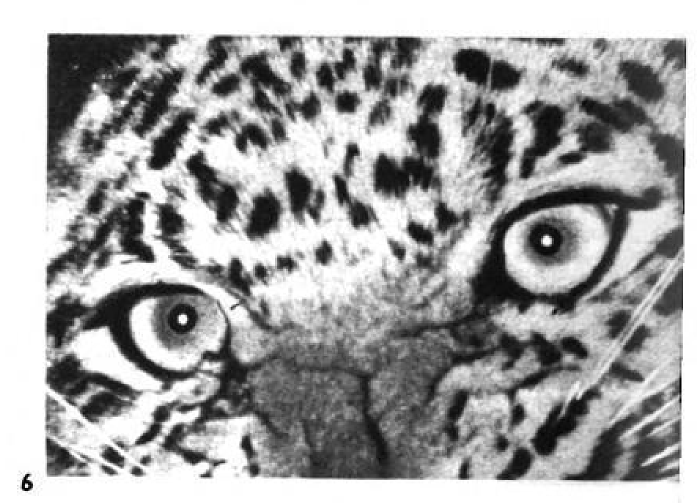
Решение этюда Д. Колинского, помещенного в № 24 «Огонька». 1. a7—g1! g7—h6 (при других ходах шашек решает 2. g1—d4) 2. a1 : h8 g5—f4 3. h8—d4 h4—g3 4. d4—c5! e7—f6 5. g1—h2 и выигрывают.

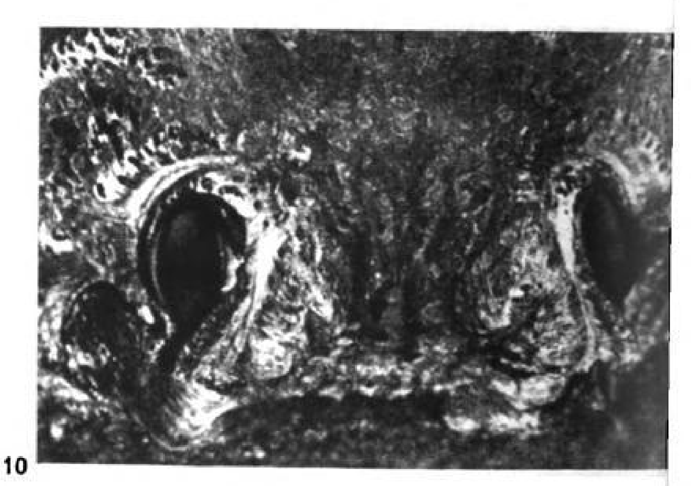
1

Зоопарк. Через решетку клеток на вас смотрят глаза. Они разные. Добрые у травоядных, злые у хищников, холодные у пресмыкающихся. Наш фотокорреспондент О. Кнорринг заснял в зоопарке разных животных. Попробуйте угадать, кто это!

Ответы см. на стр. 31.

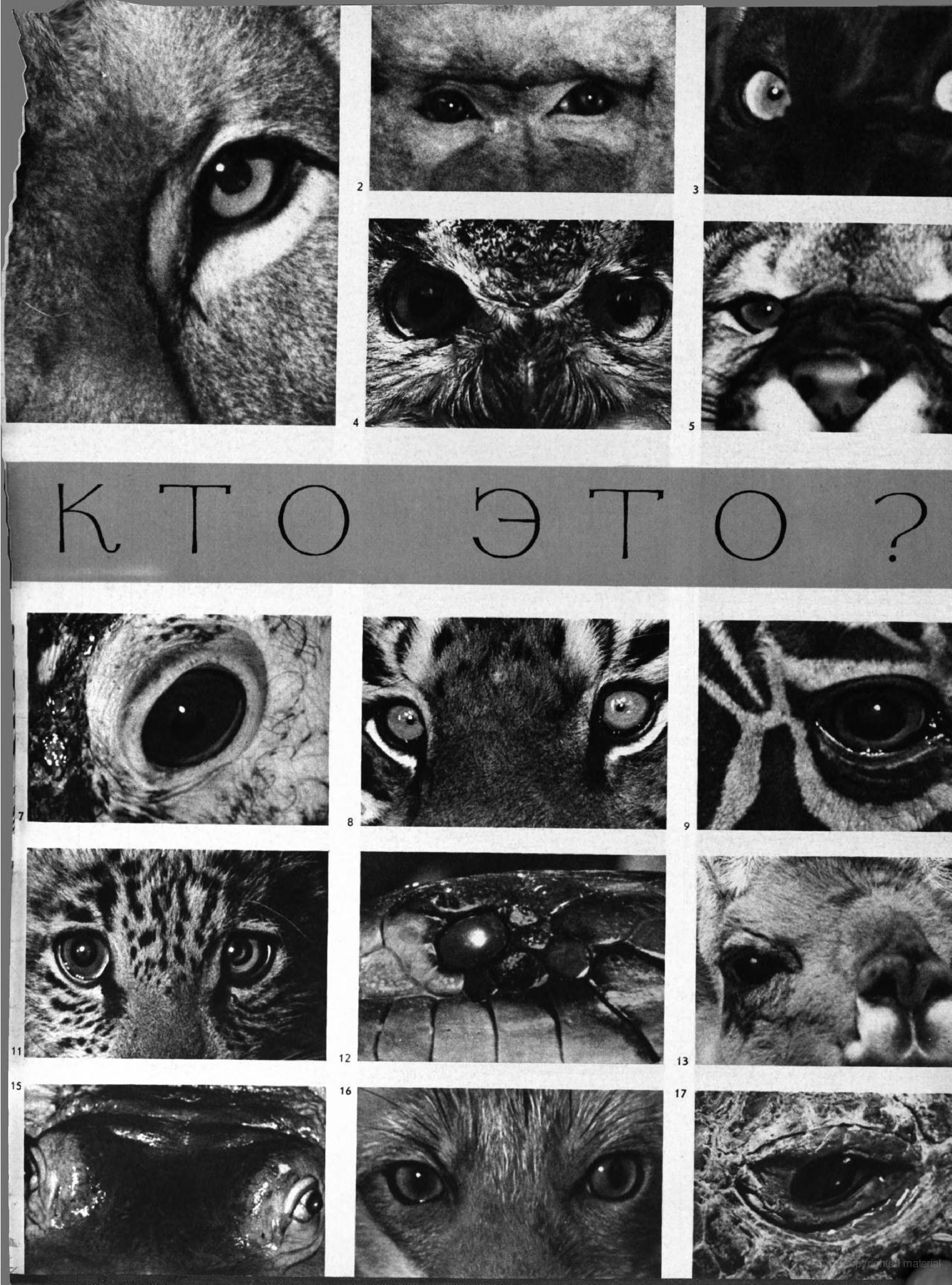
6

10

14

2
3
4
5
КТО ЭТО?
7
8
9
11
12
13
15
16
17

Цена номера 30 коп.